

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ГРАНИЦЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

BACKGROUND MATERIALS
TRANSFORMING BORDERS:
GLOBAL TRENDS AND
REGIONAL DIMENSION

ЦЕНТР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЕКТОВ
THE CENTER OF INTEGRATION RESEARCH AND PROJECTS
WWW.GIRP.RU

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Изучение государственных границ имеет богатые традиции. История человечества – это история войн, а большинство войн имело целью пересмотр границ. «География служит прежде всего для того, чтобы воевать» («La géographie, ça sert d'abord à faire la guerre») – примерно так можно перевести название известной книги крупного французского политико-географа Ива Лакоста. Чтобы оправдать территориальные притязания и требования изменения границ, правительства и политические деятели нуждались в их обосновании. Кроме того, пересмотр границ всегда влек за собой потребность в прикладных исследованиях для их делимитации на карте и демаркации на местности, и здесь географы были практически незаменимы. Международные организации и правительства мировых держав и в наши дни приглашают крупных географов в качестве экспертов для делимитации границ.

В этой статье речь пойдет главным образом о географической и политологической части лимологии, или науки о границах (от лат. *limes* – граница), которая представляет собой поле исследований многих общественных и даже технических наук. Цель настоящей работы – анализ развития концепций лимологии, особенно за последние 10-15 лет, и возможностей потенциального применения теоретических построений к изучению нового российского пограничья.

Несмотря на обилие фактического материала, географическая лимология до недавнего времени страдала от недостатка теоретического осмысления конкретных исследований. Это не означает, однако, что попыток предложить теоретические рамки для географического изучения процессов формирования и эволюции международных границ вовсе не было¹. В нем можно выделить несколько последовательно возникших теоретических подходов (см. Таблицу 1), которые можно условно назвать традиционными и постмодернистскими. Новые подходы применялись не вместо, а вместе со старыми, постоянно совершенствовавшимися. К числу традиционных подходов принадлежат историко-картографический, классификационный, функциональный и географо-политологический, которые были частично охарактеризованы нами в более ранних работах². Остановимся более подробно на постмодернистских подходах, возникших в основном в 1990-е годы и в начале нынешнего десятилетия.

Традиционные подходы объясняли феномен государственных границ политическими факторами, трактуя их как зеркало военной, экономической и иной мощи соседних стран. При этом сущность и политика государств, равно как и иерархические отношения между ними на глобальном и макрорегиональном уровнях редко принимались во внимание. Сами государства выступали как неизменные данности, как «естественные» регионы, действующие как единое целое. Такой взгляд на пространство типичен для традиционных позитивистских подходов, в которых оно рассматривается как независимый объект, оказывающий через систему причинно-следственных связей влияние на социальные явления.

---

¹ См., например: Minghi J. Boundary studies in political geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1963. Vol. 53. P. 407-428; *The Geography of Border Landscapes* / Rumley D. and Minghi J. eds. Routledge: London, 1991.

² Kolossov V. and O'Loughlin J. New borders for new world orders // *GeoJournal*. 1998. Vol. 44. No 3. P. 259-273; Колосов В.В., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // *Известия РАН. Серия географическая*. 1998. № 1.

Практически никогда государственные и внутренние политические и административные границы, а также культурные рубежи не рассматривались как единая система, что соответствовало жесткому разделению исследований по внешней и внутренней политике.

Географическое изучение границ нуждалось в свежих теоретических подходах. Стало ясно, что границы ныне нельзя изучать только на уровне страны. С одной стороны, все более заметную роль в мире играют наднациональные организации, а с другой, в ответ на интернационализацию хозяйства и унификацию культуры пробуждается региональное самосознание. Поэтому ситуация в приграничной зоне не может быть объяснена лишь особенностями границы между двумя странами.

Постепенно накапливались предпосылки новой, постмодернистской парадигмы анализа, развивающейся с 1990-х годов. Постмодернистское течение в лимологии можно подразделить на отдельные подходы, разумеется, весьма условно. Чаще всего элементы разных подходов используются одновременно, и дело только в акцентах. Тем не менее, можно говорить, по крайней мере, о нескольких группах постмодернистских подходов.

1

Первая группа. Исследования границ через призму концепций мировых систем и идентичности. Наиболее заметным достижением в изучении политических границ, пожалуй, стал синтез теории мировых систем (world-system theory) и «послебартовской» теории территориальных идентичностей (см. Таблицу 1).

Развитие исследований политических границ. Этапы 1-3

Этап /период	Доминирующие подходы и методы	Сущность этапа	Основные концепции и достижения	Ведущие авторы	Практическое применение
1. С конца 19-го века	Историко-географический подход	Накопление эмпирических данных, картографирование экономических и социальных структур в приграничных регионах, исследования конкретных ситуаций	Появление представлений об эволюции границ и приграничных территорий в пространстве и времени; объяснение свойств и конфигурации границ соотношением сил между государствами; разработка и переоценка теории естественных границ	Ж. Ансель (Франция), И. Боуман (США), Р. Хартшорн (США), Э. Бансе (Германия)	Разграничение, делимитация и демаркация послевоенных границ в Европе; разграничение между колониальными державами в Азии и Африке
	Типология границ	Разработка типологий и классификаций границ; изменение взаимосвязей между барьерной и контактной функциями	Концепции границы и фронта; разработка теорий, объясняющих их эволюцию и морфологию	Лорд Керзон, Т. Холдрих (Великобритания), К. Фоусетт (Великобритания), С. Боттс (США)	Разработка геополитических стратегий, раздел мира на сферы влияния ведущих держав, повсеместное применение европейской концепции политической границы как жестко фиксированной на местности линии
2. С начала 1950-х гг.	Функциональный подход	Исследования трансграничных потоков людей, товаров, информации, взаимовлияния границ и элементов природного и социального ландшафта	Модели трансграничных взаимодействий на разных пространственных уровнях и типология трансграничных потоков; изучение границ как многомерного и динамичного социального явления; разработка концепции пограничного ландшафта и стадий эволюции приграничных территорий	Дж. Прескотт (Австралия), Дж. Хауз (Великобрит.), Дж. Минги (США), М. Фуше (Франция), Дж. Блейк (Великобритания), О. Мартинес (США)	Переговоры по пограничным вопросам, практика трансграничного сотрудничества и регулирование социальных процессов на приграничных территориях, демаркация и делимитация новых политических границ
3. С 1970-х гг.	Политологические подходы	Изучение роли границ в международных конфликтах	Взаимосвязь между особенностями границ и их ролью в инициировании, эволюции и разрешении конфликтов; гра-	Дж. Герц, П. Диль, Т. Гарр, Х. Старр, Э. Кирби	Урегулирование и разрешение пограничных конфликтов, вос-

			ницы как данность	М. Уорд (все – США) и др.	становление и под- держание мира
Развитие исследований политических границ. Этап 4. Постмодернистские подходы					
4. С 1990-х	А. «Миротемно – идентичностный» подход	Изучение границы на взаимосвязанных. терри- ториальных уровнях в зависимости от эволю- ции территориальных идентичностей и их места в иерархии пол. границ	Модель взаимосвязей между границами и иерархией терри- ториальных идентичностей	А.Пааси (Финл- ндия) Д.Ньюмен (Из- раиль) Дж.Олоклин (США) П.Тейлор (Вели- кобритания) Т.Лунден (Шве- ция) Дж.Уотерберри и Дж.Экклсон (Великобритания) и др.	Использование проблемы границ пограничных конфликтов в на- циональной и госу- дарственном строи- тельстве
	Б. Геополитические подходы	В1. Воздействие про- цессов глобализации и интеграции на полити- ческие границы	Разработка представлений о процессах «де- территориализации» и «ре- территориализации» и эволю- ции совокупности функций политических и административ- ных границ		разработка принципов пограничной политики и пограничного со- трудничества
	В. Границы как со- циальные представления	Изучение границ как социального конструкта, отражения прошлого и настоящего состояния общественных отноше- ний, их роли как соци- ального символа и зна- чения в политическом дискурсе	Разработка подхода к изуче- нию границ как важного эле- мента этнической, националь- ной и других территориальных идентичностей		создание еврорегионов и других трансграничных регионов
	Г. «ПВП-подход» («политика – восприятие – практика»)	Изучение взаимосвя- зи между политикой, определяющей прони- цаемость границы, ее восприятием людьми и практикой различных видов деятельности, связанной с границей	Анализ взаимодействия поли- тик, регулирования функций границы, ее восприятия, иден- тичности людей и деятельности на территориальных. уровнях; влияние указ. факторов на управление трансграничными регионами	Х. ван Хотум и О. Крамш (Нидер- ланды) Дж. Скотт (Гер- мания)	Регулирование по- граничного сотрудни- чества и управление трансграничными регионами, регулирование ме- ждународных миграций и др.; ре- гиональная политика
	Д.Экополитический	Исследование соот- ношения политических и природных границ	Анализ функций политиче- ских и природных границ как единой системы и разработка путей управления трансгранич- ными общественно- природными системами	О. Янг, А. Уэ- стинг, Г. Уайт (США), Н. Клиот (Израиль), С. Долби (Кана- да), Дж. Блейк (Ве- ликобритания), Н.Ф. Глазовский, С.П. Горшков, Л.М. Корытный (Россия) и др.	Решение глобальных и ре- гиональных/ экологи- ческих проблем; управление между- народными речными бассейнами

Суть его заключается, во-первых, в сопряженном изучении места конкретной грани-
цы во всей системе мировых границ на разных пространственных уровнях – от глобально-
го до локального³. При этом последователи И. Валлерстайна и П. Тейлора и других теоре-
тиков роста глобальной взаимозависимости фокусируют внимание на объективных эко-
номических факторах, таких, как углубление международного разделения труда, совер-
шенствование коммуникаций и средств связи. Они интерпретируют результаты этого
процесса как формирование глобальных сетей, в которых господствуют отношения гос-

³ Ackleson J. Metaphors and community on the US-Mexican border: Identity, exclusion, inclusion and «Operation Hold the Line» // Geopolitics. 1999. Vol. 4 (2). P. 155-179; Agnew J. Bordering Europe and bounding states: the «civilizational» roots of European national boundaries // Borderlands and Place / Kaplan D. and Hakli J. (eds). Rowman and Allenheld, 2001; Kolossov V. and O'Loughlin J. New borders for new world orders // GeoJournal. 1998. Vol. 44. No 3. P. 259-273; Newman D. Into the millenium: the study of international boundaries in an era of global and technological change // Boundary and Security Bulletin. 1999. Vol. 7 (4). P. 63-71.

подства и подчинения и укрепляются структуры «центр – периферия»⁴. Сторонники интеграционных теорий, напротив, подчеркивают ведущую роль в этом процессе субъективных факторов – политической воли и политических институтов⁵.

Интернационализация хозяйственной жизни и стремительный рост трансграничных потоков людей, информации, товаров, капиталов, энергии, загрязнителей, расширение компетенций международных организаций и рост влияния трансграничных субъектов в разных сферах деятельности (этнические и социальные движения, неправительственные организации) меняет функции государственных границ, которые становятся более «прозрачными». Потеря государственными границами части барьерных функций рассматривается как проявление общего кризиса Вестфальской системы национальных государств⁶. Государство делегирует свои функции региональным и международным организациям. Интеграционные группировки создаются в соответствии не только с общностью экономических интересов соседних стран, но и с их принадлежностью к культурным или цивилизационным регионам.

Во-вторых, исходным пунктом исследований современных границ стало изучение возникновения и эволюции территориальных идентичностей. Значение границы в жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, самоидентификации человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью). Большой импульс этому подходу в лимологии придали работы финского географа А. Пааси, посвященные границе между Россией (СССР) и Финляндией⁷. Он исходил из гипотезы о том, что национализм – одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства (по выражению Д. Харви). Национализм всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее.

Этот подход опирался на достижения смежных общественных наук, особенно работы чешского антрополога Ф. Барта и британского политолога Б. Андерсона («послебартовскую» культурную антропологию и этнологию). Пааси показал, как общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства и внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы влияли на отношение людей и политической элиты к конкретной границе.

Обычно принято выделять три взгляда на соотношения государства и нации, от которых зависит и взгляд на эволюцию границ, и все они связывают деятельность государства с самоидентификацией с ним его жителей.

В соответствии с примордиалистской позицией (от англ. *primordial* – изначальный, исконный) государство рассматривается как средство и место реализации одного из основных прав человека – права этнической группы на самоопределение. Примордиалистский взгляд на этнос и государство служит, по сути, основой концепции нации-государства (национально однородного государства). В соответствии с этой точкой зрения, морфология и функции государственных границ зависят от лояльности граждан своему государству, а она – от этнической или политической идентичности населения с обеих

---

⁴ Taylor P. J. and C. Flint. *Political geography, world-economy, nation-state and locality*. Fourth edition. Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000.

⁵ Anderson M. *Territory and State Formation in the Modern World*. Cambridge: Polity Press, 1996; *Boundaries in Question: New Directions in International Relations* / Macmillan J. and Linklater A. (eds). London and New York: Frances Pinter, 1995.

⁶ Albert M. On boundaries, territory and postmodernity // *Geopolitics*. 1998. Vol. 3 (1). P. 53-68; Blake G. H. *Borderlands under stress: some global perspectives* // *Borderlands Under Stress* / M. Pratt and J. Brown (eds). London, 2000. P. 1-16; Brunn S. A treaty of Silicon for the Treaty of Westphalia? New territorial dimensions of modern statehood // *Geopolitics*. 1998. Vol. 3 (1). P. 106-131; Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography // *A Companion to Political Geography* / Agnew J. and Toal G. eds. Oxford, 2002.

⁷ Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. New York, 1996.

сторон границы, так как многие страны мира – многонациональные, и многие народы не имеют своей государственности.

Согласно структуралистской теории, основы которой заложены Э. Гидденсом, государство – это вместилище власти. В условиях глобализации оно стремится расширить свое влияние, чтобы взять под контроль воздействующие на него внешние факторы. Эти действия требуют легитимизации со стороны граждан и укрепления политической идентичности последних. Однако мощь глобальных факторов далеко превосходит возможности даже самых крупных государств, вынужденных подчинять свою деятельность нормам международного права, отказываясь от части своего суверенитета⁸.

Сторонники неолиберальных концепций соотношения нации и государства также подчеркивают узость границ понятий и территорий любого из них по сравнению с размахом современных экономических и иных проблем. Следовательно, ни одно государство не может, опираясь только на свои силы, обеспечить удовлетворительный уровень благосостояния своим гражданам. Более того, чтобы справляться с вызовами извне (обвалами на мировых рынках, экологическими катастрофами и т.д.), правительства многих стран вынуждены прибегать к недемократическим методам управления. Все это снижает легитимность государства в глазах граждан, ускоряет эрозию политической идентичности, особенно в приграничных районах⁹.

Таким образом, проблема идентичности неразрывно связана с анализом функций государства, представляющего собой политико-территориальную единицу с четкими и признанными международным сообществом границами, в пределах которых население обладает определенной политической идентичностью. Она сформирована, как правило, самим государством и националистически настроенными политическими элитами. Один из главных элементов этнической и политической идентичности являются определенные географические границы. Из этого вытекает простая политическая формула: если нет стабильной политической идентичности, нет и устойчивых границ, стабильной территории, нет стабильного государства или иной политической единицы в целом. Следовательно, границы сначала создаются в социальных представлениях, а затем уже делимитируются на карте.

Миросистемная теория основана на классической географической трехчленной схеме «центр – полупериферия – периферия». В приложении к лимологии это означает, во-первых, исследование границ на трех территориальных уровнях – глобальном, национальном и локальном, и, во-вторых, относительность понятий «центр» и «периферия». Например, земля Бранденбург – часть мирового «центра», но одновременно – «периферия» Германии.

Позже эти три уровня были дополнены еще двумя – макрорегиональным и региональным¹⁰. Примером макрорегиональной идентичности может служить сохраняющаяся самоидентификация с «советскими людьми» миллионов людей на постсоветском пространстве. Однако наиболее заметна макрорегиональная идентичность в Европе. Страны ЕС пытаются ускорить формирование общей идентичности, хотя пока она еще слаба, а ее содержание меняется от страны к стране.

Интеграционные процессы в Европе и в других частях мира, возможно, приведут к усилению макрорегиональной идентичности и, соответственно, ослаблению барьерных функций внутренних границ и усилению – внешних. Но государственная идентичность подвергается эрозии не только и не столько «сверху» (с уровня макрорегионов), сколько

⁸ Giddens A. *The Nation State and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; Taylor P.J. *The state as container: Territoriality in the modern world-system* // *Progress in Human Geography*. 1994. Vol. 18. P. 151-62.

⁹ *Borderlands Under Stress* / Pratt M and Brown J. eds. London: Kluwer Law Academic, 2000; Prescott J. *Borders in a borderless world: Review Essay* // *Geopolitics*. 1999. Vol. 4 (2).

¹⁰ Kolossov V. and O'Loughlin J. *Op. cit.* P. 259-273; Newman D. and Paasi A. *Fences and neighbours in the post-modern world: boundary narratives in political geography* // *Progress in Human Geography*. 1998. Vol. 22 (2). P. 186-207.

«снизу», изнутри¹¹. Концепция национального государства, которая была разработана в специфических условиях Западной Европы XIX века и подразумевала создание однородной нации, объединяемой общностью языка и культуры, экономическими связями и правовой системой и действующей в рамках четких и безопасных границ, не может быть применена к многонациональным странам, которых в мире большинство. Часто государственная идентичность отнюдь не совпадает с этническими/региональными идентичностями. Во многих странах (особенно в Азии и Африке) государственная идентичность совсем слаба. Как правило, государство, в котором слаба политическая идентичность, не может обеспечить эффективную защиту своих сухопутных и морских границ или даже полностью контролировать свою территорию.

В многонациональных государствах множество попыток укрепления государственной идентичности были остановлены новыми тенденциями в экономическом и культурном развитии, как, например, в бывшей Югославии, Чехословакии, Советском Союзе, где этнические/региональные идентичности стали значительно сильнее политической. Государственная идентичность может драматически ослабевать даже в высокоразвитых и вполне благополучных странах, как, например, в Канаде, Бельгии, Испании. Однако в Европе потенциальные сепаратисты «не убегут» дальше общих внешних границ ЕС.

Достижением миросистемного подхода в лимнологии стало более глубокое понимание значения локального уровня. Многими исследованиями доказано, что местные территориальные общности – вовсе не пассивные субъекты воздействия центральных властей. Напротив, они активно влияют и на реальный режим, характер и восприятие границы в соседних странах, и на формирование идентичности. На основе специфических интересов и культуры в местных территориальных сообществах складывается особая идентичность, иногда – трансграничная, особенно если жители прилегающих к границе районов близки по языку и культуре. Так, американский историк П. Салинс показал, как жители долины Чердания в Каталонии, разделенной франко-испанской границей, в течение долгого времени изобретательно манипулировали гражданством в своих интересах, не считая себя ни французами, ни испанцами. Во время Первой мировой войны мужчины призывного возраста стали «испанцами», чтобы избежать мобилизации. Идентичность строилась на основе самоотождествления с местным сообществом, противостоящим всем остальным («мы – они»). Жители долины успешно «играли» на различиях между двумя понятиями суверенитета – юридическим и территориальным¹².

Концепцию «интернационалистской» культуры, которая формируется среди населения приграничных районов, извлекающего выгоду из приграничных контактов, на основе многолетнего изучения границы между США и Мексикой разработал американский географ О. Мартинес. Эта культура характеризуется повышенной мобильностью и восприимчивостью к инновациям. Ее носители четко осознают свои особые интересы и способны бесконфликтно существовать в нескольких «культурных мирах» – национально-государственной и своей этнической культуры, иностранных культур и специфической культуры приграничного региона¹³.

2

Вторая группа. Геополитические подходы. А) Школа исследований воздействия глобализации и интеграции на политические границы. Постмодернистские концепции позволили преодолеть пропасть в изучении внешней и внутренней политики, границ между государствами и остальных границ. В самом деле, и государственная граница, и граница муниципалитета призваны очертить пространство, контролируемое членами какой-либо социальной или социально-территориальной общности, ограничив права на эту территорию

¹¹ Delamaide D. The New Superregions of Europe. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1994.

¹² Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: University of California Press, 1989.

¹³ Martinez O. Border People: Life and Society in U.S.-Mexico Borderlands. Tuscon: University of Arizona Press, 1994.

тех, кто к этой группе не принадлежит. Перефразируя выражение Б. Андерсона, можно сказать, что любая политико-административная граница нацелена внутрь, чтобы объединить социальную группу, и вовне, чтобы отделить ее и ее территорию от соседей. Суть происходящих сегодня процессов – в перераспределении функций между границами разного уровня и типа под влиянием процессов глобализации и интеграции, которое в англоязычной литературе называется «де-территориализацией» и «ре-территориализацией».

В новых условиях вследствие растущей «перемешанности» разных этнических и иных групп идентичность людей глубоко модифицируется. Все больше людей имеют сложные идентичности, ассоциируя себя с двумя или несколькими этнокультурными группами. Усиливаются культурно-языковые, религиозные, социально-профессиональные идентичности, которые не всегда четко связаны с конкретной территорией. Это ведет к относительному ослаблению государственной идентичности, так как люди стремятся отождествлять себя с конкретным местом жительства – населенным пунктом, муниципалитетом, районом, чтобы отгородиться от «чужих» (мигрантов, бедных, людей иной веры и т.п.) жесткими административными барьерами.

В этом же направлении действует растущий индивидуализм, вызывающий отчуждение людей от крупных административных единиц, нежелание участвовать в решении «чужих» проблем. Представители среднего класса на Западе, как и «новые русские», хотят жить в изолированных, социально однородных и строго контролируемых ими общинах (gated communities). Стать членом престижной общности, отгороженной границей небольшой коммуны в пригороде, нередко труднее, чем приобрести гражданство западноевропейской страны или США.

Малоразличимые на местности и не охраняемые пограничниками или таможенниками границы между соседними муниципалитетами представляют собой барьеры, преодолеть которые сложнее, чем многие государственные границы. Классический пример – еврейские и палестинские поселения или городские кварталы в Израиле, жители которых встречаются только на рынке или на других крайне ограниченных «нейтральных» пространствах и почти никогда не пересекают границы своих зон проживания. Идентичность обеих групп тесно связана с территориальным отделением друг от друга и суверенитета на своей территории¹⁴.

Ощущение внешней опасности рождает в обыденном сознании стремление свести к минимуму или вообще прекратить контакты с нежелательным или опасным соседом: если от него нельзя избавиться, если невозможно его подчинить, контролировать или куда-либо переселить, нужно от него отгородиться. Такой стратегии придерживались целые государства, воздвигавшие «великие стены» – китайскую, английскую (отделявшую Англию от Шотландии), берлинскую и уже в наши дни – ближневосточную, с помощью которой израильское правительство хочет оградить израильтян от палестинцев. Проведенный в Ставропольском крае в 2000 г. опрос показал, что население пограничных с Чечней его восточных районов видело решение чеченской проблемы примерно так же: оградите «нас» от «них»¹⁵. Беда в том, что пограничные стены только усугубляют конфликты. Изоляция рождает незнание, незнание – страх и недоверие, а такое восприятие соседа – сильнейшая помеха для примирения и действительного решения проблемы.

Таким образом, политические, административные и культурные границы составляют единую, целостную и иерархически организованную социальную систему.

Элементы этой системы весьма устойчивы, несмотря на частую перекройку границ. Французский философ О. Маркар назвал политические границы «шрамами истории». Действительно, существовавшие в далеком прошлом границы обычно хорошо выражены в культурном и политическом ландшафте, а иногда даже визуально вполне различимы на

¹⁴ Newman D. Boundaries, territory and postmodernity: towards shared or separate spaces? // *Borderlands Under Stress*. P. 17-34.

¹⁵ Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения (на примере восточных районов Ставропольского края) // *Полис*. 2001. № 2. С. 61-78.

местности. Небольшая река Збруч много лет служила границей между Российской и Австро-Венгерской империями. В советское время, после присоединения западных областей Украины к СССР, она стала административной границей, отделяющей Тернопольскую область от Хмельницкой. Но это не только административная граница, но и культурный рубеж между районами Украины – Подолом и Галицией, прекрасно видный, например, на электоральных картах. Достаточно пересечь Збруч, и разница в культурном ландшафте видна невооруженным глазом: на галицийской стороне бросаются в глаза многочисленные часовни, распятия на перекрестках, храмы, принадлежащие униатской и католической церквям. Многие села похожи своими примыкающими друг к другу двухэтажными домами скорее на небольшие центральноевропейские городки («местечки»). Эти дома, в которых до войны, как правило, проживало преимущественно польское и еврейское население, разительно отличаются от традиционных украинских хат к востоку от Збруча, окруженных палисадниками и огородами.

Естественно, культурные границы, в пределах которых распространена определенная идентичность, далеко не всегда совпадают с формальными (де-юре) границами. Культурные границы, или границы де-факто, выполняют прежде всего внешние функции контакта между культурами, тогда как границы де-юре – главным образом внутренние функции, обеспечивая суверенитет и территориальную целостность государства, социальную и этнокультурную интеграцию его населения. Бывшие государственные границы становятся административными или культурными рубежами, и наоборот. Новые политические границы на всех иерархических уровнях почти никогда не возникают на «чистом месте» и крайне редко «секут» старые. Чаще всего культурные границы преобразуются в границы де-юре. В свою очередь, «разжалованные» формальные границы при определенных обстоятельствах могут вернуть свой официальный статус полностью или частично, вновь стать границами государства или провинции¹⁶.

Некоторые государственные границы совпадают с контрастными этническими, культурными и лингвистическими рубежами и выделяются сильными барьерными функциями и конфликтностью. Такие границы называют фронтальными. Постмодернистские геополитические подходы показывают несостоятельность их интерпретации как разломов между самыми крупными геокультурными таксонами – цивилизациями¹⁷. Таким образом, обоснованно подвергаются сомнению попытки абсолютизации и увековечения ныне существующих и исторически преходящих культурных и политических рубежей, возвращение к старой геополитике силы 1920-1930-х годов.

Б) Исследования границ с точки зрения безопасности. Самоидентификация людей с определенной территорией наделяет ее разные части высоким символическим значением. Они становятся частью национальной или этнической идентичности. Такими территориями-символами являлись Севастополь в России, Косово в Сербии, во многих странах – их столицы и государственные границы. Поскольку границы имеют свойство четко разделять соседние регионы и призваны быть барьером, ограждающим жителей данной территории от «чужаков», массовые представления о них отличаются контрастностью («или – или»). Особенно это характерно для тоталитарных режимов. В сталинское время практически весь зарубежный мир изображался как сплошная «территория тьмы», откуда исходила угроза войны, диверсий, порабощения империалистическими странами. Отсюда и сакрализация границы, отделявшей социалистическое отечество от враждебного окружения – «священные рубежи Родины»¹⁸.

Соответственно, представления о границах неразрывно связаны с понятием национальной безопасности и использованием для ее обеспечения государственного аппарата насилия. Граница – естественное место дислокации пограничной, таможенной и других

¹⁶ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-пресс, 2001.

¹⁷ Galtung J. Coexistence in spite of borders: On the borders in the mind // Political Boundaries and Coexistence / Galluser W. ed. Bern: Peter Lang, 1994. P. 5-14.

¹⁸ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М.: Институт ФОМ, 2003.

служб, повышенной концентрации войсковых частей, особенно на угрожаемых, с точки зрения общественного мнения, направлениях. Безопасность – многоаспектное понятие: различают безопасность военную, экономическую, экологическую и т.д. В самом общем виде безопасность понимается как надежность системы жизнеобеспечения и отсутствие угроз для жизни людей и их деятельности. С точки зрения лимологии важно, кто обеспечивает безопасность и что является ее объектом – макрорегион, государство или его часть.

Восприятие безопасности конкретной границы зависит от ее символической роли, исторических традиций, имиджа, современного дискурса. Так, в Финляндии, несмотря на прошлые конфликты, глубоко различны социальные представления о считающейся безопасной границе с Швецией и границе с Россией – источнике незаконных мигрантов, преступности, загрязнения окружающей среды и прочих угроз¹⁹.

Традиционное понимание роли государственной границы в обеспечении безопасности основано, во-первых, на предотвращении военной угрозы. Таким образом, приграничные районы становятся милитаризованной зоной особого режима, в которой главный приоритет – боеготовность соединений, готовых отразить нападение потенциального противника.

Во-вторых, при традиционном подходе к обеспечению национальной безопасности в пограничной зоне одна из главных задач – возможно более полный контроль любых трансграничных потоков. Граница понимается как передовая, на которой нужно остановить проникновение вглубь страны нежелательных лиц, товаров, информации и т.д. Контролировать трансграничные потоки тем легче, чем меньше жителей в пограничной зоне, чем ниже там хозяйственная активность. Поэтому такие зоны превращаются в территории экономического застоя.

В-третьих, одна из особенностей традиционного подхода к безопасности границы заключается в попытке государственных органов предусмотреть любые возможные осложнения ситуации и подготовиться к принятию ответных мер.

В-четвертых, этот подход основан на обеспечении безопасности государства, и эта задача решается только государством. Предполагается, что интересы безопасности приграничных регионов полностью тождественны общегосударственным, то есть геоэкономика подчиняется геополитике.

В постмодернистских исследованиях функции границ видятся иначе. Подчеркивается, что в интенсивные внешнеэкономические связи обычно вовлечена вся государственная территория и приграничные районы превращаются в локомотивы экономического роста, центры инноваций. Формируются трансграничные пространственные системы – городские агломерации, кооперированные производства и т.п. Демографические и социальные процессы ведут к усложнению этнического состава и идентичности жителей пограничья, в том числе за счет роста числа смешанных браков. Растет взаимное доверие, исчезают вековые стереотипы. В этих условиях считаются желательными упрощение или отмена пограничного контроля, а там, где он сохраняется – совершенствование дистанционных средств охраны.

Меняется и понимание угроз национальной и региональной безопасности. Оно основывается, во-первых, на том, что с новыми угрозами нельзя справиться военной силой. Даже самые мощные армии не могут противостоять нелегальной миграции, международному терроризму, незаконному обороту наркотиков и оружия, риску эпидемий и пандемий, загрязнению окружающей среды и глобальным экологическим бедствиям и т.д.

Во-вторых, растет убеждение, что попытки удержать контроль над многократно увеличившимися трансграничными потоками прежними методами, усиливая их барьерные функции, не только малоэффективны, но и вредны для экономики и общества. Напротив, результативно только тесное сотрудничество с соседними государствами, а для этого

---

¹⁹ Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York, 1996; Aalto P. A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia and the Kaliningrad Question // Geopolitics. 2002. Vol. 7 (3). P. 143-174.

нужны взаимное доверие, демилитаризация приграничной зоны и открытые границы (процессы, описываемые в англосаксонской литературе термином *desecuritisation*).

В-третьих, согласно постмодернистскому подходу к безопасности границ, следует развивать трансграничное сотрудничество на уровне региональных и местных властей сопредельных стран. При этом центральные власти не должны более игнорировать специфические интересы приграничных районов и препятствовать их прямому сотрудничеству. Таким образом, понятие безопасности приобретает весьма существенное региональное измерение.

В-четвертых, разрабатывается положение об общесистемном подходе к защите границ. Имеется в виду, что безопасность страны надо обеспечивать на всей территории, а не только на ее рубежах. Борьба с нелегальной миграцией или незаконным оборотом наркотиков не может быть сведена к заградительным мерам на границе. Как показывает мировой опыт, на границе может быть перехвачено в лучшем случае 5-10% ввозимых наркотиков²⁰. И почти весь поток проходит через официальные пункты пропуска. Поэтому совместно с соседями нужно бороться с источниками этого потока – международными преступными синдикатами, а для этого опять-таки необходима открытость – прозрачность информации о трансграничных потоках, возможность их международного аудита и удаленного контроля с помощью современных технологий²¹.

Следовательно, пограничное пространство²² охватывает теперь не только зону, прилегающую к границе, но и внутренние районы. Развитие международной торговли, средств транспорта и связи порождает появление границ далеко в глубине государственной территории, например, вокруг международных аэропортов, специальных таможенных и свободных экономических зон. Государственная граница – это ныне не только линия, очерчивающая пределы государственной территории и территориальных вод.

Современные границы все более становятся «дифференцированными»: они далеко не в одинаковой степени проницаемы для разных потоков, видов и субъектов деятельности. Государство устанавливает для них разные границы, часто проходящие по разным рубежам. В результате разные социальные группы и виды деятельности получили «свои» границы и приграничные зоны. Для крупных предприятий таможенные сборы и пограничные формальности не играют заметной роли, тогда как для малых или средних они остаются серьезным препятствием, заставляющим их ориентировать свою деятельность на внутренний или местный рынки. Целую систему представляют собой границы в Мировом океане, включающие границы территориальных вод и экономических зон. В итоге система границ эволюционирует от единственных рубежных линий – к множеству, от линий – к зонам, от физических границ – к культурным, от непроницаемых барьеров – к пространствам взаимодействия.

В-пятых, безопасность границ теперь обеспечивает вовсе не только государство. Оно вынуждено считаться и с местными, и с международными институтами и организациями.

В-шестых, сущность нового взгляда на безопасность границ состоит не в попытке предвидеть все допустимые ситуации (это невозможно), а в готовности на них гибко реагировать.

Разумеется, на практике сложно следовать концепциям постмодернистов. Этому препятствуют инерция традиционных представлений, особенности геополитической культу-

---

²⁰ Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.: НОФМО, 2002.

²¹ Lattinen K. The Northern Dimension in the context of the security border / Paper submitted to the V Conference on Border Regions in Transition. Tartu, July 2001; Moisio S. EU Eligibility, Central Europe, and the Invention of Applicant State Narrative // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7 (3). P. 89-116.

²² Пограничное пространство – это социально-географическая зона, в пределах которой наиболее интенсивно взаимодействуют экономические, культурные, правовые и политические системы соседних стран и становятся их интересы.

ры²³, императивы национального и государственного строительства, нуждающегося в укреплении символической роли границ, характер пограничного пространства и другие факторы.

3

Третья группа. Границы как социальные представления. Как отмечалось, функции границ, а нередко и сама их линия определяются дискурсом и формированием массовых представлений, составивших в последние годы предмет самостоятельного направления в лимологии. Дискурс по поводу границ имеет несколько никогда полностью не совпадающих слоев. В соответствии с теорией критической геополитики, разработанной Дж. Тоалом²⁴ и другими авторами, различают «высокую» и «низкую» геополитику. «Высокая» – это сфера деятельности политических персон и экспертов, разрабатывающих концепции, призванные обосновать и оправдать действия страны на международной арене. «Высокая» геополитика подразделяется на теоретическую и практическую и занимается прежде всего исследованием общеструктурных вопросов (мировой порядок, структура международных отношений и т.п.). Ее дискурс касается места страны в мире, всей системы мировых границ и особенно границ фронтальных.

«Низкая» геополитика – набор геополитических представлений, символов и образов, содержащихся в сообщениях СМИ, рекламе, кино, карикатурах и др. На «низкой» геополитике основывается геополитическое видение мира – необходимый элемент этнической и политической идентичности, инструмент государственного строительства.

Под геополитическим видением мира понимается набор представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и недостатках определенной внешнеполитической стратегии. Геополитическое видение мира включает также представления о территории этнической группы или политической нации, ее границах, предпочтительных моделях государственного устройства, исторической миссии и силах, препятствующих ее осуществлению²⁵. Геополитическое видение мира – продукт национальной истории и культуры, результат синтеза взглядов, исповедуемых различными слоями политической элиты, академическими экспертами, творческой интеллигенцией и общественным мнением в целом²⁶. Для легитимизации действий государственного руководства важно, насколько «высокая» геополитика соответствует «низкой».

Геополитический дискурс формируется как политическими деятелями и СМИ, так и системой образования, массовой культурой. Функции и значение границ в жизни государства и общества – предмет и результат дискуссий и компромиссов. Роль границ по-разному интерпретируется разными социальными группами. Социальные представления о границах во многом мифологизированы и являются важнейшим элементом этнической и политической (национальной) идентичности. Так, лидерам стран Центральной и Восточной Европы важно представить свои рубежи в глобальном масштабе как «границы между Западом и Востоком», макрорегиональном – как «границы Европы», в региональном – как «исконные» границы их народа или, наоборот, результат мудрых, хотя и болезненных уступок во имя международной стабильности²⁷.

²³ Под геополитической культурой понимаются традиции интерпретации внешних событий в соответствии с национальной идентичностью и стратегии взаимодействия с другими государствами. Российская геополитическая культура, например, включает геополитические традиции «западничества» или «евразийства» во множестве их версий.

²⁴ Toal G. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

²⁵ Dijkink G. *National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain*. London: Routledge, 1996; Taylor P.J. and Flint C. *Op. cit.*

²⁶ Колосов В.А. Традиционные геополитические концепции и современные вызовы России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3.

²⁷ Berg E. and Oras S. *Writing Post-Soviet Estonia on to the World Map* // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. P. 601-625; Moisis S. *Op. cit.* P. 89-116.

Анализ геополитического дискурса помогает определить границы так называемых неформальных регионов в представлении политических лидеров и в общественном мнении (например, Северной или Центральной Европы, мусульманского мира и т.д.)²⁸.

4

Другие аналитические подходы. Из них важно выделить по крайней мере еще два. Прежде всего, это «ПВП-подход», то есть анализ через «строенную» призму политики, восприятия и практики.

Этот подход появился совсем недавно и представляет собой попытку синтеза теоретических достижений последних лет с традиционными подходами, не потерявшими актуальности, в частности, функциональным. В соответствии с «ПВП-подходом», граница – не только международно-правовой институт, обеспечивающий неприкосновенность и целостность государственной территории, суверенитет населения, но и продукт деятельности (или общественной практики в терминах А. Лефевра) жителей приграничных районов, результат длительного исторического и геополитического развития, важный символический маркер этнической и политической идентичности.

Суть подхода заключается в сопряженном анализе на разных пространственных уровнях, во-первых, практики приграничной деятельности, связанной с трансграничными потоками и протекающей под влиянием фактора близости границы. Важное значение придается наличию неформальных сетей взаимодействующих предприятий, местных органов власти и т.п. (networking). Размах, форма и цели этой деятельности в сильной степени зависят от понимания национальной безопасности и роли данной границы в ее обеспечении. Пограничная деятельность определяется режимом границы, но и сама на него влияет.

Во-вторых, также на разных уровнях рассматривается пограничная политика (policies), под которой в широком смысле понимается государственная и международная институциональная и правовая инфраструктура, обеспечивающая трансграничные потоки и определяющая соотношение между барьерными и контактными функциями границы, иными словами, степень ее прозрачности. Эта инфраструктура отражает приоритетные цели государства, приграничных регионов и местных властей, включает стимулы и ограничения приграничной деятельности, регулирует процессы внутренней и внешней (трансграничной) территориальной интеграции.

В-третьих, исследуется восприятие границы, то есть характер, эволюция и каналы влияния на социальные представления о границе, приграничных районах, отношениях соседних государств и районов, приграничном сотрудничестве, включая соответствующий дискурс на уровнях «высокой» и «низкой» геополитики²⁹.

Пограничная деятельность, восприятие границы и пограничная институционально-правовая инфраструктура взаимозависимы. Вопрос о «первичности» или главенстве какого-либо из этих трех элементов анализа – это вопрос о курице и яйце.

К «ПВП-подходу» близка теория поведения людей в приграничной зоне³⁰, также связанная как с функциональной теорией Хауза³¹, так и с постмодернистскими подходами.

²⁸ Medvedev S. North and the politics of emptiness / Paper submitted to the workshop «Identity Politics, Security and the Making of Geopolitical Order in the Baltic». Kuusamo (Finland), June 2001.

²⁹ Scot J.W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU // European Research in Regional Science. 2000. Vol. 10 (Border, Regions and People). P. 104-115; Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90 (3). P. 329-335.

³⁰ Lunden T. The Domain of Time Geography. A Focus on Political Geography? // Europe Between Political Geography and Geopolitics / Antonsich M., Kolossov V., M.-P. Pagnini (eds). Vol. 1. Roma: Societa Geografica Italiana, 2001. P. 269-278; Lunden T. and Zalamans D. Boundary Towns. Studies of Communication and Boundaries in Estonia and Its Neighbours. Stockholm: Stockholm University, 2000.

³¹ House J.W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Согласно этой теории, близость границы сковывает свободу поведения граждан, изменяя мотивы и затрудняя условия перемещений. В результате меняется жизненная сфера человека в целом. В идеальном случае она имеет форму концентрических окружностей, отражающих падение интенсивности контактов человека по мере удаления от места его жительства и в зависимости от пола, возраста, образования, социальной принадлежности, транспортных, политико-правовых и иных факторов. Под воздействием барьерных функций границы эта форма сильно деформируется, причем влияние государственного рубежа особенно заметно зависит от уровня образования. Так, «интеллектуалы» (учителя, журналисты, чиновники и др.) теснее связаны со своим государством, чем менее образованные люди.

Близость границы трансформирует как внутренние, так и внешние факторы, определяющие жизненную сферу и поведение человека. К внешним факторам относятся социально-экономические условия (уровень экономического развития, состояние рынков товаров, услуг, труда и капиталов, обеспеченность транспортом и коммуникациями, особенно национальной системы образования, охват средств массовой информации и т.п.), государственно-правовые ограничения. К внутренним факторам можно отнести пространственные предпочтения, «ментальную карту», существующую в сознании человека, систему ценностей и возможностей, которая характеризует как каждую личность, так и социальные группы в целом. Важнейшее место принадлежит этнической и политической (государственной) идентичности людей, то есть отождествлению себя и своих интересов с интересами лиц своей национальности, граждан своего государства, жителей своего региона или местности.

Отдельно требуется сказать об эколоитическом подходе. Как известно, природные процессы не знают границ. Многие единые горные массивы, речные бассейны, ареалы обитания животных, памятники природы, внутренние моря и другие природные ареалы разделены политическими и административными границами. Нередко месторождения полезных ископаемых, в том числе нефти и газа, также разделены границами. В то же время единые в природном отношении ареалы составляют пути распространения веществ, загрязняющих воздушную и водную среду. Осознание остроты региональных и глобальных экологических проблем – сильный стимул международного, в том числе приграничного сотрудничества³². В лимологии сформировалась мощная междисциплинарная отрасль, изучающая трансграничные эколого-политические проблемы и развиваемая главным образом политологами, специалистами по международному праву и географами (в Таблице 1 указаны лишь немногие имена из длинного ряда крупных ученых, занимающихся этими проблемами). Разбор их работ выходит далеко за рамки настоящей статьи.

Укажем лишь на одно направление – бассейновый подход, позволяющий связать во едином естественно- и общественно-географических исследованиях и, в частности, способствовать решению многих международных конфликтов, разработать новые принципы управления качеством окружающей среды и территорией. Речные бассейны обладают высокой степенью единства природно-антропогенных процессов, но и составляют основу развития систем расселения и транспорта, фундамент исторической общности населения. В то же время проблемы использования их водных, энергетических и биологических ресурсов, загрязнение окружающей среды, судоходство и транзит – «классические» причины международных и пограничных конфликтов.

Наконец, в качестве отдельного аналитического подхода важно рассмотреть схему исследования границ через призму концепции «мира без границ». Среди теоретиков лимологии существует представление, разделяемое в первую очередь сторонниками неоллиберальных взглядов, что благодаря влиянию процессов интернационализации и либерализации экономики, новым технологиям и развитию коммуникаций, растущему благосос-

---

³² Young O. Global Governance. Towards a Theory of Decentralized World Order // Global Governance. Drawing Insights from the Environmental Experience / Young O. ed. Cambridge (Mass.) and London: MIT Press, 1997. P. 273-299.

тоянию населения функции границ претерпевают линейную эволюцию от отчуждающих (жесткие барьеры) до интеграционных. Такая эволюция определяется и осознанием людьми опасностей обострения глобальной экологической, энергетической и других проблем, развитием международного сотрудничества, в том числе мирным разрешением территориальных споров на основе международного права. Многие пограничные противоречия удается преодолеть благодаря разделению экономических и идеологических функций границы. Так, неолиберальные теоретики склонны полагать, что эксцессы национализма и попытки абсолютизировать право наций на самоопределение останутся в прошлом вследствие демократизации политической жизни «вширь» (в «новых» странах) и «вглубь»³³ <http://www.intertrends.ru/three/004.htm - note33#note33>. Внушает оптимизм быстрый рост приграничного сотрудничества, причем его развитие повсеместно проходит весьма сходные этапы³⁴.

Однако большинство авторов не согласно с теорией отмирания границ. Ее противники подчеркивают, что границы остаются существенным барьером даже в тех регионах мира, в которых процессы интеграции зашли наиболее далеко. Так, несмотря на высокую зависимость канадской экономики от американской, товарооборот «средней» канадской провинции с другими регионами страны, скорректированный по численности населения и душевому доходу, в 12 раз, а обмен услугами – в 40 раз больше, чем с соседними штатами США. Взвешенные таким же образом показатели миграционного обмена между канадскими провинциями в 100 раз выше, чем с соседними штатами³⁵ <http://www.intertrends.ru/three/004.htm - note35#note35>. Сходная картина наблюдается и в ЕС.

Дискурс об отмирании границ относится только к «интеграционным», открытым, мирным и давно признанным государственным рубежам, которые пролегают в основном в Европе и Северной Америке и составляют не более 5% общей протяженности сухопутных государственных границ в мире. О сохраняющемся высоком конфликтном потенциале границ в Азии и Африке говорят следующие факты. Около 42% всей длины сухопутных границ в Африке проведены по параллелям, меридианам и равноудаленным линиям – без какого-либо учета социальных реалий. А 37% границ были навязаны африканцам британскими и французскими колониальными властями³⁶.

Националистические движения остаются мощной силой во многих регионах мира. Принцип неограниченного права наций на самоопределение находится в очевидном противоречии с другим основополагающим принципом международного права – недопустимостью нарушения территориальной целостности и нерушимости границ суверенных государств. Это и есть главные факторы, которые заставляют сомневаться в осуществимости неолиберального сценария эволюции системы мировых границ. Поэтому важно определить районы наиболее высокого риска дестабилизации, в том числе обострения территориальных и пограничных конфликтов.

* * *

В целом, несмотря на богатые исторические традиции, традиционные подходы оказались не способны объяснить, почему в одних случаях даже небольшое изменение государственной территории иногда вызывает бурю страстей и приводит к территориальному спору, а в других новые границы воспринимаются как окончательные и не подвергаются сомнениям. «Традиционная» политическая география не смогла ответить на такие вопросы: почему казавшиеся долгое время мирными пограничные зоны вдруг в считанные дни превращаются в очаги кровопролитных конфликтов, почему правительства и обществен-

³³ Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York: Free Press, 1995; Prescott J. Op. cit.

³⁴ Wu Chung-Tong. Cross-border development in Europe and Asia // Geojournal. Vol. 44. No 3. 1998. P. 189-201.

³⁵ Helliwell J. How much do National Borders Matter? New York: Brookings Institution Press, 1998.

³⁶ Foucher M. Fronts et Frontieres: Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1991.

ное мнение так часто болезненно чувствительны ко всем вопросам, касающимся государственных границ.

Естественной реакцией на аналитические и методологические тупики последних десятилетий прошлого века и явилась разработка концепций, о которых шла речь выше. Постмодернисты, конечно, не смогли предложить исчерпывающего разрешения всех противоречий лимологии. Но их работы дали сильный стимул научному поиску, способствовали появлению новых взглядов на традиционные проблемы и позволили сформировать повестку исследований на обозримое будущее.

НОВОЕ РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Одно из важных последствий распада СССР – возникновение десятков тысяч километров новых государственных границ и адаптация к ним хозяйства и всего общества.

Проблемы нового пограничья исследованы до сих пор слабо. Его изучение продвигалось в основном там, где возникала насущная необходимость в реагировании на политические вызовы и была возможность сотрудничества с зарубежными партнерами. Более исследованы, например, проблемы Калининграда, границ с Финляндией в Карелии и с Эстонией. Лишь в конце 1990-х гг. и особенно в последние годы стали появляться обобщающие публикации и детальные конкретные исследования (см., напр., Вардомский, 2000; Колосов, 2002; Колосов и Кирюхин, 2001; Колосов и Туровский, 1997, 1998, 1999; Прозрачные границы, 2002 и др.). Еще предстоит большая работа по картографированию и инвентаризации конкретных ситуаций, изучению трансграничных взаимодействий и их динамики.

Задача этой работы – выявить основные особенности новых российских и в целом постсоветских границ и определить их влияние на перспективы приграничного сотрудничества.

Значительная часть новых границ еще не получила надлежащего договорно-правового обеспечения в соответствии с нормами международного права, не делимитирована и не демаркирована. Но работа по его созданию постепенно продвигается, хотя и с осложнениями, которые могут значительно омрачить весь комплекс двусторонних отношений между Россией и ее новыми соседями. Для надлежащего оформления границы соседним странам еще предстоит согласовать результаты работы двусторонних комиссий по делимитации, произвести соответствующие съемки на местности и передать результаты в ООН.

Россия - уникальная страна, поскольку имеет "вынесенные" на рубежи бывшего СССР таможенные (в Белоруссии) и иные границы, в том числе в страну, непосредственно с ней не граничащую (Таджикистан). Рубежи обеспечения ее безопасности не совпадают с государственными границами и в результате военного присутствия в ряде стран СНГ.

Фактический статус многих государственных и внутренних границ не совпадает с формальным. Граница между Чечней и соседними российскими регионами, конечно же, не является обычным административным рубежом. Да и многие другие границы между субъектами федерации и даже административными образованиями вовсе не прозрачны, особенно на Кавказе. Так, на границе между Ставропольским краем и Дагестаном оборудованы постоянные пропускные пункты, милицейский контроль на которых по строгости напоминает государственную границу. Посты ГИБДД на рубежах между рядом других регионов Северного Кавказа и на въезде во многие города по функциям также сходны с государственными границами: «змейки» меж бетонных заграждений, сплошной контроль документов, досмотр транспорта, вооруженные милиционеры и солдаты внутренних войск, а рядом часто и БТР.

К российской территории непосредственно прилегают Абхазия и Южная Осетия, на которые фактически не распространяется юрисдикция Грузии. Соответственно, содержание и функции их границ не совпадают с формальным статусом. Жители Абхазии и Южной Осетии не нуждаются в российских визах, тогда как тем, кто живет в остальной части Грузии, с 2000 г. для пересечения российской границы требуется виза. Особый режим абхазского и осетинского участков российско-грузинской границы связан с приобретением

российского гражданства многими жителями бывших автономий. Сохраняя военное присутствие и значительные интересы в Молдове и Армении, Россия глубоко вовлечена и в урегулирование двух других непризнанных республик на территории бывшего СССР – Приднестровской Молдавской Республики и Нагорного Карабаха. Проблема самопровозглашенных республик и риск возобновления военных конфликтов – причина многолетнего существования в постсоветском пространстве государственных границ, фактически не выполняющих свои функции – например, участка границы между Арменией и Азербайджаном в районе Лачинского коридора. По тем же причинам контактные функции ряда границ сведены к минимуму: фактически эти границы почти полностью блокированы.

Новое российское пограничье отличается огромная протяженность и исключительное разнообразие морфологических особенностей. Протяженность новых границ одной только России составляет около 13 тыс. км. Граница между Россией и Казахстаном – самая длинная сухопутная граница в мире. Участки новой границ значительно различаются по происхождению и «возрасту», степени совпадения с этнокультурными границами и хозяйственной освоенности приграничных районов, обеспеченности трансграничными коммуникациями.

Особый морфологический тип составляют внутренние водные границы. Рубежи страны пересекают более 1000 трансграничных водных объектов, в том числе 70 бассейнов крупных и средних рек. В СНГ Россия занимает первое место и по притоку водных ресурсов из-за рубежа, и по их оттоку. С международными бассейнами связаны многочисленные политические проблемы водodelения и водопользования, согласования водохозяйственных нормативов, фиксации загрязнения, особенно ее водосбора, определения вклада в загрязнение источников, расположенных на территории разных стран и их ответственности. В ряде случаев решение этих проблем осложняется тем, что одна и та же река покидает и снова входит в пределы российской территории. Один из первых положительных сдвигов в этой области – сотрудничество российских и украинских регионов по оздоровлению Северского Донца (Глазовский и др., 2003).

На большом протяжении новые российские границы никак не связаны с природными рубежами. Так, российско-украинская граница, в отличие, например, от российско-эстонской, совпадает с ними лишь на некоторых участках – прежде всего, на юге, где она на протяжении около 120 км проходит по Северскому Донцу.

Хотя плотность населения приграничных районов стран СНГ по европейским меркам, как правило, невелика, имеется немало участков, где новые границы разделяют единые еще в недавнем прошлом социально-экономические системы, в частности системы расселения и транспортные сети. Так, новая граница проходит по множеству российских и украинских поселений, разделяя локальные системы расселения, вытянутые вдоль балок, Западный и Восточный Донбасс. Нередко случается, что кратчайший путь по автомобильной дороге из одного села в другое лежит через территорию соседнего государства. Есть и железные дороги, «секущие» границы.

Этническая контрастность новых российских границ сильно меняется на их протяжении. Если взять тот же пример российско-украинской границы, то брянско-черниговский участок в высокой степени совпадает с этнической границей. По данным переписи 1989 г., доля русских падает на этой границе в 7-14 раз, а украинцев – еще больше. В то же время границы российских областей с Харьковской, Луганской и Донецкой областями менее контрастны: здесь доля русских падает всего в 2-3 раза, хотя доля украинцев меняется гораздо более значительно (Туровский, 1999). Подчеркнем, что речь идет именно о современной границе, разделившей единую область – Слобожанщину, где в 17-18 веках оседало беглое крестьянство как из Центральной России, так и из Украины. Идентичность жителей районов со смешанным населением была размыта, и приблизительные этнические рубежи не совпадали с административными. После образования союзных республик большинство жителей с обеих сторон границы ассоциирует себя соот-

ветственно с русскими и украинцами. Но и по сей день около 40% населения имеет близких родственников по другую сторону границы (Колосов, Вендина, 2002).

Как правило, чем дольше существует политическая граница, тем более прочно она инкорпорирована в национальную и этническую идентичность, тем менее конфликтна. Государственные и внутренние административные границы составляют единую систему (Колосов, Мироненко, 2001; Newman, 2001, 2002). При определенных исторических обстоятельствах государственные границы могут превращаться в административные, и наоборот. Границы чаще меняют статус и функции, а не начертание.

Так, линия нынешней российско-эстонской границы восходит к условной границе между Новгородским княжеством и племенными землями эстов. На российско-украинской границе южные участки также следуют губернским границам. В то же время брянско-черниговский участок никогда не служил ни государственной, ни административной границей.

Функции новых российских границ становятся все более дифференцированными. Соотношение двух главных из них – барьерной и контактной все более различается в связи с усиливающимися контрастами в политико-правовом, экономическом и культурном пространстве стран СНГ. Дифференциация границ возрастает также вследствие разной динамики трансграничных потоков, неодинаковых последствий их возникновения для прилегающих районов и разной скорости адаптации их населения и хозяйства.

Экономические последствия включают прежде всего разрыв традиционных кооперационно-сбытовых связей в промышленности и сельском хозяйстве, дезинтеграцию общих рекреационных систем. Так, на Кавказе возникновение границ фактически разрушило традиционное отгонно-пастбищное животноводство, так как были разорваны пути летних миграций скота в высокогорье. В результате резко упала продуктивность отрасли, из-за перевыпаса деградируют пастбища в среднегорье. Перестали существовать популярные в прошлом туристические маршруты, связывавшие черноморские курорты с горными (Гуня, 2003).

Социальные последствия связаны с изоляцией и превращением приграничных районов в периферию своих стран – и по экономическим, и по культурно-политическим причинам. В результате снижается жизненный уровень, население покидает эти районы. Народы, разделенные новыми границами, с трудом адаптируются к ограничениям в передвижении. Крайний случай – отсутствие с сентября 2003 г. каких-либо льгот проживающему в приграничных районах русскоязычному населению стран Балтии, отделенному ныне от соотечественников практически герметичной «шенгенской» границей.

Однако в постсоветской России уже есть примеры превращения приграничного положения в важнейший экономический ресурс. Это прежде всего Выборг, который по совокупности показателей пережил тяжелые 1990-е гг. намного лучше, чем российские города в среднем (Город и деревня..., 2001). Белгородская область занимала в 2001 г. первое место среди субъектов РФ по обороту внешней торговли с Украиной на душу населения (Колосов, Кирюхин, 2001).

Торгово-посреднические функции обеспечивают работой десятки тысяч людей. Так, в результате значительных различий в ценах на товары и услуги между Россией и Беларуссией уже ко второй половине 1990-х гг. в Смоленской области сформировалась особая социальная группа, в которую, помимо челночных мигрантов, вошло не менее 10-12 тыс. человек, занятых продажей, доставкой, хранением перемещаемых через границу товаров (Катровский, 2002).

Формирующиеся международные транспортные коридоры (МТК)³⁷ также уже сейчас превращаются в источник существенных доходов для регионов, через которые они пролегают. Через МТК Москва – Минск – Варшава проходит до 80% российских транзитных грузопотоков в западном направлении. Благодаря полученным от их обслуживания теневым доходам Смоленская область занимает в Центральной России по социальным показателям более высокое место, чем по официальным экономическим индикаторам (Костюченко, 2003).

Социально-культурные последствия связаны прежде всего с распадом общего языкового, информационного, образовательного и научного пространства. Для элит в сопредельных с Россией государствах, система образования и СМИ – важнейшее средство строительства новой этнической и политической идентичности. Перед большинством постсоветских государств стоит сложная задача сплочения многонационального населения в политическую нацию на основе языка и социальных представлений титульной группы (точнее, ее элиты). Одновременно требуется консолидировать сам титульный этнос, поскольку его различные региональные группы часто имеют разные взгляды на свое место в мире, потенциальных союзниках и противниках нового государства (Kolossoy, 2002). Наиболее эффективный способ создания или укрепления идентичности – противопоставление «своих» «чужим» – соседям, т.е. прежде всего России.

В числе экологических последствий можно выделить прямые, связанные с отсутствием правового регулирования или упадком хозяйства приграничных районов. К косвенным последствиям относится обнищание населения, вынужденного браконьерствовать, заниматься незаконными порубками леса, что, в свою очередь, вызывает в горных районах риск селей и наводнений.

Среди политико-правовых последствий формирования новых государственных границ – проблемы гражданства, решение которых после принятия в России нового законодательства в этой области резко усложнилось.

Новые границы уже ввиду их огромной протяженности невозможно обустроить подобно границам бывшего СССР, чтобы полностью контролировать трансграничные взаимодействия. Кроме того, на обширных участках население с обеих сторон границы близко по этническому составу и культуре. Из этого вытекает исключительная сложность и высокая стоимость применения традиционного подхода к безопасности новой границы. К тому же России пришлось отказаться от идеи многостороннего сотрудничества с пограничными службами соседних государств, для которых оно было неприемлемо по геополитическим причинам.

В долгосрочной перспективе сохранится сложное соотношение между государственными границами России и широким пространством интенсивного взаимодействия с соседними странами, охватывающим значительную часть пограничья. Это объясняется несовпадением государственной территории России с расселением миллионов соотечественников и русскоязычных жителей. Российское культурное пространство еще долго будет оставаться шире государственной территории и в результате общности традиций и исторического прошлого, и вследствие произвольного начертания и подвижности границ в советский период, и по более частным причинам.

Это вызывает заинтересованность населения в сохранении высокой прозрачности границ со странами СНГ, чему способствуют и трудовые миграции жителей этих стран в Россию. Подавляющее большинство россиян – против введения визового режима с Украиной, Белоруссией и Молдовой (Мир глазами россиян..., 2003).

---

³⁷ По определению Комитета по транспорту ЕЭК ООН, под МТК понимается часть национальной или международной транспортной системы, которая обеспечивает значительные международные грузовые и пассажирские перевозки между отдельными географическими районами, включает в себя подвижной состав и стационарные устройства всех видов транспорта, работающих на данном направлении, а также совокупность технологических, организационных и правовых условий осуществления этих перевозок.

В то же время экономические и социальные потребности России диктуют необходимость укрепления пограничного режима. Контрабанда по-прежнему наносит большой ущерб государственному бюджету, а таможенная служба остается главным источником его пополнения. Не ослабевает поток нелегальных мигрантов. Новую серьезную угрозу национальной безопасности представляет обвальное падение незаконного оборота наркотиков, расхищение природных богатств.

При этом необходимость укрепления границ начинают диктовать геополитические факторы наднационального уровня. Сказывается разная направленность интеграционных процессов в новых независимых государствах, пытающихся сочетать стремление к интеграции в Европу с устойчивыми отношениями с Россией. Для многих стран СНГ в той или иной степени характерна дилемма: или по-прежнему относительно прозрачные границы с Россией и Белоруссией, или с Польшей и ЕС.

Действительно, высокая проницаемость границы России с Казахстаном и соответственно Средней Азией плохо увязывается с открытостью западных границ. В Украину до 70% нелегальных мигрантов переправляется с территории РФ, в том числе 94% - вне пунктов пропуска. В преддверии расширения ЕС на украинско-российской границе предусматривалось развернуть более 100 новых подразделений и обновить их техническое оснащение (Махнюк, 2002).

Укреплению границ в сильной степени способствует их высокая символическая роль в новых государствах. В первую очередь, это относится к границам этих стран с Россией. Не случайно пункты пропуска, как правило, с размахом строились сначала именно со стороны соседей России. В прибалтийских государствах границы с Россией интерпретируются как рубеж между Западом и Востоком, цивилизованной «Европой» и варварской «Азией». Пограничные вопросы надолго останутся для соседей России высоко политизированными, и интересы приграничного сотрудничества будут приноситься в жертву «высокой» геополитике. К тому же в бывшем СССР сакральное отношение к государственной границе впитано старшими поколениями с молоком матери (Мир глазами россиян..., 2003).

Для российской идентичности крайне важно восприятие характера и остроты внешних угроз, исходящих от различных участков границы. Практически в каждом из 16 иностранных государств, с которыми граничит Россия, есть влиятельные общественные силы, претендующие на часть российской территории, а некоторые в недавнем прошлом предъявляли территориальные претензии к России на государственном уровне. Как известно, Япония поныне требует отдать ей четыре острова Курильской гряды. Хотя подписано российско-китайское соглашение о делимитации границы, имеющее большое политическое значение, линия границы на двух важных участках, в том числе около Хабаровска, до сих пор не согласован. Характерна «картографическая» экспансия – испытанное средство связать этническую и политическую идентичность граждан с более обширной территорией, чем официальная, и с границами, не совпадающими с установленными.

В «Основах пограничной политики Российской Федерации» сформулированы основные угрозы национальным интересам и безопасности России в пограничном пространстве:

- территориальные притязания к России;
- неопределенность международно-правового оформления границы;
- нестабильность и напряженность обстановки в приграничье, связанная с отсутствием делимитации и демаркации границы;
- проявления в районах этнического и регионального сепаратизма, межнациональных и религиозных противоречий;
- расхищение национальных богатств и активизация контрабандной деятельности;
- нестабильность социальной обстановки и неконтролируемая миграция вследствие резкого снижения жизненного уровня в соседних странах;
- трансграничная организованная преступность, терроризм, неконтролируемая торговля оружием и наркотиками;
- региональные вооруженные конфликты вблизи границы России;

риск природных и техногенных катастроф и трансграничный перенос загрязнителей.

На основании многих исследований по каждой из 47 пар границ российских регионов и бывших союзных республик нами была оценена экспертным путем в баллах острота этих угроз в 1999 и 2004 гг. Суммирование баллов, “набранных” каждой из пар границ, показало, во-первых, ожидаемый результат – относительно наиболее беспокойные из новых российских границ – на Кавказе. Во-вторых, по сравнению с концом 1990-х гг. относительно усилились угрозы со стороны протяженной границы с Казахстаном, тогда как напряженность границ с европейскими соседями ослабла. Примерно одинаковые баллы - у новых границ южнорусских, поволжских и восточных регионов, но “набор” угроз в них разный, хотя для той и другой границы характерны серьезные последствия отсутствия международно-правового статуса, проблемы делимитации и демаркации, угрозы организованной преступности и незаконного оборота наркотиков и оружия.

В передовых странах граница для прилегающих к ней районов давно уже стала одной из основ благосостояния. Поэтому необходима и иная типология границ, “позитивная” - по перспективам и основным направлениям приграничного сотрудничества. Ее основаниями могут быть:

- перспективы совместного использования находящихся в приграничной зоне природных ресурсов;

- комплиментарность хозяйства приграничных регионов;

- возможности использования “гуманитарных” ресурсов, например, культурного и образовательного потенциала крупного города, расположенного вблизи границы;

- совместное использование рекреационного потенциала приграничных территорий;

- необходимость в совместных (коллективных) мерах по охране окружающей среды (например, трансграничных речных бассейнов), создании и поддержке существующих заповедников, принятия мер по предотвращению рисков природных и техногенных катастроф;

- создание свободных экономических зон в приграничной полосе;

- предоставление особого статуса районам с обеих сторон границы;

- принятие любых других мер ad hoc.

Социально-экономическая ситуация в приграничных регионах России и средний уровень доходов на душу населения пока остается относительно лучше, чем в большинстве соседних государств. Это препятствует приграничному сотрудничеству. В частности, социально-экономический градиент с соседними странами в сочетании с тяжелой демографической ситуацией в России с особой остротой ставит проблему контроля над миграцией.

В федеральных органах власти постепенно появляется понимание необходимости новых подходов к безопасности границ. Власти субъектов федерации заинтересованы в приграничном сотрудничестве. Возможности их влияния на политику федерального центра возрастают, если они координируют свои действия (например, в рамках Совета руководителей приграничных областей Республики Беларусь, России и Украины).

Однако геополитическая культура и нынешний политический дискурс – как в области «высокой», так и «низкой» геополитики - не оставляют сомнений в том, что функциям границ по обеспечению национальной безопасности в ее традиционном понимании принадлежит приоритет в сравнении с контактными экономическими и иными функциями. Согласно опросам, российские граждане склонны видеть главную угрозу на «Юге». Принимая в целом нынешний геополитический порядок на постсоветском пространстве, большинство россиян верны традиционной геополитической культуре и видят решение проблем безопасности в возведении «стен» на границах с Средней Азией и Закавказьем (Мир глазами россиян..., 2003).

Характер соседства России с новыми независимыми государствами в целом не благоприятствует приграничному сотрудничеству. Территориальные структуры России и большинства соседей повернуты друг другу «спинами»: большая часть регионов россий-

ского пограничья относится к числу сравнительно бедных, аграрных регионов. В частности, граничащая одновременно с новыми членами ЕС Псковская область – один из беднейших субъектов федерации. Кроме того, развитие приграничного сотрудничества стало серьезным вызовом для федерального центра, не изжившего настороженности (иногда вполне обоснованной) в отношении самостоятельности регионов как новых субъектов внешнеполитической деятельности.

За рубежом имеется немало исследований факторов успеха приграничного сотрудничества и, в частности, еврорегионов. Подчеркивается ключевое значение его развития «снизу», создания разнообразных трансграничных сетей – производственных и торговых предприятий, общественных организаций, местных властей и т.п. (networking), а также налаживанию системы информации о деятельности соседей (Sanguin, 2004).

Карелия и Калининградская область уже несколько лет участвуют в деятельности трех еврорегионов. В ноябре 2003 г. подписано соглашение о создании первого еврорегиона на границах между Россией и ее соседями по СНГ, включающего часть территории Белгородской и Харьковской областей («Слобожанщина»). Хотя в России, да и в соседних странах традиционно больше уповают на административные решения, а не инициативу снизу, создание еврорегионов и, в частности, освоение опыта Западной Европы в этой области – безусловно, отрадное явление и шаг на пути к укреплению доверия и решения многочисленных проблем нового пограничья.

Литература

Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития. – Приграничные районы, приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИМЭПИ РАН, 2000. С. 18-44.

Глазовский Н.Ф., Закруткин В.Е., Кирюхин А.М., Сухоруков Г.А. Охрана и рациональное использование вод бассейна Северского Донца в приграничных областях России и Украины. - Трансграничные проблемы стран СНГ. Отв. редактор акад. В.М.Котляков. М.: Опус, 2003, с. 10-21.

Город и деревня в современной России. Под ред. Т.Г.Нефедовой, А.И.Тревиша и П.М.Поляна. М.: УРСС, 2001.

Катровский А.П. Российско-белорусское пограничье: современное состояние и перспективы развития. – Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. Под общей ред. С.И. Пирожкова. Киев: Нац. институт проблем международной безопасности, 2002, с. 65-72.

Колосов В.А., Вендина О.И. Российско-украинская граница: социальные градиенты, идентичность и миграционные потоки (на примере Белгородской и Харьковской областей). – Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. Под общей ред. С.И. Пирожкова. Киев: Нац. институт проблем международной безопасности, 2002, с. 21-46.

Колосов В.А., Кирюхин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях. – *Politia*, 2001, N 1, с. 141 – 165.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-пресс, 2001.

Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Феномен нового российского пограничья. - Известия РАН, сер. геогр., 1997, N 5.

Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типология новых российских границ. – Известия РАН, серия географическая, 1999, N 5.

Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области. Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Географический факультет МГУ, 2003.

Махнюк А.В. Становление украинско-российской границы и правовое регулирование ее пересечения. – Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. Под общей ред. С.И. Пирожкова. Киев: Нац. институт проблем международной безопасности, 2002, с. 171-174.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. Под ред. В.А.Колосова. М.: Институт ФОМ, 2003.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России. Под ред. Л. Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.: НОФМО, 2002.

Трансграничные проблемы стран СНГ. Отв. редактор акад. В.М.Котляков. М.: Опус, 2003, с. 10-21.

Туровский Р.Ф. Политическая география. М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

Kolossov V. After Empire. - Agnew J., Mitchell K. and Toal G., eds. A Companion to Political Geography. Malden, MA, Oxford, UK etc.: Blackwell, 2003, pp. 251-270.

Newman D. Boundaries, territory and postmodernity: towards shared or separate spaces? In: M. Pratt and J. Brown (eds). Borderlands Under Stress. Kluwer Law International: London. 2001, pp. 17-34.

Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography. In: J. Agnew and G. Toal (eds). A Companion to Political Geography. Blackwell: Oxford. 2002.

Sanguin A.-L. Euroregions within the enlarged European Union: Concepts and theories, experiences and practices. GeoJournal, 2004 (forthcoming).

ЕВРОПА – ПОГРАНИЧНАЯ СТРАНА

За политическими переворотами в Восточной Европе последовала трансформация пространства, на котором они произошли. В отсутствие железного занавеса выясняется, что такое Европа: континент, который не может жить без границ. Демаркационная линия, проходившая от Балтийского моря до Адриатического, поросла травой. Но различия, порожденные ею в сознании ныне живущих поколений, не изгладятся еще долго. Стена словно движется на Восток: из центра Берлина она отодвинулась на Одер или еще дальше – до Бреста. Символ разделения мира был демонтирован, но только для того, чтобы освободить место для эмблем по-новому разделенного мира... Возникающая Европа – это не Европа без границ. Это Европа, которая или научится жить со своими границами, или нет.

Транзит Европа

В Европе, освобожденной от “великой границы”, все приходит в движение, начиная с пространства, в котором мы живем. Исчезновение стены конституирует иное пространство. Пространство, в котором мы работаем, отдыхаем, учимся, живем, становится иным, а вместе с этим иным и мир в наших головах. Туризм, который хочет что-то познавать, направляется к ближайшим соседям, а не за океан. После уже виденного Нью-Йорка можно наконец-то съездить и в Прагу. Причем не только в качестве туриста, но по рабочим и деловым соображениям. Увеличивается потребность в беспрепятственной деловой коммуникации. Пересечение границы имеет прагматические, не гуманитарные основания: есть, чем заняться...

Возникают новые экономические пространства. Это заметно по автобанам, когда воскресным вечером десятки тысяч восточнонемецких рабочих отправляются в богатые и промышленные районы юго-западной Германии, а на выходные возвращаются в Дрезден, Халле или Гёрлиц. Это заметно по развитию и ускорению внутриевропейского обмена, по колоннам траллеров из Польши, Скандинавии и юго-восточной Европы, встречающихся на Берлинском кольце. Справочник немецкой железной дороги позволяет вычитать, как изменились направления пассажирских потоков. Формируются новые промышленные районы – провозвестниками чего являются черные лимузины посредников и менеджеров на автострадах между Пльзеном и Вольфсбургом, Веной и Прагой, Мюнхеном и Дрезденом, Гамбургом и Штеттином. Пограничные страны снова становятся осями увеличивающегося потока людей и грузов. Но самым точным показателем формирования нового пространства является, вероятно, товарооборот – многомиллионные перевозки товаров со всего мира, челночная торговля между Санкт-Петербургом и Берлином, Стамбулом и Одессой, Познанью и Улан-Батором, Сынцзяном и Казахстаном. Старые маршруты – Янтарный и Шелковый пути – снова востребованы. Пробки на границе в Бресте или Гродно показывают, что система автомобильных и железных дорог давно не соответствует растущим потребностям товарообмена. Необходимо придумать что-то новое.

После разрушения “великой границы” и растраты сил, которые были нужны на ее поддержку, Европа кажется усталой. Кажется, что ее составные части вернулись к положению, существовавшему перед Ялтой, а может быть, даже перед Трианоном. Все послевоенное состояние, к которому Европа вроде бы привыкла как к вполне естественному порядку вещей, вдруг оказывается искусственным и себя изжившим. Европейский блок распадается на архипелаги. Регионы дрейфуют друг от друга. Должны быть открыты коридоры, чтобы сохранить добрососедские отношения, которым угрожает война. В Европе, сумевшей покончить со стеной, снова появились закрытые города, разделенные города, города на осадном положении, города открытые. Деление мира, по-видимому, теперь происходит в поле напряженности, идущей от Рима и Византии. Для одних Западная Европа снова в опасности, для других совершенно очевидно, что Европа доходит не дальше, чем до Буга. Каждый настаивает на своей, единственно истинной Европе. Так мало-помалу

обособляются части того, что прежде составляло единое целое. Большие пространства исчезают, а с ними и свобода передвижения. Возникает новая провинциальность. Людские потоки где-то уплотняются, а где-то иссякают. Балтийские пляжи под Ригой или Ревелем³ обезлюдели. Немногочисленные туристы не заменяют толпы туристов, когда-то приезжавших со всей империи. Крым, с тех пор как стал украинским, лишившись и курортников, и курортных институций, существует отдельно. На бульварах Сухуми взрываются гранаты. Интеллигенты Азербайджана и Армении, говорившие в Москве на одном языке, превосходят друг друга во взаимной ненависти. Экономическое пространство СЭВ распалось... У экономик стран Центральной и Восточной Европы едва ли есть шанс пробиться на западноевропейские рынки. Так возникает обширная промежуточная зона, насыщенная банкротствами, кризисами, безработицей и сомнениями. К потоку “челноков” примешивается поток беженцев, в европейских аэропортах и вокзалах появляются среди новых путешественников новые изгнанники.

Эмблематика “закрытого мира” Восточного блока существует теперь только как архив, как руина. Вместо интернационализма, пытавшегося выйти за пределы блока, теперь национальные символы, индивидуальное и частное вместо былого коллективизма, адресность вместо былой анонимности. Короче: “система”, “восточный блок” больше не существуют. Приспособление означало там приспособление к системе. Теперь нужно ориентироваться в различных странах, в различных общественных укладах с различными языками и культурами. Есть еще другой Восток, чем Восточный блок, и есть Европа, которая не совпадает с идеальными представлениям европейцев о самих себе. Мир начинается теперь там, где он до того кончился, и история начинается еще раз там, где она, казалось, была близка к завершению. За “системой”, которую мы якобы знаем, лежит целина, которую только предстоит открыть.

Метаморфоза границы

Граница не исчезла, она вернулась, только в иной форме. Она стала такой же многоплановой, как и новые отношения. Она стала невидимой и живет лишь в воспоминаниях, жестах и привычках, которые выдают их давнее происхождение “оттуда”. В некоторых местах она явилась границей естественной, маркированной языками и горной грядой. Но случается и наоборот: границы пролегли там, где их раньше не было. Люди, привыкшие к нестесненному движению в безграничной империи, теперь вынуждены принаравливаться к границам, проверкам, переходам и связанным с ними придиркам. Границы пролегли через семьи и поколения, которые до поры жили если и тяжело, то, по крайней мере, в мире друг с другом.

“Великая граница” проходит все стадии превращения. Она ликвидирована, она больше никого не удерживает, разве только тех, у кого нет денег на ее пересечение, или тех, чьи документы не оформлены должным образом. Она не представляет трудностей для всех тех, кто в течение их длинного бегства научился преодолевать гораздо более сложные препятствия. Исчезновение “великой границы” позволяет свободно взглянуть на пропасть более неизгладимую, чем устрашающее сооружение со сторожевыми вышками и колючей проволокой. Европа, отменившая зоны, где стреляют на поражение, перепахана новыми смертоносными зонами и окопами... Повсюду появляются или сменяются знаки новой государственности. Часто кажется, будто одной границы уже достаточно, чтобы быть государством, и что отмежевание от “чужаков” является первым условием для того, чтобы почувствовать себя “своим”. Слабо то самоопределение, которое зависит от обособления от других.

Культура переходов. С границей можно жить

Границы – это наружная “обшивка” государств, сфера их контактов и трений. Они показывают нам, куда ведет дорога, даже если мы еще не прибыли в столицу государства. Они такие, какова суть государств, их порождающих. Стабильность погрансооружений обратнo пропорциональна их внутреннему равновесию и прямо пропорциональна внутрен-

нему давлению. Внушительность пограничных укреплений свидетельствует о непрочности того, что они должны защищать. Их опознавательные знаки – это угрожающие и предупредительные символы, в зависимости от направления движения. Диктатуры признаешь издали – по их воротам. Они баррикадируют въезд, закрывают вид из окон с помощью матовых и затемненных стекол. Они заставляют машины,двигающиеся к пограничному проезду, ехать по слаломной трассе. Путешественников ведут в кабины и прочие отгороженные помещения. Там чужие руки обыскивают их тело в поисках печатной продукции. Мысль, что каждую минуту может что-то случиться, если вести себя неправильно, приходит даже самым беззаботным – по меньшей мере, на время пребывания. Приветливость пограничников слишком приветлива, чтобы быть всамделишной. Быстрая смена выражения лица означает, что они могут совсем переменить тон. Человек из другого мира, пересекающий границу, – единственный объект, которому бессловесный подчиненный может продемонстрировать свою власть. Технический прогресс даже в самых отсталых диктатурах внедряется прежде всего на границе – переход от заполнявшихся вручную карточек к компьютеру. Пугает сам процесс пересечения границы: въезжающий проходит в комнату и попадает в световой конус, в котором он слепнет и, как насекомое, виден со всех сторон; он двигается осторожно – можно угодить на ничейную землю (*das Niemandland*), где подстерегают опасности. Он подавляет спонтанный протест против унижительных процедур, так как хочет въехать в страну.

Альтернативой является не отсутствие границы как таковой, но граница, которая не более чем обозначение территории, начала и конца, маркировка места перехода. Альтернатива – не космополитическая мечта, которую невозможно осуществить, а граница, позволяющая жить. Граница образует пространство, в котором живут... Такая граница не страшит, напротив, она обладает притягательностью, свойственной каждому новому опыту, каждому расставанию и прибытию. Границы есть признак богатства различия. Граница – это обязанность нести ответственность за свой дом и возможность в другом месте оказаться гостем. Пересечение границы в безграничном пространстве – бессмыслица. Без опыта переходов границы Европа была бы беднее. Богатство Европы измеряется переходными ландшафтами...

Европа имеет границы, которые она заслуживает. Разброс достаточно велик – от прозрачных границ до линии фронта. Какие победят, время покажет. Но этот вопрос будет решаться не на границах, а в обществах, какие будут иметь те границы, какие им необходимы. Если мы хотим знать, как будут выглядеть границы в будущей Европе, то нужно посмотреть на общества, которые будут отгораживаться ими друг от друга. От обществ, не способных разобраться с самими собой, вряд ли следует ожидать, что они смогут соответствовать новой, более сложно устроенной Европе.

РОЛЬ ЕС В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ

Предметом настоящего исследования является проблема становления и развития границы России с государствами Прибалтики в период от распада СССР до настоящего времени. Европейский союз рассматривается как один из факторов, влияющих на данный процесс. Сегодня имеется возможность сравнить роль Евросоюза до и после вхождения прибалтийских государств в его состав. В рамках данной работы изучается влияние ЕС на четыре процесса:

переговоры о границе между Россией и прибалтийскими государствами до и после вступления последних в ЕС;

развитие визового режима на границе России и стран Балтии. Вопрос о транзите через Литву в Калининград и обратно не затрагивается, т.к. это самостоятельная тема, которой посвящено достаточно много исследований;

обустройство границ;

приграничное сотрудничество.

В рамках всех обозначенных вопросов рассматриваются как переговоры между правительством РФ и руководством ЕС, так и взаимоотношения между ЕС и правительствами сопредельных с Россией государств.

Переговоры о границе

К настоящему моменту все договоры³⁸ готовы, но ратифицированы лишь соглашения между Россией и Литвой. Российско-литовская граница оказалась наименее конфликтной, вдоль нее практически не было спорных территорий³⁹. Тем не менее процесс подготовки соглашения занял более пяти лет. Договор о границе был подписан 24 октября 1997 г., однако парламент Литвы ратифицировал его лишь в октябре 1999 г., а российский парламент – только в мае 2003 г. В настоящее время на российско-литовской границе создается комиссия по ее демаркации. Примечательно, что за время, понадобившееся законодателям на ратификацию документа, на двухстороннем уровне были подготовлены соглашения, не требующие ратификации парламентами, но позволяющие регулировать вопросы пересечения границ. Особого внимания заслуживают документы в отношении разграничения водных пространств. Так, в марте 2001 г. было подписано межправительственное Соглашение между Российской Федерацией и Литовской Республикой о судоход-

---

³⁸ Всего разработано пять договоров: один с Латвией и по два с Литвой и Эстонией, поскольку в этих случаях разграничивается не только сухопутное, но и водное пространство. Предметами договоров о водных границах с Эстонией являются зоны в Нарвском и Финском заливах, с Литвой – исключительная экономическая зона и континентальный шельф в Балтийском море.

³⁹ В результате присоединения Литвы к СССР в 1940 г. она получила дополнительные польские территории, включая Вильнюс. В связи с этим после распада Советского Союза Литва была заинтересована в сохранении существующих границ (*Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What it Could Do // The Atlantic Council of The United States. Occasional Paper. 1999. July. P. 11 [www.acus.org/publications/occasionalpapers/EuroTransition/sokov%20final%20paper--VERSION%20IV.pdf]*).

Дольше всего на российско-литовской границе неурегулированными были вопросы водных границ по Виштынецкому озеру, дельте реки Нямунас и морской границе с Калининградом. После трех лет переговоров неурегулированной оставалась водная граница, проходящая по озеру Виститис, устью реки Нямунас и лагуне Курши Мариос. Предметом спора были 39 га водного пространства озера Виститис. Россия не хотела делить озеро поровну и предполагала провести границу вдоль берегов Литвы. Руководители Литвы настаивали на получении того водного пространства, которое принадлежало республике до Второй мировой войны. На процессе переговоров отрицательно сказалось и сделанное в начале 1997 г. заявление губернатора Калининградской области Л. Горбенко о том, что Клайпеда должна принадлежать России.

стве по Куршскому заливу и водным путям Калининградской области. В данном документе, в частности, оговаривалось судоходство на вызывавшем споры участке реки Неман (Нямунас).

В силу невысокой степени конфликтности данной границы нельзя говорить о существенном влиянии ЕС на этот процесс.

Работа над договорами с Латвией и Эстонией была закончена в 1997–1999 гг.: их визировали главы делегаций, однако документы до сих пор не ратифицированы. В связи с этим остановимся на них более подробно.

Фактически процесс переговоров о российско-эстонской границе начался в апреле 1992 г. В период до 1994 г. (когда из Эстонии был выведен военный контингент РФ) вопрос о границе не был центральным. С российской стороны выдвигалось предложение о создании совместных зон на границе и введении в них упрощенного режима пересечения границы, однако эстонская сторона настаивала на возврате к Тартускому договору⁴⁰. В 1994 г. МИД Эстонии предложил отложить решение вопроса о границе на 10 лет, в ответ на что российская сторона заявила о демаркации границы в одностороннем порядке по линии границы 1991 г.⁴¹ Более интенсивные переговоры начались в 1995 г., когда стало очевидным, что эстонской стороне договор о границе необходим для вступления в ЕС и НАТО. В связи с этим (а также учитывая тот факт, что те территории, на которые претендовала Эстония в соответствии с Тартуским мирным договором 1920 г., в основном русифицированы) в конце 1994 г. Эстония отказалась от территориальных претензий к России. В начале 1995 г. была сформирована специальная комиссия по ведению переговоров. Следующим толчком в переговорном процессе стало осознание Эстонией, что признание или непризнание в договоре о границе Тартуского договора не влияет на признание эстонской государственности. В результате этого было предложено заключить технический договор о границе. Договор о российско-эстонской границе с приложениями впервые был парафирован в ноябре 1996 г. Потом были внесены технические поправки, договор был еще раз парафирован главами делегаций на эстонско-российских переговорах о границе в марте 1999 г. в Санкт-Петербурге. Таким образом, можно говорить, что желание Эстонии стать членом ЕС безусловно способствовало активизации переговоров о границе в середине 1990-х гг. Однако в последующий период влияние ЕС на переговоры о границе, а точнее на ратификацию разработанного соглашения, не столь очевидно. Показательной является реакция на события 2005 г. 20 июня 2005 г. эстонский парламент ратифицировал договор, но внес при этом изменения, не приемлемые для российской стороны. МИД РФ предложил начать новый раунд переговоров, Эстония отказалась. ЕС занял выжидательную позицию, заявив лишь, что договор очень важен, надо следить за развитием событий⁴². Примечательно, что эстонский министр иностранных дел во время обсуждения парламентом соответствующей преамбулы при ратификации договора о границе с Россией высказывал ряд опасений⁴³. Сделав ссылку на ЕС и НАТО, он отметил, что неконструктивное поведение парламента негативно сказывается на имидже страны.

Для Латвии заключение договора о границе на протяжении длительного времени не было приоритетным направлением. Договор о границе в Латвии (в отличие от Эстонии) публично не обсуждался вплоть до 2004 г. Стремясь вступить в ЕС и НАТО, Латвия в 1996 г. отказалась от территориальных претензий к России, и договор о границе был разработан, но не ратифицирован. ЕС занял отстраненную выжидательную позицию. В ряде документов отмечается, что отсутствие определенности о прохождении границы не будет

⁴⁰ Berg E., Boman Ju., Kolossov V.I. Estonian-Russian Borderland. 2003. December 5. P. 11–12 [[www.exlinea.org/pub/regional_profile_complete\(05.12.03\).pdf](http://www.exlinea.org/pub/regional_profile_complete(05.12.03).pdf)].

⁴¹ Op. cit. P. 12.

⁴² См., напр.: Repson K. Border Treaty Requires New Negotiations // The Baltic Times. 2005. June 29 [http://www.baltictimes.com/art.php?art_id=12959].

⁴³ См., напр.: Выступление министра иностранных дел Урмаса Паэта перед Рийгикогу (парламентом Эстонии) 20 июня 2005 г. на втором чтении Закона о ратификации эстонско-российских пограничных договоров. Министерство иностранных дел Эстонии [http://www.vm.ee/est/kat_556/5775.html].

являться препятствием для вступления в ЕС⁴⁴. Возможно, подобное отношение ЕС повлияло на то, что латвийская сторона не стала торопиться с ратификацией договора. Более того, уже после вступления в ЕС в феврале 2005 г. Латвия фактически предъявила к РФ территориальные претензии, опубликовав свой проект Декларации об основах отношений между Латвийской Республикой и Российской Федерацией. Позже в 2005 г. латвийское правительство приняло «разъясняющую декларацию», в которой, по мнению российской стороны, присутствуют территориальные претензии. Примечательно, что в настоящее время латвийский МИД, оценивая сложность согласования договора с действующей в Латвии конституцией, заявляет, что переговоры о подписании договора не должны влиять на развитие двусторонних отношений. Имеющийся опыт сотрудничества в условиях отсутствия соглашения позволяет и дальше взаимодействовать без подписания договора о границе⁴⁵. Таким образом, можно утверждать, что, как и в случае с Эстонией, намерение Латвии вступить в ЕС ускорило процесс переговоров о границе в середине 1990-х гг., однако в настоящее время позиция ЕС не оказывает решающего влияния на двусторонние отношения. Латвия не демонстрирует заинтересованности в подписании соглашения и границе.

Отстраненность ЕС от непосредственного влияния на переговорный процесс прослеживается в большинстве европейских документов. В ежегодных публикациях ЕС по вопросам расширения территориальные споры между Россией и прибалтийскими государствами не упоминаются, говорится лишь о неурегулированности вопросов границы у Турции. В ежегодных докладах о подготовке стран к вступлению в ЕС вопрос о демаркации также часто не упоминался (см., например, латвийский отчет за 1997 г.) или упоминается как факт отсутствия договора без дополнительных комментариев. Более того, в докладах о подготовке Эстонии к вступлению в ЕС говорится, что, несмотря на отсутствие договора о границе, пограничный режим действует эффективно, необходима ратификация договора российской стороной. Европейская комиссия заявляет, что намерена работать с Россией по вопросам подписания ей договоров о границе с Латвией и Эстонией, однако конкретные действия не оговариваются⁴⁶.

Таким образом, в целом о влиянии ЕС можно говорить лишь как о косвенном факторе, который учитывается каждой из сторон при принятии решений о том или ином методе ведения переговоров. Напрямую ЕС не вмешивается в процесс переговоров и часто занимает выжидательную позицию. До вступления прибалтийских государств в ЕС Россия, зная заинтересованность Латвии и Эстонии в членстве в ЕС, могла затягивать переговорный процесс, отстаивая свои интересы в двухсторонних отношениях. После вступления прибалтийских государств в ЕС отказ России от подписания договоренности в ряде зарубежных СМИ оценивается как выпад в адрес всего ЕС⁴⁷, что отчасти затрудняет процесс ратификации соглашений.

---

⁴⁴ Brown D. EU Enlargement & Schengen Border Regimes // Aldis A.(ed.) Security in the Black Sea Region: Perspectives and Priorities. Conflict Studies Research Centre, May 2001. P. 68
[[http://www.da.mod.uk/CSRC/documents/CEE/G93%20\(Security%20in%20the%20Black%20Sea%20Region/G93.chap15\]](http://www.da.mod.uk/CSRC/documents/CEE/G93%20(Security%20in%20the%20Black%20Sea%20Region/G93.chap15])].

⁴⁵ См., напр.: Peach G., Eglitis A. Latvia Has Done Europe a Big Favor. Interview with Foreign Minister Artis Pabriks // The Baltic Times. 2005. June 9 [www.mfa.gov.lv/en/news/archive/?ub=19&page=5].

⁴⁶ См., напр.: Common European Union Strategy Towards Russia in the Area of Justice and Home Affairs [http://europa.eu.int/comm/justice_home/fsj/external/russia/fsj_external_russia_en.htm].

⁴⁷ См., напр., реакцию в СМИ на заявление МИД РФ 27 июня 2005 г. об отказе подписания договора с Эстонией после внесения эстонской стороной изменений: *Socor* VI. Russia Cancels Border Treaty, Assails Estonia // Eurasia Daily Monitor. Volume 2. Number 127. 2005. June 30
[http://www.jamestown.org/edm/article.php?article_id=2369959].

Режим пересечения границ

Фактор ЕС (а точнее, предполагаемое вхождение прибалтийских стран в Шенгенскую зону) оказался наиболее значимым именно в определении визового режима на границах РФ с прибалтийскими государствами.

После распада СССР на границах с прибалтийскими государствами был установлен упрощенный режим пересечения границ, однако постепенно они стали менее проницаемы. Упрощенный визовый режим на российско-эстонской границе, введенный в 1991 г., несмотря на формальную отмену Эстонией в 1992 г., фактически просуществовал около 10 лет усилиями местных властей⁴⁸. Аналогичный договор был подписан и с Латвией. В связи с планируемым присоединением Эстонии и Латвии к Шенгенской зоне упрощенный режим пересечения границы был отменен. В качестве альтернативы на границе с Эстонией стали выдаваться многоразовые бесплатные визы для жителей пограничных территорий. Число таких виз определяется в двухстороннем порядке и составляет около 4000 тыс. в год, упрощенный режим пересечения границ охватывал около 17 тыс. человек.

На российско-латвийской границе в 1994 г. был введен упрощенный режим пересечения границы жителями приграничных территорий. В 2000 г. Латвия, также как и Эстония, заявила об отмене действующего соглашения, предложив заменить его новым. Для жителей приграничных территорий планировалось ввести многократные бесплатные визы взамен пропусков. С российской стороны к новому проекту был высказан целый ряд претензий. Взаимодействие между сторонами оказалось непродуктивным. Летом 2004 г. российская сторона закрыла контрольно-пропускной пункт (КПП) «Айсарза-Лямоны». По утверждению министра иностранных дел РФ, после денонсирования временного соглашения Латвией в 2000 г. новой правовой базы для деятельности КПП не было выработано, что привело к его закрытию⁴⁹. Примечательно, что в ответ на действия российской стороны Латвия прислала в МИД РФ проект межправительственного соглашения об упрощенном режиме пересечения границы для жителей приграничных территорий⁵⁰.

Со стороны ЕС по данному вопросу были предприняты некоторые действия. Так, для упрощения пересечения новых европейских границ жителями приграничных территорий Европейской комиссией в 2003 г. была предложена специальная программа «Local Border Traffic». Проект предусматривает создание специальных КПП или коридоров, а также предоставление бесплатных виз, по которым жители приграничных территорий могли бы пересекать границы по своим делам. Подобные визы позволяют жителям приграничных территорий находиться только на ограниченном пространстве другого государства сроком до семи дней и в общей сложности не более трех месяцев в течение полугода. Срок действия виз не менее одного года. При этом каждая из стран самостоятельно заключает двусторонние соглашения, руководствуясь общими принципами, предложенными комиссией⁵¹. Как уже было отмечено, наиболее конструктивной оказалась позиция Эстонии, которая согласилась выдавать российским гражданам приграничных территорий многоразовые ежегодно обновляемые визы⁵².

⁴⁸ Berg E., Boman Ju., Kolossov V. Op. cit. P. 12.

⁴⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом российских СМИ относительно закрытия пункта пропуска «Лямоны» на российско-латвийской границе 3 июня 2004 г. // Информационный бюллетень Министерства иностранных дел РФ [www.mid.ru].

⁵⁰ Latvian Proposes to the Russian Federation Simplified Border-Crossing Procedures. Press-Release of Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. 2004. July 7 [www.am.gov.lv/en/nato/news/archive/?ui=2&ub=1&page=13].

⁵¹ The Commission Proposes Concrete Measures for Facilitating Local Traffic at the Land Borders of the Union. Brussels 2003. September

1. [http://europa.eu.int/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/03/1186&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en].

⁵² Kononenko V. What's New About Today's EU-Russia Border? // UPI Working Papers, no 50 (2004) Working Papers и год издания) P. 22 [http://www.upi-fiia.fi/julkaisut/UPI_WP/wp/WP50.pdf].

В отличие от переговорного процесса, где воздействие ЕС в значительной мере косвенное, в вопросах, касающихся визового режима, Евросоюз проявляет ярко выраженную заинтересованность и влияет на определение режима пересечения границ.

Обустройство границ

Главным направлением в обустройстве границ является открытие новых и переоборудование старых КПП, тренинг пограничных служащих.

Среди действий ЕС, направленных на обустройство балтийско-российских границ, необходимо отметить следующие:

а) тренинг пограничных служащих. Ежегодно ЕС выделяет средства и приглашает сотрудников пограничной службы прибалтийских государств для получения соответствующей подготовки;

б) еще до вступления прибалтийских государств в ЕС и они, и Россия получали финансовые средства на обустройство своих границ. По данным на середину 2004 г., РФ было получено около 100 млн евро на развитие границ и реформу правосудия. В 2003 г. Эстония по программе PHARE получила 3,3 млн евро на закупку оборудования для КПП на границе с РФ, эстонской стороной на эти цели было выделено 1,28 млн евро⁵³.

в) в рамках ЕС было создано специальное агентство по взаимодействию на внешних границах, основным направлением деятельности которого является помощь новым членам ЕС в организации контроля на границах. Бюджет агентства – 6 млн евро в 2005 г., 10 млн евро в 2006 г.⁵⁴ Начало работы агентства, планировавшееся на 1 января 2005 г., было отложено, т.к. государства не могли договориться, где будет находиться штаб-квартира. Из прибалтийских государств на это место наиболее активно претендовал Таллинн;

г) в ЕС был создан специальный фонд Schengen/External Borders Temporary Fund, из которого государства – новые члены ЕС в период 2004–2006 гг. получают финансовую поддержку общим объемом 745,3 млн евро для приведения пограничного контроля на своих внешних границах в соответствие с шенгенскими требованиями. Средства могут быть использованы на реконструкцию, обновление пограничной инфраструктуры, тренинг персонала, развитие логистики. В рамках данного фонда Эстония получит 68,7 млн евро⁵⁵.

Таким образом, можно говорить, о существенном финансовом влиянии ЕС на обустройство российско-балтийской границы.

Приграничное сотрудничество

По утверждению ряда исследователей, ЕС до расширения 1995 г. не проявлял никакой заинтересованности в развитии трансграничного сотрудничества российских регионов⁵⁶. Важно, что и для российских центральных властей приграничное сотрудничество не было приоритетной сферой⁵⁷. После 1995 г. инициатором программ была Финляндия, которая проекты трансграничного сотрудничества разрабатывала уже в 1980-е гг. После вступления в ЕС финские регионы обратились в Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) за оказанием финансовой поддержки на развитие приграничных контактов с российскими регионами,⁵⁸ а также инициировали множество трансграничных проектов.

В отличие от Финляндии, прибалтийские правительства не считают приграничное сотрудничество с Россией приоритетным. Они рассматривают границы с Россией в боль-

⁵³ Enlargement Mini-Briefs // Enlargement Weekly. 2003. July 22

[<http://europa.eu.int/comm/enlargement/docs/newsletter/weekly220703.htm>].

⁵⁴ Preparing for Enlarged EU Borders // Enlargement Weekly Newsletter. 2003. November 18

[http://europa.eu.int/comm/enlargement/docs/newsletter/weekly_181103.htm].

⁵⁵ Agreements Reached at Estonia's Accession Negotiations with the European Union // Estonia in the EU. 2003. March 4 [http://www.vm.ee/eng/euro/kat_308/3454.html].

⁵⁶ См., напр.: *Kononenko V.* Op. cit.

⁵⁷ Ibid. P. 25.

⁵⁸ Ibid. P. 9–15.

шей степени с позиций безопасности, а не взаимодействия. Так, например, латвийские власти полагают, что финансирование ЕС приграничных территорий уменьшит противостояние между районом Лэтгейл и Ригой, убедит местное сообщество в том, что членство в ЕС имеет много преимуществ (в настоящее время данный район в большей степени ориентирован на Россию и Белоруссию и на референдуме проголосовал против вступления в ЕС)⁵⁹. Развитие приграничных контактов власти прибалтийских государств в значительной степени рассматривают не как цель, а как способ привлечь европейские финансовые средства в свои пограничные районы. При разработке программ приграничного сотрудничества они, как правило, рассчитывают на средства ЕС. В этом состоит принципиальное отличие между «старыми» и «новыми» участками российской границы. Приграничное сотрудничество на российско-балтийской границе отчасти можно оценивать как вынужденное. В настоящее время в своих заявлениях руководители прибалтийских государств акцентируют внимание на сотрудничестве с Молдовой, а о России упоминают только в связи с грузино-абхазским конфликтом. Тем не менее остановимся на действующих программах чуть более подробно.

1992–2003 гг. Еще до вступления прибалтийских государств в ЕС ими были получены средства на развитие приграничного сотрудничества с российскими регионами. В рамках программы PHARE в период 1992–2003 гг. Латвии было перечислено 404 млн евро, однако среди прочих программ приграничное сотрудничество оказалось не на первом месте. Так, из 49 млн евро, выделенных в 2003 г., на приграничное сотрудничество в регионе Балтийского моря было направлено 3 млн евро⁶⁰. Прибалтийские государства в рамках программы PHARE получали по 3 млн евро в 1999–2002 гг. на участие в программах балтийского трансграничного сотрудничества. Эти средства были использованы на строительство новых КПП и подготовку пограничников и сотрудников таможи⁶¹.

2004–2005 гг. Для урегулирования проблем и координации деятельности на границах ЕС, появившихся после вступления в ЕС десяти новых государств, была создана рабочая группа по трансграничному сотрудничеству в рамках комиссии Балтийского моря, которую возглавил представитель Латвии А. Казиновскис. В качестве источников финансирования проектов данной рабочей группы рассматриваются программы ЕС Интеррег II А и Интеррег III В, PHARE, TACIS⁶². Некоторое финансирование приграничного сотрудничества осуществляется ЕБРР. Основной проблемой как на «новых», так и на «старых» участках границ является координация различных программ. Источниками финансирования прибалтийских государств остается действовавшая и до их вступления в ЕС программа PHARE, а российские регионы получают средства по программе TACIS. В этом отношении безусловным шагом вперед является намерение Европейской комиссии после 2006 г. заменить множество программ приграничного сотрудничества единой стратегией в отношении соседей ЕС. Такой переход планируется осуществить в два этапа. На первом этапе (2004–2006 гг.) должно сохраниться множество программ, однако регионы будут подавать заявку только на одну из них, хотя источники финансирования при этом могут быть разными. На втором этапе, с 2007 г., это будет единая стратегия с различными приоритетами на отдельных участках внешних границ ЕС⁶³.

Отдельного внимания заслуживают «еврорегионы». Данная структура продемонстрировала свою эффективность на внутренних границах ЕС, что привело к стремлению ме-

⁵⁹ Smagars A. Latgale's "No" to the European Union – The Reasons Behind the Divide // policy.lv. 2003. October 10 [<http://www.policy.lv/index.php?id=102753&lang=en>].

⁶⁰ Relations with Latvia // Enlargement [<http://europa.eu.int/comm/enlargement/latvia/index.htm>].

⁶¹ 2002 Regular Report on Lithuania's Progress Towards Accession // Commission of the European Communities. Brussels. 2002. October 9. P. 13–14 [http://europa.eu.int/comm/enlargement/report2002/lt_en.pdf].

⁶² Cross Border Cooperation Working Group // BSC Newsletter. A Newsletter of the CPMR Baltic Sea Commission. 2004. Summer. P. 4 [www.paijat-hame.fi/tehtavat/kansainvalisyys/cpmr/pdf/Newsletter_A4_Summer_04.pdf].

⁶³ The European Neighbourhood Policy: A Role for the Regions [http://www.are-regions-europe.org/PDF/CA_Main_Texts/2004/viena/POLITIQUE%20VOISINAGE%20-%20non%20AG/GB-Neighbourhood%20Policy.doc].

стных властей сначала финских, а позднее российских и прибалтийских пограничных территорий сформировать аналогичные структуры на совместных границах (например, евро-регион «Карелия»). Однако целый ряд ограничений в деятельности таких еврорегионов связан с тем, что они находятся не внутри ЕС, а на границе Евросоюза и государства, не являющегося его членом, что уже с самого начала не позволяет им служить зонами взаимодействия в той степени, в которой это возможно внутри ЕС.

В заключение можно сделать следующие выводы:

в середине 1990-х гг. фактор ЕС сыграл весомую политическую роль в процессе урегулирования территориальных споров между Россией и странами Прибалтики. Однако в настоящее время ЕС в основном занимает позицию наблюдателя, а наличие договоров о границе для него не является принципиальным;

наиболее существенно воздействие ЕС, а точнее системы шенгенской зоны, в сфере определения визового режима;

в значительной степени влияние ЕС на обустройство границ имеет финансовое исчисление;

на «старых» участках границ членство сопредельных государств в ЕС в большей мере оказывает влияние на определение источника финансирования программ приграничного сотрудничества, нежели на развитие самих программ. Вступление в ЕС изменяет процедуру принятия решений, однако интенсивность приграничных контактов не претерпевает существенных изменений. На «новых» участках границ России роль ЕС в ряде случаев имеет решающее значение при развитии трансграничного сотрудничества.

Olexander Dergachev,
*Senior Research Fellow, Institute of political and ethno-national studies,
National Academy of Sciences, Ukraine*

THE SCOPE OF EUROPE

Defining the problem

Europe is the only continent which has been defining its frontiers for at least three centuries. It is obvious that the reason of it is not the absence of precise natural borders in the east, or the existence of the Eurasian states. The intensity of international relations, the formation of special multinational culture, including business and political ones, have created a special phenomenon of regional identity.

It is obvious, that europeism has historical, cultural, mental-psychological, geopolitical and many other measurements. In many of these formats the discussion of criteria on which it is possible to separate Europe from not-Europe cannot be completed at all, in fact such a discussion is self-valuable. Besides it follows from the very essence of the European dialectic thinking. But today the discussions around the question on qualitative and quantitative parameters of Europe have got a sharp urgency. So, the polithological analysis of the problem should be seen on the foreground which will assist, at least, to the constructive unification of theoretical and practical approaches, to the removal of tactical stratifications and superfluous ideology. As, the suggested theses will not concern romantic expectations existing long since, that "all nations of continent will merge in closer community and will create the European brotherhood" (the maxim of Victor Hugo), not modern image factors connected to subjective sympathies, but, as usual, deprived of sufficient objective grounds. In fact modern Europe is not a speculative structure which is capable to amuse admirers of samples of its spiritual and cultural inheritance, but a complicated, from time to time inconsistent reality which will demand high self-organizing, coordinated actions, thousands of practical decisions. The fast modernization of the project "Europe" is happening before our eyes. The collective experience of last decades has already become not less significant than the basis of the community which was created in the previous age. 2004 begins a new stage in the accumulation of this experience.

The western civilization which has always had high prestige and appeal experiences the next rise due to scaled geopolitical transformations and the deepening of integration processes. It has reached a new level of development both in economic, and in political, and in humanitarian aspects. At the same time, the complexity of the internal geopolitical design of modern Europe provides its special interest in stability, guidance, coordination of actions. This, in its turn, requires a concrete definition of the European community's format and its external relations.

The desire to Europe is expressive. It is designated both on migratory processes and on aspiration to rapprochement of neighboring states. The collapse of the east block not only has opened prospects of the continent's integration, but also has led to the certain correction of the European identity. At the same time, till now there is still an open question, - to what extent that effect can be connected with the collapse of the USSR. Actually, the questions on the boundaries of Europe have become a subject of political-diplomatic struggle, the tool of some states' policy. It influences the plans of the EU expansion, the strategy of the Union's relations with neighbors. Even more it makes itself felt in the European policies of the states directly interested in the recognition of this or that even a conditional line of a boundary. Under these conditions the questions of the conventional objective criteria and the ponderability of subjective arguments get special practical value.

Phenomenon of Europe

Europe has expressive differences from other regions of the world. First of all, it is connected to its complex variety and, at the same time, highly civilized consolidation. A place and a

role of the person inherent in a western civilization, perception of the world, the way of its perception, and principles of the organization of a society have been developing for centuries as the result of social practice of many peoples which have been developing in conditions of an intensive exchange and interference. Valuable bases of a civilization were created by many outstanding thinkers from different countries which in their creative searches were not limited to national borders and whose intellectual achievements and spiritual installations as a rule became the all-European property.

The European identity in its main features was formed on the basic interstate documents developed during the post-war period. In the official message of the Council of Europe occasionally to its 50th anniversary the continent is treated as the space where freedom and justice triumphs.⁶⁴ Among values and principles by which the European community is guided as fundamental are considered the following: leadership of law; truthful (genuine) democracy; spiritual and moral values which are the common inheritance. Besides these formulations affirmed on behalf of the states, the attention to such concepts as "a human society", "civilization" and such uniting factors as "closer unity", "social unity, consent", "similarity of thinking" is typical.

The object of special attention in Europe is human rights. Article 3 of the Charter of the Council of Europe defines that each state - a member of the Council of Europe should adhere to the principle of leadership of law and to provide everybody who is under their jurisdiction human rights and fundamental freedoms.⁶⁵ The belief in basic freedoms which makes the basis of justice and universal peace and which is perfectly carried out due to effective political democracy and common understanding and the observance of human rights is declared in "The Convention on protection of human rights and basic freedoms" accepted by the Council of Europe in November, 1950.⁶⁶ During decades the Council of Europe has developed and has introduced more than 200 conventions whose significant part concerns civil relations and which make up special continental system of democratic norms. Thus the question is not only the normalization, legal maintenance and development of means. These rights are perceived in direct connection with such concepts as human dignity, freedom, equality, solidarity. The Frame conventions on protection of national minorities and the European Charter on local self-management fix the important principles of the European community organization.

One of the key characteristics of Europe is wide political pluralism. Nevertheless, it is the pluralism checked up by a dramatic history in which extremist forces have no chances of serious influence, and the basic role belongs to constructive political ideologies which compete, but are not at enmity. Europe is a dynamic balance of several versions of liberal and social democratic ideas. At the same time, the important role has tribute to traditions, conservatism. The person is in the center of public values, it is the basis of the organization of community. At the same time, personal freedom here usually does not deny the principle of equal opportunities; individualism does not go to extremes and does not prevent displays of solidarity.

The priorities, on which directed efforts of the European community are fixed in the Charter of the Council of Europe, are peace based on justice and international cooperation, economic and social progress. The integration of Europe began in post-war years partly compelled and served as means of prevention of enmity and conflicts.

The continent during centuries showed the greatest intensity of international contacts, including oppositions and wars. As, today it is without bias the leader in development of cooperation and integration. The idea of the introduction of politics which will allow to get rid of hatred and mistrust between peoples, to create an atmosphere of tolerance and consent during the post-war period became the common one. And such policy has found support in common spiritual, intellectual and political values.

---

⁶⁴ See: Marmazov V. E., Piliaev. I. S. Council of Europe: Political and Legal Mechanism of Integration. Kyiv, "Jurdychna knyga", 2000. – P. 6.

⁶⁵ The Statute of the Council of Europe. <http://conventions.coc.int>

⁶⁶ Conventions for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, as amended by Protocol No. 11. <http://conventions.coc.int>

Modern Europe shows an opportunity of the deep evolution in the role of a state in international affairs and the bases of formation in its foreign policy. National interests do not lose their importance; nevertheless, their role is corrected. Actually, not only their coordination is growing, but also their certain internationalization. The formation of collective identity and the expansion of the sphere of practical actions of common values causes the transition from compromises and tactical interaction which are enough distributed in other regions of the world, too, to the realization of common strategy. Thus the subject of such strategy becomes the modeling of common development.

Europe is the region of powerful supranational public processes. During decades there was a strengthening of the all European role of business, administrative, political and intellectual elite. The European parliamentarism is developing. The present stage of its development is designated by the formation of some elements in the international civil society, the European political nation. The addition of official contacts which state structures carry out and their transition over the borders of business ties which are developed with the assistance of business sphere by wide constant dialogue between national elites and societies are typical exactly for Europe. It provides the distribution of common values and standards, the disappearance or minimization of barriers between countries, - from customs to psychological ones.

The political European culture appreciably is a product of a civil society; it is supported and developed by its structures. It affects the present stage in the widespread models of "the easy state", oriented on the smaller intervention in affairs of society and on the valid service of its needs.⁶⁷ At the same time, the effectiveness of civil society provides the certain quality of authority and state policy, namely, - the high level of predictabilities, sequence, transparency, responsibility, support by citizens. Dynamic social development on national and supranational levels has really advanced Europe to the construction of a dynamic solidary tolerant community.

Criteria of affiliation with Europe

The questions of authorship are the most difficult in the definition of criteria. As each interested state offers its approach, there is a problem of recognition and the sphere of application of separate criteria. In pre-integral time the belonging to Europe was rather voluntary though joining to the club of leading states required powerful concrete arguments. During the last decade the development of the European Union has led to the appearance of the criteria of membership, and its expansion, - to the situation when these criteria seriously claim to the universal continental role, though the organization is not all continental.

The principles on which the EU bases can be entirely considered civilized, such which display the essence of the European community. They formalized Europe which is determined by the high public level of development, in its wide sense. Accordingly, the scale of states' rating according to the level of high standards has appeared also. It leaves at the disposal of unsuccessful applicants for the entry into the Union only geographical and historical criteria. It is necessary to recognize, that the division of countries on really and conditionally (according to their geographical position) European, has led to a serious discomfort for the latter and to disagreements in attitudes.

The conditions of Europe's existence objectively provided for the institutionalization and systematical normalization of interstate relations. The deepening of interdependence at a constant intensification of competition promoted the most complex international formation - the European Union and the phenomena of integration.

The membership in the European Union, the finding of the status of a candidate, or the receiving of refusal has designated painful differentiation for many countries, mostly post socialist ones. It appeared that the only opportunity for them to become a real European country is joining the EU. Moreover, to be in Europe, but not in the EU, means to receive an official estimation as

---

⁶⁷ See: Romano Prodi. The Conception of united Europe, Kyiv, "K.I.C." (Romano Prodi. Un' idea dell' Europa. 1999 by Societa' editrice il Mulino, Bologna www.mulino.it)

a not democratic state, not enough civilized partner. Anyway, the European norms and standards appeared entirely formalized in the documents of the Union, and the level of conformity to them directly determines the opportunities of cooperation development and integration prospects.

The EU has created a new level and a new quality of European subjectivity. The monopolization of Europe by the European Union is taking place; it practically has already taken place. But the logic of the EU functioning and development demands a concrete definition of the union parameters. The continental affairs have appeared to be subordinated to the structures of the Union. At the same time, it is necessary to take into account the following circumstances. There is Europe's bureaucratization, but it is not the dominating tendency. One of the key attributes of the European identity is the advanced continental public life and business. The regional integration is based on it; due to this the continent integration is happening. The displacement of accents in the EU activity is taking place. The growth of attention to political and humanitarian aspects of cooperation is happening. It makes the EU more adequate to the contents of real European life which, certainly, is not reduced to the use of "four main freedoms" and activity of supervising establishments of the Union. The validity and, at the same time, softness of the EU monopolies is illustrated by its remarkable organic relations with such European states as Iceland, Norway and Switzerland. Today the membership in the Union testifies to their affiliation with Europe. Nevertheless, it is not a necessary condition. The possible acceptance to the EU of Turkey will lead to the situation when the Union will obviously transcend Europe. However, it does not simplify problems of those states which belong to Europe only geographically and do not have any convincing proofs of their affiliation with a western civilization today.

The EU norm-creation and practice are important for a concrete definition of criteria of europeism. The problem of defining the criteria in connection with the appearance of the special category of applicants to the entry into the EU which only are in the condition of democratic political transformations has appeared before the European Union, the organization which has the greatest needs and the greatest opportunities of maintenance of a high level democratic development of its members. The process of the EU formation and its replenishment by such neophytes as Great Britain, Denmark, Austria or Sweden did not require this definition. Regardless of warnings, such states as Greece (joined in 1981), Portugal and Spain (1995) did not generate serious problems.

The EU legal base is significant and it has been actively developing recently. Thus it is more connected not with its expansion, but with the deepening of integration. Article 6 of the Treaty on the European Union fixes, that it is based on principles of freedom, democracy, respect for human rights and fundamental freedoms, leadership of law. Besides it is specified, that the Union respects rights, granted by "The Convention on protection of human rights and basic freedoms" 1950 as the basic principles of the community law. The problem of efficient ensuring these rights and freedoms is treated in the Maastricht Treaty (1991), the Amsterdam Treaty (1999), and the Nice Agreement (2000). In 2000 the Charter on the EU fundamental rights detailed and actualized the democratic norms which are the basis of the EU member-states' political life.⁶⁸

The further development of the European democracy's legal base gets in connection with the appearance of "The Project on establishing the Constitution for Europe". Nevertheless, the developing of concrete political membership criteria is connected with the advent of special candidates whose readiness is insufficient. This circumstance has served as the reason for special attention to questions of political rights and freedoms, formation and functioning of authorities, relations between authorities and society. The process of the EU expansion has absorbed at itself all the most important aspects in the defining Europe's borders and, at the same time, it is essentially expanded European diversity. The parallel processes of specification of formal European criteria, the narrowing of European borders and complication of socio-cultural parameters are observed in Europe.

---

⁶⁸ Charter on fundamental rights. See: www.europa.eu.int

European diversity and European integrity

Europe's multifactor variety has developed historically and this process is far from being completed. European multiculturalism and both economic and geopolitical differences between separate countries and regions are challenges while forming this community. But the same factors are the driving force of continental cooperation development and can be a source of competitive advantages.

Nevertheless, first, the transformation of weakness into advantage requires the complex coordination of interests and perfect collective strategy; second, the above mentioned diversity in the significant part of its displays, - are the factors which determine borders of integration and their tasks. So, for example, the European community has always been adjusted on the maintenance of interethnic peace and rights of national minorities. Real experience testifies that success takes place only in one, though also a prominent aspect. It is possible to consider reliably stopped and appreciably overcome the enmity between nations in interstate format. The reconciliation of European peoples which long time were at enmity, removal of historical insults and misunderstanding have taken place. The qualitative evolution of relations between France and Germany is indicative. Moreover, there are real prospects that under the influence of the new European political atmosphere of theses some changes will take place in relations of Ukraine-Poland, Croatia - Serbia, Greece-Macedonia, the problem of Cyprus will be solved at last. But in interstate format the question of separatism, interethnic, interconfessional conflicts keep its urgency. The influence of the European community on problems of Ulster, Catalonia or Corsica is nominal.

The modern continental internationalism is not everywhere a real alternative to traditional aspiration to solve ethnic problems. It concerns as the aspiration of main elites of some separate countries to achieve greater consolidation and to build a political nation, and as their movements for autonomy. The understanding of objective complexity of this problem in many respects explains a quiet attitude of Europeans to ethnic problems in Estonia, Latvia, and Romania. And only explosive demonstrations as it takes place in the Western Balkans, become the reason for taking measures. Europe still has to adapt to the intensification of migratory processes. The EU expansion has taken place and as it is expected in the nearest future can lead to appreciable changes in streams of labour migration. More advanced countries are authentically reoriented on prevailing attraction in their own economy of citizens of some new member-states.

The situation with interconfessional relations is even more complicated. First of all, it is connected with some civilization and geopolitical circumstances. The confessional homogeneity has not only served as simple glue, but also as the original equalizer of ethno-national diversity for a long time. Thus differences between Catholics and Protestants, which were still recently the catalyst of serious contradictions, today will not play any role whereas concerning other religions various cautions are put forward. The sphere of distribution of the western branch of Christianity has always served and serves now as a base parameter at the delimitation of Europe. This factor by some people, researchers and politicians is considered so weighty, that it prevails the fact of frontiers' stability in their eyes.

Some new important circumstances of religion's influence on European affairs have arisen in connection with the EU expansion and reforming. The plans of Bulgaria and Romania's entry into the Union (let alone the case of Greece) actually are not complicated because of Orthodoxy. There is much more complicated challenge before Brussels connected with the conflict situation in the Western Balkans where it is necessary to deal with the factor of Islam. This factor was designated on discussions concerning the formulation of European identity in the Treaty which establishes the Constitution of Europe. It influences the attitude to non-European Diaspora, on the addition of social and economic motives of migration restriction by cultural-civilization ones. The general policy in these questions remains cautious and testifies about the readiness to leave them in the actual competence of national governments. There are some signs that the

means of solving interconfessional problems will be the secularization of society and public policy.

The important parameters which characterize Europe's diversification and the results of integration efforts are economic. The equal levels of development and competitiveness are the precondition of effective cooperation. At the same time, the EU expansion has already led to the essential growth of differences in economic development of member-states. So, an average total product per capita in the countries which became the EU members in 2004 and those whose accession is planned for 2007 makes only 18 % from parameters of the Union in structure of 15 states. Thus the break, if it to count proceeding from the parity of purchasing capacity, between the most advanced (Belgium, Denmark) and the least advanced countries (Greece, Portugal earlier and Bulgaria in a new variant) will increase with 1,6 up to 5 times.⁶⁹ The expansion essentially reduces average indices of integration association.

The above mentioned figures testify to two important circumstances. The first one: the question on reception of new members to the Union was solved on the basis of mainly geopolitical reasons, instead of economic calculations. The second one: at presence of the certain average level of economic development the full accession of all-European economic processes is possible. The leveling of life quality will require significant efforts and time, but it is obvious, that the diversity of Europe will gradually decrease.

The internal delimitation of the continent is not deep; it is compensated by Eurocentric factors. But the combinations of several aspects designate internal lines of Europe's division, sub regional differences have been showing more and more all the differences between an old and new Europe in the EU limits. The difference of the size of grants to new members of the Union, the distributions of the EU budget, the duration of transitional period during which restrictions for their citizens in the territory of West-European countries are mostly emphasized now.

There are some other serious problems which will not disappear in due course. There is also the different attitude of some states in their affiliation with Europe and their participation in continental affairs. It is entirely obvious, that it is not always easy for big European states to harmonize their continental policy with other directions of foreign policy strategy, and discussions, for example, in Great Britain about its affiliation with Europe in XVIII and in XXI century which is the evidence of existing alternatives. Anyhow, the states which make bases of the European collective attempt do not deny their vision of the European community's development.

The elementary variant (according to the existence of different positions) is the unequal distribution of obligations between donors and recipients of common budget or tactical maneuvers around separate programs of the Union. The more complicated variant concerns the attempts of some states to use the EU structure for realization of their own special interests. Anyway, the prevailing interest of some countries in the development of cooperation in the Mediterranean zone and other countries' interest - in the east of the continent essentially influence discussions concerning the borders of Europe. Obviously, that Europe will continue to develop in subregional format which will be the important intermediate link between all states and the united continent will contain its volume and its special display of europeism.

Europe's diversification is natural. It is decreasing in some aspects, it is growing in others. It has not become the deconsolidating factor. At the same time the sphere of common interests and common actions is extending. They cover key questions of public activity and state policy: economic, social, cultural, scientific, legal, administrative. Last years have brought the essential contribution, - common external and security policy. The processes of rapprochement of European states have become more scaled due to education (Bologna process), and also sports and tourism. The continental citizenship stipulated by the Treaty on the establishment of the Constitution for Europe has already got its contents de facto.

The base of universal norms and values conventional in Europe has become wider, more solid. At the same time, these norms and values, due to the practice of their statement and appli-

---

⁶⁹ World Development Report, 2002, <http://www.econ.worldbank.org/wdr>

cation in new historical and public conditions, should get additional nuances; in fact the contribution of some nations in the formation of modern Europe should become more equal, than it is today. As Havjer Solana said, "the expansion will strengthen the European Union as the Union of law's leadership and the unity of diversity, completely given to principles of freedom, democracy, stability and the creation of a close, as never before, unity of peoples.... The European Union is diversity in unity."⁷⁰

Europe and not-Europe

While defining the boundaries of Europe it is important not to forget, that this continent is not isolated, but it has always been, and today is more than ever the most active participant of world processes. So if there is a need for the definition of boundaries as means to define its attractive European specificity, to protect it, so the understanding of that is not necessary to be protected from the rest of the world is general. The attitude to the continent's boundaries should contain such an element as the understanding of resources' value, chiefly material, and the rest of the world for the formation of Europe in its modern shape. At the same time, Europe has served as the reason which influences all without exception continents and regions, the general direction of global development. And now the European isolationism is unlikely to find many adherents.

Various return influences on Europe are intensified at the present stage. Besides it is typical for some European states to be relatively limited on the continent affairs and the existence of other powerful centers of inclination in a spectrum of their interests. The relations of Europe with the rest of the world are complicated. The impositions of different countries' policy and common approaches which in most cases are not enough articulated and are asserted not effectively and persistently take place.

The collective self-identification of Europe in the world if it is possible is more likely to remain rather conditional and dim. If we ask a question, - what is the difference between concepts of Europe and the West, whether there are bases to distinguish the phenomenon of Westernization and Europeanization which characterizes the European position in its attitudes the North - the South, what is the place of Europe in "the gold billion" and its attitude to corresponding problems, you will see that it is very difficult to give a precise answer. Europe's division is not felt in interaction of transnational corporations, in such a structure as G-8. Appreciably it is determined by the fact that the particle of Europe's boundaries is far behind its limits.

The defining of its boundaries, in that kind in which it is has been developed recently, is obviously connected to the desire of Europeans to concentrate on continental problems for the sake of increasing of their collective attempts and competitiveness. The understanding of relevance of the practical statement formulated by Bismarck in the days of active colonial expansion, - a plot of land in Europe is more worth than any African land, also takes place. Thus there is a problem of quantitative escalating of resources and preservation of quality indicators. The definition of Europe's boundaries should serve better articulations of all-European interests, to specification and increase of the global role of the continent.

Europe has saved up the opportunities of harmonious progress and shows the opportunities of the regional decision of some global problems. In particular it is more than other regions comes nearer to requirements of constant development, offers samples of approaches to humanitarian aspects of globalization. At the same time, the continent has much more favorable conditions for the realization of its collective strategy and it does not allow saying that the European experience has practical universal value, and, thus, is capable to fill with the contents the processes of internationalization and globalization.

The EU's last initiatives directed on putting in order its relations with neighbouring states contain a paradigm: Europe's defense from export of social and economic and humanitarian problems, risks of destabilization which can go much further. Much is said about the functions of

---

⁷⁰ The Article on the EU expansion by Havjer Solana, the EU high representative on foreign policy and security problems. See: www.delucr.cec.eu.int

those borders of Europe which the most desperate pragmatists would like to give to them from among European politicians.

At the same time, the offered strategy is not focused on the creation of powerful European alternative to geopolitical influence of the USA and Russia. It is impossible to ignore that circumstance that europeism, from one side, has received pulse and even support from the USA in its revival and development after the Second World War, from another side, it was formed in a certain opposition to their leadership. The consolidation of Western Europe during several post-war decades was encouraged with the threat from the East. Anti-soviet spirits have been transformed in anti-Russian for the last years. They have mostly developed in post socialist countries. At the same time, new constructive European-Russian relations are being formed and new mechanisms of Russia's participation in European affairs are being formed.

The mutual specification of geopolitical coordinates between Europe, the USA and Russia has been taking place for the last one and a half decade. The systems of public values on which they are based are being specified. Divergences among Europeans in their attitude to America are obvious, though they do not deeply influence the contents and functions of the project "Europe". There are some more complicated problems which should be solved in their relations with Russia. There are some weighty arguments for the benefit of Russian Europe's existence. First of all, it concerns cultural historical communications. Russia has been feeling Europe's significant influence for almost three centuries. But it has not become a really European country.

The geopolitical factor will also play its significant independent role. Russia certainly applies for the status of the separate center of power and in it competes to Europe. Entirely naturally, that it takes a specific position in the question of Europe's integration and its promotion to the east. The Russian factor deserves some separate detailed consideration. In the aspect of defining the boundaries of Europe we shall be limited by several statements. Russia does not claim to join that European community which has been formed and is still being improved by most countries of the continent. It even emphasizes it and, at the same time, offers an alternative variant of the European identity without agreeing on the application of European standards for the estimation of the situation in East-European states. It is entirely obvious that there is also diligence to prevent the development of European prospects for the CIS member-countries.

Different by nature and orientation, but the significant interest of the USA and Russia in European affairs influences the functions of boundaries between Europe and not-Europe. First of all, it is designated on the distinction of questions which can be solved better at a continental level and those that require the other format. It evidently appears in security issues.

The experience of the West-European Union's functioning, the EU realization of separate European strategy testifies to the lack of security self-sufficiency in Europe. It without doubts concerns military, and also macroeconomic, power security. In this connection close cooperation with the NATO till now has no alternative, and the search of the design of "Big Europe" with the participation of Russia remains actual. It is not necessary to emphasize, that these circumstances do not help to define Europe's boundaries. We shall notice that the bases of promotion to the east of the EU and the NATO having the geopolitical common aspects differ by the level of attention and civilization factors.

There is quite a different situation in the sphere of "soft" security where the general policy within the limits of the EU promises to be enough effective. The Maastricht Treaty says that the Union will carry out common foreign policy and common policy in the field of security with the purpose of "the protection of common values, basic interests...and the independence of the Union... Development and consolidation of democracy and law, respect to human rights and basic freedoms."⁷¹ This very approach develops Europeans' successes in conflicts' settlement and solution which arose on the continent. Europe is a sample for other regions in this aspect. It in practice realized the well-known postulate - "one democracy cannot carry out aggression concerning another". The main thing in this success is the achievement of a consensus among politi-

---

⁷¹ The Treaty on European Union. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg, 1992. <http://eur-op.eu.int/>

cal elite in the understanding of the contents of national and collective security and strategy of their maintenance. Besides, strong institutes of civil society can appear effective for state bodies in the prevention of such threats and destabilizing factors as ethno-national conflicts, displays of political extremism. It is obvious, that such standards are achievable only within strong legal democracy to which some West-Balkans countries do not correspond, though according to some sentiments which prevail in Brussels, there is a real prospect for them to get in the border of Europe.

Questions on Europe's boundaries

The question on boundaries of Europe naturally takes us to the continent's east part. It is conventional that the civilization boundaries of Europe are somewhere between east borders of the EU and east borders of the space which covers the Council of Europe. Clearly, that in this case it is necessary to add to the list of the EU member-countries all the rest West-European states. It is also obvious, that their membership in the EU, which is actually a necessary condition to apply for joining the EU, does not guarantee either this membership or their participation in the European community at all.

The Council of Europe, in contrast to its Security and Cooperation Council which was formed by geographical principle, provides the achievement of the certain level of democratic character by any state which applies for accession to the Union. This organization actually unites in itself geographical and civilization formats and according to its functions, after the accession of a big group of conditionally democratic new independent states, has become transitive, buffer. The fact is that the conditions of accession were applied extremely flexibly. The diligence to unite Europe, even some haste in this business, has led to the actual reduction in the level of requirements to countries-candidates. The EU Charter does not work properly, and the organization, contrary to its activity, has no appropriate influence on its infringers.

Europe's integration is a scale but not very deep process which should be treated simply as the result of the termination of opposition, artificial restrictions of cooperation and rapprochement of European countries. These phenomena do not fall outside the limits of changes in the system of international relations. Whereas returning to Europe, the realization of the European choice by the countries of central-east subregion is based on the realization of internal transformations of European sort. Corresponding dynamics emphasizes complicatedness of defining the boundaries, in fact the question is not revealing the reality that already exists, it is about current or stage-by-stage estimation of results of complex processes. The necessary formal criteria added with readiness for monitoring and the controls over high requirements are necessary for this purpose.

The so-called Copenhagen criteria of the EU, mostly political and economic, allow fixing the level of democratic development. "The stability of establishments which guarantee democracy, leadership of law, observance of human rights and protection of minority rights", and also "working market economy" are those generalized criteria which can serve not only for the solving membership problems in the Union but also as an attribute of affiliation with a western civilization.

The specificity of the EU approach to the estimation of the level of democracy in some states is the concentration of attention on the organization and activity of its authorities. Such criteria are applied for this purpose: - efficiency, consolidation, stability of political institutes' functioning; - appropriate division of power branches; - distinctness, competence maintenance, interaction style of power branches; - existence of free and fair elections; - opposition position; - functioning quality of judicial system; - observance of fundamental rights and freedoms; - state of mass media; - efficiency of struggle against corruption; - existence of civil control over army and security service.⁷²

---

⁷² See: Kovalyova O. O. The strategy of Euro integration: How to implement Ukraine's European choice. Institute of Political and ethno-national Studies, Ukrainian National Academy of Sciences. Kyiv, 2003. – pp. 103-104.

If we address to so-called "regular reports concerning integration progress" in which the results of performance by states candidates of the integration program and their compliance with criteria of membership, their parliaments' activity, executive authority's activities, judicial system, their activities in the struggle against corruption, the state of civil and political rights and economic, social and cultural rights, the rights of minority and their protection were annually estimated, , i.e. the question of practical introduction of democratic norms.⁷³

The development of democracy in Europe is the main and practically single criterion of drawing civilized borders. The EU has made much for the acceleration of democracy consolidation in countries-candidates. It was necessary taking into account the EU functioning which is extending. At the same time, to consider the decisions and activity of the Union as the tool of defining its boundaries would be, at least, simplification.

The cautions arise taking into account the following principal causes. The first one, - the EU avoids full distinctness in some questions of its expansion strategy. When it declares an openness for any European state which shares values of the Union, remains not clear what states are meant. Clearly, that it would be inappropriate to wait, that any list will appear. But as it is obvious, that those in Brussels are not ready to put an end under the list of applicants, and so, to specify, what countries belong, in their understanding, to Europe, and what countries do not. It cannot be otherwise also. But there is something which differs.

The second reason is the influence on the EU democratic activity of such classical geopolitical circumstances as zones of influence, rivalry, global balance of forces. It is obvious, that the EU has also other weighty interests and it is far from being the fact, that the mission of democratic continental community's development has an incontestable priority. And what is more, it is necessary to take into account, that the process of integration meets opposition which should be overcome. Finally, there are some especially resource restrictions. The next applicants for the accession into the Union will require greater support for preparation for membership and big efforts for full adaptation after their accession.

It is necessary to look at these circumstances under other corner of sight. The democratic transformation in post socialist countries is a natural process, which is determined by internal circumstances. In each country it has the rate and the level of success. The orientation to assuming the EU membership, the cooperation with the Union in questions of reforms establishes the certain proportions of value of internal and external factors. So, their diligence to stabilize a situation in subregions in the Western Balkans is connected with a significant role of external factors which deform the exposure of civilized characteristics. Thus, the logic of the EU expansion and its influence on the neighbouring states is not and cannot be to the full corresponding to the results of their internal identification as European ones.

Is the process of fast distribution of European standards on the former east camp countries effective and organic? The Soviet Union in due time was able to squeeze rather quickly the CEC countries in a matrix of "real communism ". The last years' experience has certified that return movement is more difficult. In the first case the interruptions of self-development process and the oppression of the very ability to it took place. In the second, - the restoration of such ability and accelerated political development in the coordinates achieved for present time by advanced legal democracies took place. Thus there is an obvious difference in the level of problems which should be solved by some post socialist countries and in means which can be applied.

The dismantling of the communist political organization does not create automatically sufficient preconditions for the development of democracy. Natural processes are not exposed to artificial acceleration. The expectations of "the technological approach", even at presence of significant experience and big resources as it took place in East Germany, were justified only in part. In this plane the phenomenon of formal democracy, - nominal introduction of democratic

---

⁷³ Commission on the European Communities. Brussels, 9. 10. 2002, SEC (2002) 1406. 2002 Regular Report on Lithuanian's progress towards Accession (COM (2002) 700 final) www.europa.eu.int/comm/enlargement/report2002/It_en.pdf

procedures and forms of power organization, at preservation of authoritative, including shadow mechanisms of its distribution and application, lies. The opportunities of the import and successful mastering of democratic legal culture, under conditions when struggle takes place around the questions of principle of internal development, are limited. Entirely naturally, that the accession to the community of democratic countries has not become a single direction in transformations.

Let's specify that besides the distinctness in the variant of consolidation of democracy, there is also the distinctness opposite by implication. More confidently it is possible to speak about Russia and Belarus for which the prospect of democratization at the given stage has become illusive. The modern political practice of these countries postpones them from Europe. The Russian factor works in other mode, too. In fact Russia itself is trying to define its boundaries in the south and in the west. Thus separate political forces and the representatives of intellectual elite consider, that such boundaries can include Belarus and Ukraine and in general can outline an alternative community which will apply for European rank. There are also some preconditions in Ukraine and Moldova for their realization of true European choice at the same time. Taking into account their internal situation the opportunities of their integration into the European community are better, than even in some Balkan countries. Nevertheless, they still should confirm, that Europe is the field of national self-identification and geopolitical priorities for them.

The Balkan zone of uncertainty will be reduced more likely because of the EU active role. Serbia is likely to pass through a difficult way, and at the same Europe has to find the way to get this country from isolation. The most inconsistent questions are the questions of high-grade accession into the European community of Albania and Bosnia and Herzegovina. Many things can change with Turkey's possible accession into the EU. In any case it will lead to the correcting of criteria of integration, the expansion of technological use of comparison and precedents. The problem of Caucasian countries' European prospects will rise on the agenda. At the same time, civilized boundaries' spillover will lead to the cultivation of europeism as such and the EU membership.

Europe's development makes its boundaries mobile. The certain unification of development models does not make European countries monotonous. Some countries' different interest in integration processes is designated on the internal structuralism of the European community, the preservation of several concentric circles and different speeds which outline the depth of integration. It does not become exhausted by the features of Shengene regime's development or the zone of euro, or the preservation of old formations among which the most indicative are the Benelux countries. The matter is that the normalization of integration processes, their structural support creates a certain obligatory program for European states but do not limit opportunities for those who want to go further.

Europe in general is hardly interested in its final delimitation with "not Europe". Its precise boundaries influence the interests of other international actors, primarily those who can appear on this or that side. As it can become an absolutely undesirable terminator for many European states adjusted on carrying out their active foreign policy. It is possible to be given out paradoxical, but as the boundaries are more precise as more problems can arise.

The question on the functional obligation of a boundary is not less actual, but it is possibly more actual, than its location. The European capitals are looking for the paradigm of increasing collective policy both in the Union and behind its limits. The complex system of contracts about association, about partnership and cooperation, the program of "the new neighbourhood", sub-regional projects, - all this in a complex is called to serve interests of the European community in a wide surrounding space.

Europe's expansion and self-limitation. Instead of three points

Globalization and technologization are challenges both for national, and for civilization self-identifications, what raises their value. Europe is the very region which at the same time influences global development and actively adapts to new realities. It shows unique natural expansion of its boundaries due to the distribution of consolidated legal democracy, carries out unprecedented positive expansion. The successful experience of full-scale integration in the Euro-

pean community of the CEC countries will not put an end to this process. The further steps promise to be more difficult, it is more than that, differently more difficult. The EU expansion results on that Europe goes into this format more and more. It is rather clear in the spatial plan. But is it possible for even a perfect integration structure to absorb at itself Europe as a civilization phenomenon?

This question forces to address again to the questions on the essence of Europe and its boundaries already taking into account middle-term prospects. If we consider valuable bases and the whole EU as they are formulated in the Treaty which establishes the Constitution for Europe we shall see, that in complex they provide the preservation of its integrity and cleanliness. Otherwise it is hard to imagine how equality of women and men, solidarity of generations, rights of children and even law leadership will be provided.⁷⁴ The continent's integration processes enter special layers. And the mission of Europe's full integration, distribution of freedom and democracy, and concrete needs of expansion of a safety zone and cooperation provide the accession of new members to the Union. At the same time, the maintenance of high standards of public organization is essentially important. Under these conditions the logic of the EU development and the logic of the European community's development as a separate civilization can come into contradictions.

It appears in the relatively latent kind if we compare such applicants for integration as Turkey and Ukraine. The first one has closely come to the criteria of membership, but become a real problem for Brussels owing to its civilization differences. The latter one is late at a transitive stage, still it is not capable to carry out appropriate development and political transformations, but according to its cultural basis should be the part of a western civilization. For fans of paradoxes we shall say differently: Ukraine is closer to Europe, but cannot apply for the accession into the EU, Turkey - on the contrary, is on a threshold of the Union, but cannot become a part of Europe. What should the EU do, which has appeared responsible for Europe? Can this complex process of definition of Europe's boundaries affect the desire to find "the pragmatical decision" of the specified problems?

The pragmatism of expansion contains serious challenges. The coexistence of europeism with the enclaves of other civilizations in Europe is not deprived contradictions. The EU expansion on the places where the modernized Islamic culture dominates will lead to displays of a civilization border in the middle of the Union. It can not designated on functioning of its directing bodies, but will necessarily affect the universality of political practice. In the theoretical plan it is necessary to raise the question about the opportunities of evolution of non-European cultures under the influence of democracy. In fact the EU influence creates for this purpose the greatest possible conditions, and the potential of development of political and in general public culture is endless. But it is necessary to wait for powerful results much longer, than it is possible to afford according to the decision of practical problems of regional development.

At last, the boundaries of Europe should not separate guilty from just, their purpose is to assist the best self-organizing of the continent and the strengthening of its positive influence on neighbours. Thus it is important to remove artificial obstacles in the way of democratic transformations that have ripened not only on the entire continent, but around it, too. At last, the co-development of the countries which are and will be the members of the European community and their neighbours should assist constructive attitudes even under the conditions of essential divergences in political models. Isolationism in modern Europe is an anachronism. It is more than that, there are powerful valuable motives of rapprochement with continental community, - non economic ones and not connected with the need of strengthening of a state's world position.

The evolution of the European community itself will go on. The high commissioner of European Commission Gunter Verhoegen, explaining the modern strategy of the Union, emphasized that "the policy of further European integration cannot be brought only to the question of

---

⁷⁴ See: Article 2 and Article 3. Treaty establishing a Constitution for Europe (Draft)
<http://www/European-convent.eu.int/docs/Treaty/cv00850.en.93pdf>

the EU membership. ...We should build bridges between our societies and our citizens".⁷⁵ Qualitative characteristics of a western civilization, preserving its bases, should be specified. There is no confidence, that those who could provide harmonious relations between Romance and German Europe with enthusiasm will apprehend the appearance of rather powerful Slavic component of the continental community. But this question already arises on the agenda.

It is obvious, that Europe and further will exist in several forms: as the association of states, economic space, or the common market, as the civilization community. And this last one is the main one. It has invented the EU and should preserve it as a tool, but not the way of its existence. It is possible to prevent bureaucracy risks on this basis, the retraction in unproductive global rivalry, to provide harmonious constant development. But the civilization does not make decisions, it does not implement policy, it has no strategy. It has the logic of its own progress. And only this logic outlines its own mobile boundaries.

---

⁷⁵ The statement of Commissioner Gunter Verhoegen "The new neighbourhood of the EU and Ukraine - from plans up to a reality". Kyiv, September, 11, 2003. www.delucr.cec.eu.int

THE LOGIC OF DEPROBLEMATISATION IN BORDER CONFLICTS: EUREGIO KARELIA AS A MODEL OF BORDER TRANSFORMATION

Introduction

This paper seeks to analyse the role of the EU in the emergence and transformation of border conflicts in the Northwestern region. As opposed to other conflict regions in Europe, in which the EU may be argued to play the role of an external mediator or perturbator, the conflictual dispositions in EU-Russian relations, both generally and with regard to specific border regions such as Kaliningrad, cast the EU itself as a conflict actor. We have previously identified two types of conflictual dispositions in EU-Russian relations that may be anticipated to spill over beyond the narrow issues in interstate relations into the wider social space and acquire characteristics of 'identity conflicts'.⁷⁶ The problematic of the 'Schengen curtain', related to the expansion of the Schengen visa regime for Russians in the course of EU enlargement, is capable of developing into a conflict discourse on Russia's exclusion from Europe and jeopardising the EU's own efforts at stimulating regional cooperation along the EU-Russian borders. The interpretation of this contradiction in the EU stance vis-à-vis Russia may be found in the dilemma between 'external' and 'internal' security projects of the EU, whereby the logic of regional integration clashes with a 'soft-securitising' uniform approach to borders.⁷⁷

Secondly, the widespread perception of Russia's passive or subordinate status in cooperative regional arrangements with the EU has resulted in the efforts to reconstitute the Northwestern Federal District as an active political subject,⁷⁸ encountering the EU with an autonomous development strategy for the Russian Northwest. In the extreme case, the lack of recognition of Russia as a legitimate political subject with its own interests that need not necessarily coincide with those of the EU brings forth a discourse of self-exclusion from European integration, grounded in the reaffirmed principle of state sovereignty. The Russian position therefore oscillates between two, at first glance opposed, stances of the problematisation of exclusion from the European space and the affirmative self-exclusion: the dissatisfaction with the present format of EU-Russian cooperation leads to the disillusionment with the very idea of Russia's greater integration with the EU and the renewed valorisation of sovereign autonomy.

The overall context of EU-Russian relations may thus be said to be conflictual, if by conflict we understand the incompatibility of subject-positions. At the same time, EU-Russian cooperation in the Northern European region has also produced examples of successful transformation of conflict issues. The case of EU-Russian cooperation in the Republic of Karelia is illustrative of the EU impact on the transformation of a latent conflict issue through the de-problematisation of the contentious Finnish-Russian border. This paper analyses the project of Euregio Karelia as a model of border conflict transformation and addresses the EU impact on this transformation in terms of the four pathways of perturbation, identified in the theoretical framework of the Euborderconf project. In conclusion, we assess the conflict-transforming potential of the logic of the Euregio in the wider context of EU-Russian conflictual dispositions.

The Finnish-Russian Border and the 'Karelian Question': Historical Background

of the Conflict Issue

The 'Karelian question' in Finnish-Russian relations relates to the latent dispute regarding the restitution of territories ceded by Finland to the Soviet Union according to the Treaty of Paris

---

⁷⁶ See Prozorov 2004a. This paper is a revised and updated version of Prozorov 2004a and is part of the research undertaken for the Euborderconf project, funded by the European Union's Fifth Framework Programme with co-sponsoring from the British Academy. (<http://www.euborderconf.bham.ac.uk>) The paper relies on the theoretical framework for the analysis of the EU impact on conflict transformation, presented in Stetter, Diez and Albert 2003.

⁷⁷ See Browning 2003.

⁷⁸ See Prozorov 2004c.

in the aftermath of World War II. The areas in question are presently located in the two subjects of the Russian Federation: Leningrad Oblast' (the Karelian Isthmus and the city of Vyborg) and the Republic of Karelia ('White Sea Karelia' and the city of Sortavala). The dispute regarding these areas is latent on the level of inter-state relations, Finland refraining from any border claims and Russia denying the existence of the issue as such. During the Soviet period, particularly in the 1960s, the possibility of the return of the ceded areas was raised unofficially in the discussions of Finnish and Soviet leaders to no avail. Moreover, in 1975 Finland signed the founding document of the CSCE, which denounced revisionist territorial claims in Europe, without any discussion of the implications of this decision for the 'Karelian question'. Nonetheless, since the demise of the Soviet Union, the question has been addressed in the discourse of the civil society in Finland, the most active social agent in the promotion of the issue being the Karelian Association, founded in 1940.

The Association justifies the call for the restitution of the areas on the basis of the following claims: the historical division between 'Russian' and 'Western' (i.e. Swedish and subsequently Finnish) Karelias, which gives Finland a 'historic right' to the areas in question, the predominance of the 'Finnic' population in the areas prior to 1940, which gives grounds to the restitution on the basis of the principle of nationality, "the most essential thing in the Finnish way of thinking", and, finally, the injustice of the Soviet system, also condemned in present-day Russia, which allegedly requires the renunciation of its territorial acquisitions.⁷⁹ The 1996 programmatic publication by the Association proposes a number of possible solutions to the Karelian issue: buying or leasing the territories, granting the Karelian areas autonomy within Finland of the kind enjoyed by the Åland Islands and, finally, establishing a "cooperative area across the borders", drawing on the experience of Euroregions, originally deployed along German borders with Austria, Holland and Poland.⁸⁰ More generally, within the Finnish society the support for bringing up the question of restitution was never shared by the majority and throughout the 1990s the number of those in favour of negotiating the return of the areas has fallen.⁸¹ The position of the Finnish state has been that the issue exists as an object of discussion in civil society, but raising it officially may jeopardise the relations with Russia and is thus only possible insofar as the Russian authorities themselves are prepared to negotiate on the restitution. The 'Karelian question' may thus be conceived as a latent issue conflict, which is periodically actualised in minor conflict episodes, most notably in the societal discourses of restitution, practiced by the Karelian Association and the less widely known and more extreme Pro Karelia movement.⁸²

Besides empirical analyses, the Finnish-Russian border question has also given rise to theoretical interpretations. Anssi Paasi's work *Territories, Boundaries and Consciousness* (1996) is a highly sophisticated study of the constitution of Finnish identity in the discourses of territoriality, in which the constructions of the Finnish-Russian border have played a dominant role. Firstly, Paasi presents a study of the role of the representations of the Finnish-Russian boundary in a variety of discourses, from diplomatic statements to geography textbooks, for the historical constitution and transformation of Finnish national identity. Secondly, Paasi undertakes an analysis of the construction and representation of the border in most immediate local everyday contexts, using the border commune of Värtsilä as a case study.⁸³

Similarly, Vilho Harle discusses the case of the Finnish-Russian border in his theoretical study of the role of the enemy in the construction of identity. Harle argues that Russia has played the role of the constitutive other for the construction of Finnish identity as 'European', 'Western' or otherwise 'non-Russian' and that 'Karelia', in contrast, functioned as the valorised and my-

⁷⁹ The Karelian Issue, p. 33.

⁸⁰ Ibid., pp. 30-32. See also Joenniemi 1998, Forsberg 1995.

⁸¹ See Forsberg 1995, Joenniemi 1998, Paasi 1996, pp. 164-166.

⁸² See <http://www.prokarelia.net>. As opposed to the Karelian Association, whose discourse offers a multiplicity of options for the 'ceded territories', the Pro Karelia movement operates with a strictly statist logic of restitution and remains thoroughly unapologetic of the Finnish-German alliance during World War II.

⁸³ Paasi 1996, chapters 8-10.

thologized object of the discourse of Finnish identity, a cultural source of Finnish identity that was, as it were, more Finnish than Finland itself.⁸⁴

In fact, there is no agreement on what Karelia actually is. For present-day Finns, Karelia consists of the Karelian Isthmus and the western part of Karelia, which both belonged to Finland until 1944. Unlike Karelia itself, this so-called lost Karelia is a very strictly defined area, but it is not Karelia *per se*. In addition, the vast area of Viena's Karelia and major parts of Olonets' Karelia [...] should be taken into consideration. [...] What is Karelia, then? Karelia is a utopia, a myth of a nation. In fact, no Karelia exists outside the nostalgic or mythical images of Karelia: Karelia is an imagined community *par excellence*.⁸⁵

Harle emphasises the constructed character of Karelia as a simulacrum of identity, noting that this valorisation did not in fact prevent the historical deployment of self-righteous, patronising and outright racist discursive practices with regard to the actual Karelians.⁸⁶ As a source of the Finnish cultural tradition, Karelia's exteriority to Finland in the aftermath of World War II actually served to strengthen and perpetuate its status of a simulacrum: "Karelia has become perfect because it does not exist anymore."⁸⁷ The role of Karelia as a simulacrum is also addressed by Paasi, particularly in the discussion of the post-Cold War 'commercial Karelianism' that exploits the romantic nostalgia for the images of the 'lost Karelia'.⁸⁸ With regard to the contemporary situation, Paasi argues that the 1990s have been a period of the "fulfilment and the disappearance of the utopia"⁸⁹ of Karelia, as the enthusiasm about re-discovering the lost Karelia in the postcommunist period gave way to disappointment and disillusionment that confirmed 'the loss of Karelia' not merely in spatial but also in temporal terms, since little in the present 'ceded Karelia' corresponds to the Romantic simulacrum of the origin of Finnishness.

The studies of Paasi and Harle are crucial in highlighting the role of political mythologies in the construction of identity and provides a more dynamic interpretation of the discourses of restitution than the mere focus on 'past injustices'. Their approach also contributes to the problematisation of the very identity of 'Karelia', opening up its manifold historical constructions within the Finnish political discourse and thus enabling an empirical analysis, unconstrained by essentialist assumptions, of the potential new ways of (re)constructing Karelia.

In contrast to Finland, the Russian Federation's position on the Karelian issue has hardly changed since the Soviet period, although the reasoning behind it has moved from the geostrategic considerations that led to the occupation in the first place towards the concern that raising the border issue with Finland opens up the Pandora's box of border revisions, which weakens the fragile new Russian state. Thus, while President Yeltsin officially denounced the Soviet annexation in 1994, the federal policy line since 1992 has been that there are no border issues between Russia and Finland. Instead, the efforts at enhancing cross-border cooperation and making the border more transparent and less securitised have been prioritised.⁹⁰ These efforts were initiated immediately in the aftermath of the dissolution of the Soviet Union with the Neighbourhood Agreement between the Russian Federation and Finland of January 1992.

The Putin presidency has not been marked by any changes in this position. In one of the interviews to the Finnish press President Putin suggested that even the discussion of the border issue endangers the relations between the two countries. However, during the 2001 state visit to

---

⁸⁴ Harle 2000, chapter 7.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 175. Emphasis added.

⁸⁶ *Ibid.*, pp. 172-176.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 175.

⁸⁸ Paasi 1996, pp. 127-132. Similar conclusions are reached by Jukka Oksa (1999), who discusses six historical images of 'Karelia' that come into play in various ways in the present construction of the identity of the area. Oksa argues for the gradual decline in the deployment of the nostalgic image of the 'lost land of the evacuees' in the Finnish discourse and the greater focus on the contemporary Karelia as a "borderland in transition". This does not mean the discontinuation of older, emotive and more Romantic images, but rather their re-deployment in the new context of cross-border cooperation as symbolic markers or even marketing devices.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 281.

⁹⁰ See Joenniemi 1998, pp. 196-197. See also Oksa 1999, Aleksandrov 2001.

Finland, Putin is claimed to have adopted a more ‘conciliatory’ line: “On the question of the possible return of the parts of Karelia ceded to the Soviet Union, Putin said that changing borders is not the best way to resolve problems. However, he added that those calling for the restoration of Karelia must not be ignored. Putin’s solutions to the Karelia question are integration and cooperation.”⁹¹ While this statement does not in principle contradict the policies of the Yeltsin presidency, it reorients the discussion away from the dichotomous and zero-sum logic of a border dispute towards integrative and cooperative arrangements and connects with the stance towards borders that arguably prevails within the EU, which Finland joined in 1995.⁹² In this manner the issue is shifted from high to the ‘low-political agenda’ and the Russian regions bordering on Finland, particularly the Republic of Karelia, acquire a voice in the new arrangements, as opposed to the interstate border dispute, in which the regions do not have any jurisdiction at all. According to Pertti Joenniemi (1998) this transformation of the border dispute within the EU logic of cooperation and integration carries important consequences for the borderland of Karelia:

The strategies applied tend to work around borders, thereby catering to a formation that transcends the previous territorially defined space along the border without leading to new territorial demarcations. [...] A regional system may emerge with close interaction among the participating entities creating integrated spaces that diminish the hindrances caused by distance. The spell of the territorial logic can be broken by the utilisation and pooling of different location-specific strengths, i.e. resources not previously available because of the divisive effects of borders.⁹³

Although the conflict-tempering character of the ‘EU logic’ in Russian-Finnish relations is rarely theorised (the exceptions being the work of Joenniemi (1998) and Cronberg (2000, 2003)), a number of more descriptive studies demonstrate the impact of the EU on the scale and intensity of cross-border cooperation in the area⁹⁴, supporting the thesis about the transformation of the Karelian question in the 1990s.

We propose to term this ‘EU-logic’ of reconstructing the Karelian question the strategy of deproblematization of the border, in which no political decisions are taken with regard to the border per se (either restrictive or facilitative, e.g. the abolition of visa controls) but the function of borders is reconstructed in the new cooperative context. In contrast to the more ambitious, if vague, visions of ‘de-bordering’, the concept of border deproblematization does not emphasise the irrelevance of the border, let alone its disappearance, but rather marks the change at a discursive level, whereby the political significance of the border becomes diminished and border regions become zones of interaction, devoid of identity-related discord. The border thus ceases to be the privileged marker of identity and the object of contentious political discourses, while it retains its significance in the domain of depoliticised interaction as both a recognised obstacle and a source of opportunity. The second chapter addresses in detail how these arrangements are deployed on the regional level in the Republic of Karelia.

The Republic of Karelia as a Regional Actor in International Relations:

Cross-Border Cooperation Policies and the Discourse on the Border Issue

The Republic of Karelia, one of the 21 republics within the Russian Federation, issued a declaration of sovereignty in November 1991 and signed the Federation treaty with Moscow in 1992. Although in practice the sovereign status of the republic is widely deemed not to have amounted to a fully fledged independent internal or external policy,⁹⁵ the non-antagonistic relation of the Republic to the federal centre, devoid of any trace of separatism and secessionism,

⁹¹ Helsingin Sanomat Editorial: <http://www.helsinki-hs.net/news.asp?id=20010904IE3>. Emphasis added.

⁹² This is the argument of Joenniemi 1998.

⁹³ Ibid., p. 198.

⁹⁴ See Oksa 1999, Forsberg 1995.

⁹⁵ See Aleksandrov 2001, Joenniemi 1998. See Prozorov 2000 for the discussion of the conceptual matters involved in the discourse of the ‘sovereignty’ of the Republic.

has permitted it to advance its own policy agenda in a cooperative manner, in the absence of disturbances or controversies of the kind that accompanied other regions' drive for greater autonomy.⁹⁶ The moderate stance of the Republic's pursuit of autonomy was also illustrated by its reception of the federative reforms of the Putin presidency that sought to eliminate the para-constitutional excesses of the federalism of the 1990s. Having been one of the last regions of Russia to initiate negotiations on the power-sharing treaty with Moscow in 1998, the Republic was one of the first to denounce this practice in 2001 as overdetermined by contingent political considerations and contradicting the constitutional equality of the subjects of the federation.⁹⁷

One of the features of Karelian policy in the 1990s has been the active establishment of international links, primarily with the bordering Finland but also through membership in the multiple regional arrangements in the North of Europe (e.g. Barents Euro-Arctic Region, Council of Baltic Sea States).⁹⁸ Throughout the 1990s, the leadership of the Republic of Karelia prioritised the development of cross-border cooperation with Finland at the same time as it maintained the federal line on the impossibility of raising the issue of the border revision. Two important moments in the 1990s can be isolated with respect to this position. Firstly, in the early 1990s the republican leadership steadfastly opposed the proposals of territorial revision emanating from a minor radical organisation 'The Karelian Congress', which for a brief period went far beyond the restitution of the ceded Karelia and in fact proposed that the entire Republic of Karelia become an autonomous area within Finland.⁹⁹ Secondly, these extreme positions resurfaced briefly during the politico-financial crisis of 1998, whose aftermath was generally marked by the regions' active search for autonomous ways out, bypassing the politically fragmented federal centre. With regard to these proposals, Head of the Republic Sergei Katanandov issued a statement "denying any possibility and any form of the Republic's joining Finland" and also remarking on the danger of raising the question of restitution of the ceded Karelia: "Having noted that the calls for territorial revisions are largely resounded by a number of nationalistic representatives in Finland, the Head of the Republic has expressed his concern about the absence of an adequate reaction of the Finnish authorities. The revision of boundaries is a highly dangerous and unpredictable event, bringing forth a number of possible cataclysms. Therefore, the leadership of the Republic of Karelia is not merely against the revision of the border but against the very return to the question as such."¹⁰⁰ The latest statements of the Head of the Republic concerning the border issue date back to the 2003 parliamentary election in Finland, commenting on which Katanandov pejoratively dismissed the proponents of restitution as, literally, 'weirdoes', whose discourse is of no consequence for Finnish-Karelian relations: "Friendship with our neighbours is our main priority. The fact is that among the Finns, just like among the Russians, there are some weirdoes with all sorts of radical ideas that should be treated accordingly."¹⁰¹ In the same interview Katanandov expressed his optimistic vision for the nearest future of the Finnish-Russian border: "In a few years the border will become more transparent, people will be able to cross it more freely and the cooperation of Karelia with our neighbours will result in the growth of trade."¹⁰²

---

⁹⁶ For the discussion of the various foreign relations strategies of Russian regions see e.g. Makarychev 2000, 2001, Tkachenko 2002, Aleksandrov and Makarychev 2002. See also Haukkala 2001.

⁹⁷ See Katanandov 2002, Shlyamin 2000. In 2001 President Putin refused to extend the power-sharing treaties between the federation and the regions, a practice prevalent in 1996-1999 during the utmost weakness of the federal centre. The treaties, whose content was contingent on the political weight of the regional leader in question, manifestly contradicted the constitutional equality of the subjects of federation and made the distribution of power between the centre and the regions permanently (re)negotiable, resulting in the structurally built-in political instability. For the discussion of Putin's federal reforms see e.g. Nicholson 2001, Hyde 2001, Smirnyagin 2001.

⁹⁸ See Shlyamin 2002b for the analysis of the Republic's vision of its foreign relations agenda in the framework of regional integration processes in Europe. For the detailed discussion of Karelia's foreign relations see also Aleksandrov 2001.

⁹⁹ See Aleksandrov 2001, pp. 22-26.

¹⁰⁰ Katanandov 1999. Translation by author.

¹⁰¹ Katanandov cited in Farutin 2003a. Translation by author.

¹⁰² Ibid. Translation by author.

In the 2003 summary article on Karelian foreign relations in the nationwide *Nezavisimaya Gazeta*, Katanandov described the historical background and the present state of Karelian-Finnish relations in the following manner.

The very geographical location of Karelia has determined the development of trade relations with Finland, which have both withered away and were revived in various historical periods. The tense atmosphere that existed for many centuries in the border areas of Finland and Russia that was rooted in wars and border revisions was not conducive to the enhancement and improvement of transborder contacts. In the 20th century, for over 70 years the Russian-Finnish border was practically closed, though contacts between Karelia and Finland did persist. [...] With the end of the Cold War external borders were opened and Russian-Finnish contacts became more active. This was reflected in the both quantitative and qualitative growth of cooperation, [...] new forms of cooperation having appeared. The Government of the Republic of Karelia considers cross-border cooperation not as an end in itself but as an important instrument in solving the socioeconomic problems of border territories and the development of mutual understanding between our countries on the subregional level.¹⁰³

The same vision has been propounded by Valery Shlyamin, the Minister of Foreign Relations of the Republic in 1992-2002.¹⁰⁴ According to Shlyamin, the relations between Karelia and Finland are fully deserving of the name 'strategic partnership', a multi-level strategy of cooperation, in which the Republican authorities are merely one of many actors on par with economic, social, cultural and educational agents. In the 2000 interview, Shlyamin both advanced a strategy for advancing and deepening the project of cross-border cooperation, including the revision of the legal status of the Russian border region to allow for greater facilitation of trade and tourism, and sharply criticised the "advocates of the revision of good-neighbourly relations between our countries".¹⁰⁵ Shlyamin has also welcomed the EU initiative of Northern Dimension as advantageous for Karelia, yet was critical of the lack of substance to this policy and the passive role, prescribed for Russia in that framework.¹⁰⁶ Shlyamin's monograph *Russia in the Northern Dimension* addresses the wider implications of the EU initiative for Russia and offers a long term vision of integrating Russian and European regional developmental projects.¹⁰⁷ These positions have been elaborated in detail in two key policy documents of the Ministry: *Main Directions of the Activities of the Government of the Republic of Karelia in the Development of International Cooperation in 1999-2002* and the *Programme of Cross-Border Cooperation of the Republic of Karelia in 2001-2006*.

Thus, the position of the Republican government on the border issue has been twofold. On the one hand, the federal 'anti-revisionist' policy line has been strongly maintained and official annoyance has been expressed with the advocates of restitution in Finland. On the other hand, the Republic has prioritised and made active efforts to develop cooperative relations with Finland, both bilaterally and (increasingly) in the framework of the EU programmes of Tacis and Interreg and in the wider network of transnational regional arrangements such as BEAR and CBSS.¹⁰⁸ Since the early 1990s the Republic has been one of the primary beneficiaries of EU Tacis funding of all the Russian regions and some of the larger Tacis projects in Karelia, e.g. the restructuring of the health care and social protection sector, have been cast as exemplary for

---

¹⁰³ Katanandov 2003e. Emphasis added. Translation by author.

¹⁰⁴ In the aftermath of the general election of 2002, the structure of the Republican government was overhauled, with the number of ministries drastically reduced. One of the 'victims' of this reorganisation was the Ministry of Foreign Relations, restructured as a Department within the Ministry of Economic Development and its representative functions transferred to the Administration of the Head of the Republic. Shlyamin served briefly as the Minister of Economic Development in 2002 before being promoted as Russia's Trade Representative in Finland. The Ministry is presently headed by Anatoly Grishenkov, formerly the Head of the regional Revenue Inspection Service.

¹⁰⁵ Shlyamin 2000b. Translation by author.

¹⁰⁶ See Shlyamin 2000b, 2002b, Ukkone 2001a.

¹⁰⁷ See Shlyamin 2002b.

¹⁰⁸ See Ukkone 2001a, 2001b.

other Russian regions and their results worthy of nationwide dissemination.¹⁰⁹ The most ambitious project of cross-border cooperation has been the formation of Euregio Karelia (discussed in more detail in the next chapter), modelled on the experience of Euroregions within the EU and between EU members and the new member states. The hopes and possibilities of the institutionalisation of Finnish-Russian cooperation according to this model have been discussed in the literature during the 1990s.¹¹⁰ Finally, the republic gained international acclaim with its victory in the first competition of European Regions, becoming (along with Balearic Islands) ‘the European Region of the Year 2003’.¹¹¹ These active efforts in foreign relations substantialise the Republic’s deployment of the metaphor of a ‘window onto Europe’, originally conceived and usually applied to St. Petersburg. Two interviews of Katanandov in the federal press in 2003 (‘Karelian Window onto Europe’, ‘Russian Window onto Northern Europe’)¹¹² actively advanced this image and presented Karelia’s policies as exemplary for other Russian border regions. Similarly, in the 2002 interview to the local weekly Karelia Katanandov gave a highly positive assessment of the Republic’s international profile and optimistically concluded: “I have become convinced that we are of interest to the world.”¹¹³ Moreover, the Republic has repeatedly insisted on both pragmatic utility and political legitimacy of autonomous activities of Russian regions in foreign relations: “The activation of foreign relations of the subjects of the Russian Federation appears to me to be a natural consequence of the decision in favour of an open society that was made by our country in the beginning of the 1990s.”¹¹⁴

One might venture that the ‘anti-revisionist’ and ‘integrationist’ stances are in fact related insofar as the Republic’s ‘strategy of cooperation’ is hampered by any reconstruction of the border area as a ‘zone of conflict’, whether in the Finnish discourse of restitution or in the Russian ‘counter-discourse’ of entrenchment that gives federal-level publicity to the Republic only negatively as the ‘bastion’ of Russian statehood in the Northwest. Thus, the Republican government, directly involved in concrete cooperation projects with Finland, is highly wary of recasting the border question as a divisive issue in the Russian political discourse and hence eager to dismiss or silence not merely the claims for restitution but all kinds of conflictual discourses as such, even those sympathetic to the Russian stance on the issue. In short, the stance of the Republic of Karelia is opposed to any kind of problematisation of the border question and is thus in accordance with the logic of deproblematisation that we have associated with the EU cooperative framework. This position is well illustrated by the official response to the controversy that was unleashed in the Karelian media by a number of provocative interviews of the Finnish sociologist Johan Bäckmann that sought to highlight the continuous existence of revisionist and more generally ‘Russophobic’ sentiment in Finland and, most critically, the sympathies towards that sentiment within the Finnish foreign policy establishment.

Johan Bäckmann’s study of the image of Russia and the Russians in Finland sharply disturbed the prevailing image of Finnish-Russian relations as an “epitome of good-neighbourliness”,¹¹⁵ bringing up the existence of chauvinist and outright racist discourses about Russians that, furthermore, were allegedly enunciated by individuals belonging to the foreign policy circles in Finland. Bäckmann posited the existence of a ‘double-talk culture’ in Finland, whereby the official statements of denial of any claims to Russian territory are supplemented and subverted by a discourse that denies any right of “lazy and dishonest [Russians], the thieves and prostitutes to live in the former Finnish territories of Karelia [that] must be immediately returned

¹⁰⁹ Katanandov 2003a, 2003d. The EU Tacis project of health care and social protection reform is analysed in detail in Prozorov 2004b, chapter 2.

¹¹⁰ See Joenniemi 1998, pp. 199–200, Oksa 1999, Forsberg 1995.

¹¹¹ Republic of Karelia, European Region of the Year 2003. (WWW-document.) See Katanandov 2003c.

¹¹² Katanandov 2003c, 2003d. See also Shlyamin 2000a.

¹¹³ Katanandov 2002a. Translation by author.

¹¹⁴ Katanandov 2003c. Emphasis added. Translation by author. See also Katanandov 2003d.

¹¹⁵ Somov 2002b.

to Finland and cleansed of this population”.¹¹⁶ This discourse was, according to the Finnish scholar, accompanied by the increasing revisionism with regard to the history of Finland’s participation in World War II, i.e. the so-called Continuation War, during which the Finnish forces not merely re-occupied the Karelian areas lost in the Winter War but advanced further, capturing the ‘Eastern’ or ‘Russian’ Karelia, including its capital Petrozavodsk. Bäckmann alleged that the revisionist sentiment is stimulated by a sharply pessimistic account of Russia’s future, predicting its dissolution into dozens of new states, which opens a window of opportunity for restitution.

Bäckmann’s claims, that point to the continuing discursive articulation of Russia as Finland’s Other, have stimulated a lively debate in the Karelian media¹¹⁷, questioning the almost axiomatically unproblematic state of Karelian-Finnish relations. Problems of Russians and Karelians living and working in Finland, as well the reception of Russian visitors in Finland, were all addressed, putting the question mark after the semi-official concept of ‘good neighbours’.¹¹⁸ Noticeably, it was ‘society’ (concretely, the independent press and research institutions, e.g. the Karelian Centre for Political and Social Research) rather than the ‘government’ that initiated this discourse, much to the chagrin of the latter, whose intervention once more drew the distinction between ‘official’ Finnish discourses and the ‘extremist’ voices which were simply not to be listened to.¹¹⁹ The government thus sought to efface both the existence of a border conflict issue and its possible evolution into a wider ‘identity’ conflict that would result from the problematisation of Finnish attitudes to Russia and Russians. The dangers of the discussion initiated by Bäckmann (praised in the local media for daring to antagonise both Finnish and Russian establishments in his defence of a country that is, furthermore, not his own) of course consisted in elevating a ‘spectral’ or latent conflict issue, which never was an obstacle to regional cooperation, into a more manifest identity conflict on the societal level, in which ethical questions of recognition and cultural construction of images assume priority to the pragmatic dimension of cooperation.

A hypothesis that might be inferred from this incident is that it is in fact ‘social’ actors rather than the government that may be likely to initiate problematising and confrontational discourses on the level of ‘identity’, which the government may be willing to contain as potentially hazardous to existing cooperation programmes. The same distinction is arguably at work in the Finnish discourse since social agents, such as the Karelian Association and the Pro Karelia movement, are capable of a more assertive and polemical discourse on restitution than the state authorities, whose deployment of such discourse risks jeopardising the actually existing cooperation. Social encounters, unfolding in the absence of the security of ordered discursive practices and the rituals of diplomacy, may well be more prone to openly stating and even hyperbolising differences. On the other hand, the regional government, for whom the strategy of cooperation with Finland has become an essential feature of its own political identity, focuses on the minimisation of damage from media controversies to the already operating cooperative arrangements. The enthusiasm for the conflict-tempering role of social actors as opposed to the more conflict-prone state actors must therefore be qualified, particularly as we approach borders as cultural constructs, tied up with the construction of the representations of ‘self’ and ‘other’. The connective impact on conflict resolution that consists in the involvement of civil society actors across

---

¹¹⁶ Ibid. Translation by author. Bäckmann’s particular target was the Pro Karelia movement, whose demands concern not merely the territorial restitution, but also the relocation of the present non-Finnish population from the areas in question as incapable of internalising “Finnish Lutheran culture, relation to work and responsibility”.

¹¹⁷ See e.g. Andreeva 2002, Somov 2002a, 2002c.

¹¹⁸ The article by Olga Andreeva (2002) featured a question mark after the title ‘Good Neighbours’ and lamented the lack of accurate knowledge about the Finnish perception of Russia and the will ‘not to notice’ the troubling events on the other side of the border.

¹¹⁹ Andrei Somov (2002b) quotes the Republic’s officials as being “fully satisfied with the present state of relations with Finland. The attempts to mix the extremist statements of Finnish nationalists with the official point of view of the Finnish President and Government appear, at the very least, incorrect”. Of course, what was at issue in the Karelian press discussion was not the ‘misidentification’ of two positions but the problematisation of precisely the minoritarian discourse of ‘Finnish nationalists’ – something the government has been highly wary of.

the border in the resolution of the conflict does not automatically entail the reduction of conflict intensity (e.g. a transformation of an identity conflict into an issue conflict) but may rather induce the opposite effect by opening the conflict issue up to the discursive interpretations that articulate disaccord on the level of identity.

Euregio Karelia as an Instance of Border Deproblematisation:

The EU's Role in Displacing the Border Issue

Let us now address the way in which the EU logic of border deproblematization is deployed in the concrete project of Euregio Karelia. Since Finland's entry into the EU in 1995, EU frameworks of cross border cooperation (Interreg and Tacis, including the Tacis CBC subprogramme) have to a great extent supplanted bilateral programmes with Finland as the primary format of cooperation. In 1998 the Karelian government launched the proposal of the establishment of Euregio Karelia as an 'umbrella project' utilising the opportunities of the 'peripheral border area' status. Officially inaugurated in 2000, Euregio Karelia comprises the Republic of Karelia and the Finnish provinces of North Ostrobothnia, Kainuu and North Karelia. "The goal of the project is the stimulation of transboundary subregional cooperation in various spheres, the priority areas being the economy, the environment, tourism and culture."¹²⁰ For the Republic of Karelia, the Euregio exemplifies a qualitative leap forward in Finnish-Karelian relations that substantialises the EU initiative of the Northern Dimension and permits more effective and efficient coordination of cooperative arrangements, particularly the combination of Tacis and Interreg funding, which has been a major irritant in the Republic's dealings with the EU.¹²¹ The Government also views the Euregio as a model of new forms of cooperation that could be replicated by other Russian regions in the North of Europe (Leningrad, Murmansk and Pskov oblasts). Katanandov's speech at the 4th meeting of the Management Committee of the Euregio proclaims that in the two years of its operation the Euregio project has become a genuine "pilot project for the EU and Russia to design the mechanism of cooperation at the regional level".¹²² The notion of the pilot project,¹²³ originally launched in the Russian Midterm Strategy towards the EU with respect to Kaliningrad Oblast', is arguably more adequately deployed in the case of the Euregio arrangement. Logically, the notion of a pilot project suggests the generalisable and transferable status of pilot project results, a function, which in the case of Kaliningrad is ipso facto complicated by the manifestly exceptional status of the oblast' as a Russian enclave within the EU, which requires particular policy solutions, not relevant for other border regions of the Russian Northwest. In contrast, Euregio Karelia exemplifies a mode of institutionalisation of cooperative relations that is relevant for other regions in the Northwestern Federal District.

The basic principle of the project is the formation of what the Karelian Programme of Cross-Border Cooperation refers to as "the culture of transparent borders", making cross-border contacts in trade, science, culture and tourism a 'natural activity in the everyday life' of the border communities.¹²⁴ This principle exemplifies the operation of the enabling impact of the EU logic of border deproblematization: the institutional framework of the Euregio provides a new institutional platform, at which border issues may be discussed and joint policy solutions devised. In December 2000 a joint cross-border development programme was approved of by the Management Committee of the Euregio, entitled 'Our Common Border' and articulating a joint approach of the four territories of the region to the management of cross-border cooperation. The following nine projects have been accepted as the priorities of the Euregio for the period of 2002-2006.

---

¹²⁰ Programme of Cross Border Cooperation of the Republic of Karelia, 1.4. Translation by author.

¹²¹ Katanandov 2000, 2003d, 2003e. See also Main Topics of Bulletin no. 1 of the Tacis project 'Euregio Karelia as a Tool of Civil Society'.

¹²² Katanandov 2001a. See also Shlyamin 2000a, 2002a, 2002c. Translation by author.

¹²³ See Makarychev and Prozorov 2004 for the detailed analysis for the concept of the pilot project.

¹²⁴ Programme of Cross Border Cooperation of the Republic of Karelia, 3.2.

1. Development of the cross-border point Korttesalmi-Suopera in accordance with the standards required of international cross-border points;
2. Sortavala sewage treatment works rehabilitation;
3. Special industrial complex in Kostamuksha (PIK);
4. Joensuu and Petrozavodsk as centres of scientific co-operation;
5. Support to Finnish language and Karelian culture through National Theatre of the Republic of Karelia;
6. Development of health care and social services in Karelia under changing conditions;
7. Construction of heating power stations utilising local fuel resources in Kalevala and Lahdenpohja;
8. Social and medical rehabilitation of drug addicts and the prevention of dependence on psychedelic substances in Karelia;
9. Development of border areas of Belomorskaya Karelia.¹²⁵

Besides, the development of ‘civil and information society’ was officially stated as a grand ‘umbrella objective’ of the Euregio. During 2000-2001 a Tacis project of information support to the Euregio was undertaken in the Republic, casting the Euregio as a ‘tool of civil society’.¹²⁶ The most recent development is the official approval by the EU of the e-Karelia (Electronic Karelia) programme, with the funding exceeding € 2000000, that seeks to contribute to the development of ‘information society’ in the Region. The e-Karelia programme seeks to contribute to the development of a ‘knowledge-based’, innovational economy and promote the strengthening of civil society through the utilisation of new information technologies for the stimulation of local civic activity. The programme, which envisions the intensification of cross-border contacts between both experts and citizens’ organisations, explicitly invokes the argument about the ‘connective impact’ of such societal interfaces on conflict transformation: “[the programme will] create opportunities at the level of individual citizens and communities for interaction, changing attitudes and pursuing more in-depth co-operation in order to prevent border-related conflicts and thereby at the local level promote security between states.”¹²⁷

The reception of the initiative among local analysts has been rather optimistic, with high expectations regarding the formation of a new macro-entity of ‘Karelia’, transcending the division between Russian and Finnish Karelias. According to Alexei Ukkone, the formation of the Euregio carries profound implications for the transformation of the very entity of Karelia from an area divided by borders into a new, transboundary regional body. “This very model of cross border cooperation, if it continues to develop, creates a wholly new situation in the region. There is an invisible process of the erosion of the interstate border. [...] As we are claiming the unity of a regional body, the obstacles to our interaction must logically weaken, which requires the transformation of the Russian-Finnish border climate with regards to the population of the new interstate entity of Karelia.”¹²⁸ This vision demonstrates at least the potential role of the Euregio project in displacing the divisive discourse of the border dispute and launching the construction of a new regional identity that transcends state borders. The optimistic scenario for the Euregio is that it will ultimately have a constructive impact on the border region, leading to the constitution of the new transnational macro-regional identity that thoroughly deproblematises the Karelian issue. The “socioeconomic and cultural integration of concrete [border] territories” is expected to have implications for Russian-Finnish relations on the interstate level as well, although Ukkone is wary of the possibly negative nationwide reception of the Euregio as conducive to regional separatism.¹²⁹

¹²⁵ Main Topics of Bulletin no. 1 of the Tacis project ‘Euregio Karelia as a Tool of Civil Society’.

¹²⁶ For the presentation of the project see Main Topics of Bulletin no. 1 of the Tacis project ‘Euregio Karelia as a Tool of Civil Society’.

¹²⁷ eKarelia - Euregio Karelia as a Cultural Information Society, p. 12. Emphasis added.

¹²⁸ Ukkone 2001a. Emphasis added. Translation by author.

¹²⁹ Ibid.

Tarja Cronberg, who played a key role in the establishment of Euregio Karelia as the Executive Director of the Regional Council of North Karelia, has both provided a first-hand empirical account of the formation and functioning of this model of cooperation in Karelia and addressed the implications of the growth of Euroregions theoretically, arguing for the appearance of new spaces for action that pose a “postmodern challenge to the nation-state”,¹³⁰ as divisive borders turn into integrated borderlands. Cronberg explicitly notes that the background for the development of cooperation across the Finnish-Russian border has been made problematic by the “scars of the war” and the continued existence of the “Karelia back!” discourse in the Finnish society.¹³¹ Similarly, Minister Shlyamin has remarked that the model of the Euregio that the Karelian government analysed in greatest detail and eventually decided to emulate is the Egrensis Euroregion on the border between Germany and the Czech Republic, precisely because it exemplifies the cooperation across the border that used to ‘divide different sociopolitical and economic systems and two states with a history of war between them’.¹³² Nonetheless, the degree of cooperation and mutual trust between Finland and Russia, reached during the 1990s, is deemed to be impressive and explicitly linked with Finland’s entry to the EU. The success is deemed by Cronberg to be all the more profound, since the border around which integration is unfolding is of one of the lines, along which a Huntingtonian ‘clash of civilisations’ has been envisioned. Cronberg deploys the concept of para-diplomacy to theorise the regional ‘foreign policies’ of the institutionalisation of cross-border cooperation and describes this process as a “twofold mobilisation process” in which ‘horizontal’ interaction of regional and local actors on both sides of the border must, in order to gain legitimacy, be supplemented by ‘vertical’ interactions of the two parties with state authorities in both countries. Additionally, ‘region-builders’ benefit considerably from the support from supra-national actors, such as the EU and the Association of European Border Regions.¹³³ On the other hand, Cronberg also describes the way the institutional structure of the European Commission itself poses problems for the model such as the Euregio: since regional development and external relations are handled by different directorates-general of the Commission, the coordination of these activities (which is the very substance of the Euregio) is frequently made problematic by bureaucratic hurdles. The EU’s failure to integrate the operation of the two programmes, relevant for the Euregio, Tacis and Interreg, is the major structural obstacle to the achievement of the enabling effects that consist in the emergence of the Euregio as a new institutional structure of cross-border governance that possesses both administrative and budgetary capacity to undertake ambitious cooperative projects.

The EU may thus be said to have been moderately successful in displacing the Finnish-Russian border dispute issue onto the new discursive site of the Euregio. Euregio Karelia exemplifies the region-building logic that sidelines the issue of territorial restitution (whose resolution at the official level is in any case unrealistic) by offering a concrete plateau for transboundary regional integration. Moreover, it is within the EU logic that the border question, which in the statist logic belongs squarely to the competence of national authorities, becomes reinscribed within the low-political framework of cross-border cooperation.¹³⁴ This change is evident even in the discourse of the Karelian Association in Finland, whose discourse in the 1990s shifted from a clear strategy of restitution of the ceded territories towards accepting a multiplicity of possible arrangements, including regional-level cooperation within the EU.¹³⁵ The impact of the EU thus does not consist in moderating the Finnish stance on the question (which was never assertive in the first place) but rather in enabling the arrangements “that reach beyond the dichotomic perception of Karelia belonging either to Finland or to Russia”.¹³⁶ From the historical per-

¹³⁰ Cronberg 2000, 2003. Such a theoretical approach is also articulated in Joenniemi 1998, Christiansen and Joenniemi 1999, Paasi 1999.

¹³¹ Cronberg 2003.

¹³² Shlyamin 2000a. Translation by author.

¹³³ Cronberg 2003.

¹³⁴ See Joenniemi 1998.

¹³⁵ See *The Karelian Issue*, pp. 31, 36-37, 50.

¹³⁶ Joenniemi 1998, p. 184.

spective, this change, which enabled the Republic of Karelia to play a more active role in border cooperation, has fundamental implications for Karelian identity. As historically Karelia has been divided into 'western' and 'eastern' parts between Sweden and Russia, and subsequently Russia and Finland¹³⁷, it has always lacked a unitary identity of its own, resulting in frequent confusion regarding the very entity implied in the 'Karelian question' (Is it Russian or Eastern Karelia, co-terminous with today's Republic; the ceded Finnish territories in Leningrad Oblast' and the Republic of Karelia; the entire area of Karelia, etc.?) While the discourse of restitution perpetuates that division, installing a clear distinction between the valorised ceded Karelia and 'the other', largely irrelevant Russian Karelia¹³⁸, the discourse of border deproblematisation enhances the potential for identity construction in the macro-region of Karelia, delineated by the cross-border scope of the Euregio. The constructive impact of the Euregio project would thus consist in the literal change of identity scripts, whereby Karelia no longer appears as a divided subject but possesses a transboundary identity of its own.

According to Cronberg, the formation of the Euregio is an instance of the desecuritisation of the Finnish-Russian border, in which the high-political security agenda is sidelined by regional and local cooperation on issues that may be united under the rubric of 'soft security'. "Security, seen in terms of threats to a national survival, is not part of cross-border activities. Trust building across the border, through cooperation and interaction in small projects on the local level, builds, however, microstructures of security for the future. Healing the scars of wars is an important aspect of the Euregio formation and an activity, which naturally takes place in a cross-border context."¹³⁹ The Euregio process therefore confirms Joenniemi's (1998) theoretical hypothesis on the transformative effect of the EU logic of cooperation and integration on the 'Karelian question'. At the same time, the practical dynamics of the Euregio process open up the question of whether the EU itself is not merely a conflict-tempering actor in relation to Russia and the North of Europe but also a conflict-producing one. In the concluding chapter, we shall systematically revisit the four pathways of perturbation, practiced by the EU in the transformation of the Karelian issue, and assess their success in the wider context of EU-Russian conflictual dispositions.

Conclusions: The Impact of Euregio Karelia on the Deproblematisation of the 'Karelian Question'

The impact of the Euregio Karelia project on the transformation of the 'Karelian question' in accordance with the logic of border deproblematisation may be summarised along the four pathways of perturbation, identified in the theoretical framework of the Euborderconf project.¹⁴⁰

Compulsory Impact:

The compulsory impact of the EU on the transformation of the Karelian border dispute has arguably been effected by Finland's very EU membership, which precluded the existence of unresolved border disputes. At the same time, it ought to be reiterated that since the official position of the Finnish state never raised the issue of restitution in the first place, the EU can not be said to have had a mitigating effect on Finland's position. At the same time, the Finnish accession to the EU has solidified the 'anti-restitutionist' stance in Finnish politics, further marginalising the societal advocates of the 'return of Karelia'. In the current cooperative arrangements along the Finnish-Russian border the compulsory pathway of perturbation is of lesser relevance, since the practices in question unfold at local or regional levels, bypassing state authorities. At the same time, the EU has foregone the possible application of a 'carrot' in the form of the integration of (and thus easier access to) Tacis and Interreg funding, restricting the operation of the Euregio to economically modest projects and thereby limiting the integrative capacity of the Euregio.

¹³⁷ See Forsberg 1995, Paasi 1996, Joenniemi 1998, Harle 2000 (Chapter 7).

¹³⁸ The Karelian Issue, p. 5, 11, 33.

¹³⁹ Cronberg 2003. Emphasis added.

¹⁴⁰ See Stetter, Diez and Albert 2003.

Enabling Impact:

The Euregio Karelia project, which institutionalises the existing forms of EU-Russian cooperation in the Republic of Karelia, best exemplifies the enabling impact of the EU logic of border deproblematisation on the transformation of the Finnish-Russian border. The Euregio serves as a new institutional platform, within which questions of cross-border cooperation may be addressed in a depoliticised manner by local and regional actors rather than state governments. The enabling pathway of the EU has thus succeeded in increasing the density of small-scale local cooperation projects across the border and enhancing their coherence and synergy. At the same time, this pathway of perturbation is weakened by the overall context of EU-Russian relations, most notably by the problematic of the Schengen regime and the increased stringency and uniformity of visa procedures for Russians to enter the EU. The strict visa regime is the primary obstacle to the further development of cross-border cooperation within the framework of the Euregio. The insistence of the EU on the uniformity of the application of the Schengen rules contradicts its own logic of fostering cooperative transboundary regimes across the contested borderlands. Cronberg's (2003) study explicitly demonstrates the paradox, whereby the EU is simultaneously the 'condition of possibility' of the transformation of the Finnish-Russian border into an integrated borderland of the Euregio and the main structural constraint to this very transformation. Similarly, in the Russian societal discourse, the issue of visa procedures has assumed a paramount significance for EU-Russian relations. "This aspect of relations between Russia and the EU can by no means be ignored. Many citizens of Russia, particularly young people, wish to visit Europe and the clash with the visa regime, complicated by bureaucratic procedures, leaves them with a negative impression of it."¹⁴¹ Thus, the enabling impact of the EU logic of border deproblematisation is drastically weakened by the EU's own problematisation of the EU-Russian border as a line of exclusion.

Connective Impact:

The connective impact of the Euregio project consists in its involvement of a wider array of actors, both local and regional politicians and non-governmental organisations, in the coordination of cooperative activities. Moreover, the specific projects, undertaken by the Euregio, most notably the e-Karelia programme, are themselves targeted at strengthening the local civil society as a means of preventing the emergence of border conflicts. However, as our analysis above indicated, the involvement of local civil society actors need not have the conflict-tempering effect, but may well consist in the opposite, the intensification of the conflict issue due to its articulation with identity-related disaccord. The pluralisation of the space of conflict discourse therefore has entirely contingent consequences, which need not automatically lead to the reduction of conflict intensity. Furthermore, in the case of EU-Russian relations, the border deproblematisation project of the Euregio unfolds in an unfavourable political context in Russia, marked by the increasing societal disillusionment with the state of affairs in EU-Russian relations and the abandonment of ambitious integrationist designs.¹⁴² The project of the Euregio therefore may not have the anticipated societal support and its functioning may well be complicated by the very civil society, whose development it seeks to contribute to.

Constructive Impact

The constructive impact of the logic of border deproblematisation, at work in the Euregio project, would consist in the change of scripts, underlying the discourse on the Finnish-Russian border, towards the reconstruction of the contested border region as the zone of cross-border cooperation, in which the zero-sum logic of restitution no longer applies and the border itself is thoroughly desecuritised. As the most far-reaching path of perturbation, the constructive impact remains contingent on the multiplicity of factors, related to the overall development of EU-Russian relations. At present, the more ambitious 'change of scripts' scenario, i.e. the emergence of Euregio Karelia as a transnational macro-regional political subject, is made impossible both by the EU procedures, which preclude a greater role for the Russian party in budgetary and deci-

---

¹⁴¹ Khudolei 2003, p. 24. Translation by author.

¹⁴² See Kaveshnikov and Potemkina 2003, Baunov 2003, Bordachev 2003.

sion-making matters, and by the wariness of Russian political actors in the Northwestern Federal District to submit to an externally designed development project in the subordinate capacity of an 'object' of policy rather than its sovereign subject. The emergence of the Federal District as the coordinating centre of macro-regional strategic development may conflict with the project of Euregio Karelia as a transnational macro-region,¹⁴³ although the present Doctrine of the Development of the Russian Northwest does encourage the development of cross-border networks of cooperation. The absence of symmetry and reciprocity in EU-Russian cooperation has also been problematised at the regional level. According to Valery Shlyamin, "we have insistently raised the question of harmonising EU programmes with Russian interests, our own plans, since we have ourselves designed a long-term programme of the socioeconomic development of the Republic until 2010, in which we clearly state our objectives in the spheres of the economy, environment, education, health care, international tourism and culture."¹⁴⁴ Thus, the potential for a far-reaching 'change of scripts' in the Euregio Karelia project is both conditioned by the EU's recognition of Russia's demand for greater intersubjectivity in designing and implementing cooperation programmes and ultimately dependent on the compatibility of the policies of the Euregio with the more general strategic development design for the Russian Northwest.

PRIMARY SOURCES

Bringing Interreg and Tacis Funding Together:

http://europa.eu.int/comm/external_relations/north_dim/conf/formin2/intreg_TACIS.pdf

(03.11.2003)

e-Karelia: Euregio Karelia as a Cultural Information Society. Interreg IIIA Karelia. 2002.

Main Topics of Bulletin no. 1 of the Tacis Project 'Euregio Karelia as a Tool of Civil Society':

http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a_e.html (03.11.2003)

Republic of Karelia: European Region of the Year 2003:

http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2002/0724_01_e.html (03.11.2003)

Russia's Midterm Strategy towards the EU:

http://www.eur.ru/eng/neweur/user_eng.php?func=rae_rae_common_strategy (28.03.2001)

The Karelian Issue. Helsinki: The Karelian Association. 1996.

Доктрина Развития Северо-Запада России. (Doctrine of the Development of the Northwest of Russia) Sankt-Peterburg: Tsentr Strategicheskikh Razrabotok 'Severo-Zapad'. <http://www.csr-nw.ru> (03.11.2003)

Основные Направления Социально-экономического Развития Республики Карелия на Период 2002-2006. (Main Directions of Socioeconomic Development of the Republic of Karelia in the Period of 2002-2006):

http://www.csr-nw.ru/public_docs/120702doc1.zip (03.11.2003)

Программа Приграничного Сотрудничества Республики Карелии на 2001-2006 годы. (Programme of Cross-Border Cooperation of the Republic of Karelia in 2001-2006):

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/00.html> (03.11.2003)

BIBLIOGRAPHY

Ahtiainen, Ilkka (2000), "The Never-Ending Karelia Question". Helsingin Sanomat International Edition. <http://www.helsinki-hs.net/news.asp?id=20000718xx17>.

Aleksandrov, Oleg (2001), The Role of the Republic of Karelia in Russia's Foreign and Security Policy. Zurich: Eidgenössische Technische Hochschule Zurich. Working Paper no. 5.

Aleksandrov, Oleg and Makarychev, Andrei (2002), On the Way to Globalisation: Administrative and Networking Strategies of Russian Regions. Zurich: Eidgenössische Technische Hochschule Zurich. Working Paper no. 19.

¹⁴³ Ukkone 2001b. See also Prozorov 2004c for the detailed analysis of the policy discourse of the Northwestern Federal District.

¹⁴⁴ Shlyamin 2000a. Emphasis added.

Andreeva, Olga (2002), "Dobrye Sosed'i? Nikto Tolkom Ne Znaet chto Finny Finlandii Dumajut o Russkikh Karelii". Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politika.karelia.ru>.

Baunov, Alexander (2003), "Kak Voiti v Evropu. Chast' Pervaja: Put', Zakryty dlya Ros-sii". Grazhdanskije Debaty: <http://www.globalrus.ru/opinions/134780/>.

Bordachev, Timofei (2003), "'Strategiya' i Strategii" in Moshes, Arkady (Ed.), Rossiya i Evropejsky Soyuz: Pereosmyslivaja Strategiju Vzaimootnosheniy. Moskva: Gendalf.

Browning, Christopher (2003), "The Internal/External Security Paradox and the Recon-struction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad." Alternatives, vol. 28 no. 5.

Christiansen, Thomas and Joenniemi, Pertti (1999), "Politics on the Edge: On the Restruc-turing of Borders in the North of Europe" in Eskelinen, Heikki, Liikanen, Ilkka and Oksa, Jukka (Eds.), Curtains of Iron and Gold: Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Aldershot: Ashgate.

Cronberg, Tarja (2000), "Euregios in the Making: The Case of Euregio Karelia" in Ahpo-nen, Pirkkoliisa and Jukarainen, Pirjo (Eds.), Tearing Down the Curtain, Opening the Gates: Northern Boundaries in Change. Jyväskylä: SoPhi.

Cronberg, Tarja (2003), "Euregio Karelia: In Search of a Relevant Space for Action" in Hedegaard, Lars and Lindström, Bjarne (Eds.), The NEBI Yearbook. Nordregio: Nordic Centre for Spatial Development.

Farutin, Andrei (2003a), "Radikalnye 'Chudaki' Nikogo ne Pugayut".

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/030528.html>.

Farutin, Andrei (2003b), "Vmesto Zheleznogo Zanavesa". Karelia, vol. 39.

Forsberg, Tuomas (1995), "Karelia" in Forsberg, Tuomas (Ed.), Contested Territory: Bor-der Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire. Ipswich: Elgar.

Harle, Vilho (2000), The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport: Praeger.

Haukkala, Hiski (2001), Two Reluctant Regionalisers? The European Union and Russia in Europe's North. Programme on the Northern Dimension of the CFSP. Working Paper no. 32. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs.

Hyde, Matthew (2001), "Putin's Federal Reforms and their Implications for Presidential Power in Russia". Europe-Asia Studies, vol. 53, no. 5.

Joenniemi, Pertti (1998), "The Karelian Question: On the Transformation of a Border Dis-pute". Cooperation and Conflict, vol. 33, no. 2.

Joenniemi, Pertti and Sergounin, Alexander (2003), Russia and the European Union's Northern Dimension: Encounter or Clash of Civilisations? Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University Press.

Katanandov, Sergei (1999), "Glava Pravitelstva RK Katanandov Otritsaet Vozmozhnost' Prisoedinenia Respubliki k Finlandii"

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Position990408a.html>.

Katanandov, Sergei (2000), "Karelia Vchera, Segodnya, Zavtra: Intervju Predsedatelya Pravitelstva Respubliki Karelia Sergeja Katanandova Gazete 'Kaleva'".

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/000725.html>.

Katanandov, Sergei (2001a), Vystuplenie Predsedatelya Pravitelstva Respubliki Karelia S.L. Katanandova na IV Zasedanii Ispolkoma Evroregiona 'Karelia'.

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/011114.html>.

Katanandov, Sergei (2001b), "Yazykovoj Vopros".

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Position010228.html>.

Katanandov, Sergei (2002a), "My Interesny Miru". Karelia, vol. 137.

Katanandov, Sergei (2002b), Vystuplenie Glavy Respubliki Karelia S.L. Katanandova na Mini-Sessii Palaty Regionov Kongressa Mestnyh i Regionalnyh Vlastej Evropy. Strassbourg, November 15. <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/021114.html>.

- Katanandov, Sergei (2003a), "Arhimedov Rychag: Sergei Katanandov o Mezhdunarodnom Sotrudnichestve". <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/030319.html>.
- Katanandov, Sergei (2003b), Karelia: Respublika na Granitse. <http://www.gov.Karelia.ru/gov/Leader/Position/030610.html>.
- Katanandov, Sergei (2003c), "Karelskoje Okno v Evropu". *Nezavisimaja Gazeta*, vol. 16 (2849).
- Katanandov, Sergei (2003d), "Okno Rossii v Severnuju Evropu". *Karelia*, vol. 45.
- Katanandov, Sergei (2003e), "Prigranichnoje i Mezhregionalnoje Sotrudnichestvo Respubliki Karelia". <http://www.gov.Karelia.ru/gov/Leader/Press/030206.html>.
- Kaveshnikov, Nikolai and Potemkina, Olga (2003), "Rational Insight or Political Kitsch? Dividing Lines Existing or Imaginary, EU-Russia: Cooperation or...?" in *New Frontiers of Europe: Opportunities and Challenges. Materials of the Second RISA Convent "Managing the Recreation of Divisions in Europe"*. Moscow: MGIMO.
- Khudolei, Konstantin (2003), "Otnoshenia Rossii i Evropejskogo Soyuza: Novye Vozmozhnosti, Novye Problemy" in Moshes, Arkady (Ed.), *Rossiya i Evropejsky Soyuz: Pereosmyslivaja Strategiju Vzaimootnosheniy*. Moskva: Gendalf.
- Makarychev, Andrei (2000), *Islands of Globalisation: Regional Russia and the Outside World*. Zurich: Eidgenössische Technische Hochschule Zurich. Working Paper no. 2.
- Makarychev, Andrei (2001), *The Region and the World: The Case of Nizhny Novgorod*. Zurich: Eidgenössische Technische Hochschule Zurich. Working Paper no. 6.
- Makarychev, Andrei and Prozorov, Sergei (2004), *The Logic of Piloting in Border Regions: The Project-Oriented Approach in Russian Policy-Making and its Impact on EU-Russian Cooperation*. Working Paper Series in EU Border Conflict Studies (Forthcoming)
- Nicholson, Martin (2001), "Putin's Russia: Slowing the Pendulum Without Stopping the Clock". *International Affairs*, vol. 77, no. 3.
- Oksa, Jukka (1999), "The Changing Border and the Many Images of Karelia" in Eskelinen, Heikki, Liikanen, Ilkka and Oksa, Jukka (Eds.), *Curtains of Iron and Gold: Reconstructing Borders and Scales of Interaction*. Aldershot: Ashgate.
- Paasi, Anssi (1996), *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. New York: John Wiley & Sons.
- Paasi, Anssi (1999), "The Political Geography of Boundaries at the End of the Millennium: Challenges of the De-territorialising World" in Eskelinen, Heikki, Liikanen, Ilkka and Oksa, Jukka (Eds.), *Curtains of Iron and Gold: Reconstructing Borders and Scales of Interaction*. Aldershot: Ashgate.
- Potemkina, Olga (2003), "Some Ramifications of Enlargement on the EU-Russia Relations and the Schengen Regime". *European Journal of Migration and Law*, vol. 5.
- Prozorov, Sergei (2000), "Inquiring about the Sovereignty of the Republic of Karelia: Getting at the Problem" in Rytövuori-Apunen, Helena (Ed.), *Russian-European Interfaces in the Northern Dimension of the European Union*. Tampere: Studia Politica Tamperensis, Vol.8.
- Prozorov, Sergei (2004a), "Border Regions and the Politics of EU-Russian Relations: The Role of the EU in Tempering and Producing Border Conflicts". Working Paper Series in EU Border Conflict Studies, no. 3. <http://www.euborderconf.bham.ac.uk/publications/workingpapers.htm>
- Prozorov, Sergei (2004b), *Political Pedagogy of Technical Assistance: A Study in Historical Ontology of Russian Postcommunism*. Tampere: Studia Politica Tamperensis.
- Prozorov, Sergei (2004c), *The Russian Northwestern Federal District and the EU's Northern Dimension: The Emergence of A New Political Subject and its Implications for EU-Russian Regional Cooperation*, Danish Institute of International Studies Working Papers Series, vol. 4.
- Shlyamin, Valery (2000a), "Kalitka v Evropu". *Novye Izvestia*, September 13.
- Shlyamin, Valery (2000b), "Strategiya Sotrudnichestva". *Karelia*, vol. 61.
- Shlyamin, Valery (2001a), *Doklad Ministra Vneshnih Svyazei RK V.A. Shlyamina na Mezhdunarodnom Ekonomicheskom Forume*. St.Petersburg, June 13-15.

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/010613.html>.

Shlyamin, Valery (2001b), Doklad V.A. Shlyamina, Ministra Vneshnih Svyazei RK, Predsedatelya Komiteta po Mezhdunarodnoj i Vneshneekonomicheskoj Dejatelnosti Assotsiatsii 'Severo-Zapad'. Petrozavodsk, June 15.

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Days/010615c.html>.

Shlyamin, Valery (2002a), "Prigranichny Rossiysky Region na Severe Evropy". Chelovek i Karjera, no. 4 (139).

Shlyamin, Valery (2002b), Rossiya v Severnom Izmerenii. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press.

Shlyamin, Valery (2002c), Vystuplenie Ministra Vneshnih Svyazei RK V.A. Shlyamina na Seminare, Posvyashennom 10-letiu Prigranichnogo Sotrudnichestva. Kuhmo, May 28.

<http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/020528.html>.

Smirnyagin, Leonid (2001), Federalizm po Putinu, ili Putin po Federalizmu: Zheleznoj Pyatoj? Moscow Carnegie Centre Briefings, vol. 3, no. 3.

Somov, Andrei (2002a), "Pokolenie Novoje, Predrassudki Starye". Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politica.karelia.ru>.

Somov, Andrei (2002b), "Vyrodivshajasya Natsiya, u Kotoroj Net Budushego". Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politica.karelia.ru>.

Somov, Andrei (2002c), "Zov Predkov Inogda Voinstvenen". Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politica.karelia.ru>.

Stetter, Stephan, Diez, Thomas and Albert, Mathias (2003), The European Union and the Transformation of Border Conflicts: Theorising the Impact of Integration and Association. Paper for presentation at the CEEISA/ISA Convention, Central European University, Budapest, 26-28 June 2003.

Tkachenko, Stanislav (2002), The Regionalisation of Russian Foreign and Security Policy: The Case of St. Petersburg. Zurich: Eidgenössische Technische Hochschule Zurich. Working Paper no. 21.

Ukkone, Alexei (2001a), "Karelia, Kotoroj My Poka ne Znaem". Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politica.karelia.ru>.

Ukkone, Alexei (2001b), "Kto Nas Zaprogrammiruet?" Tsentr Politicheskikh i Sotsialnyh Issledovanij Respubliki Karelia: <http://politica.karelia.ru>

Dr. Andrey Makarychev

MARGINALITY OR PROVINCIALITY?

PSKOV AND IVANGOROD AT THE INTERSECTION

OF RUSSIA'S TRANS-BORDER RELATIONS

Abstract

My intention in this paper is to analyze the state of trans-border relationship between Russia, on the one hand, and Latvia and Estonia, on the other, in terms of interplay between central and non-central actors. Two basic concepts – that ones of *marginality* and *provinciality* – will be used as points of departure and compared with each other. Each of these concepts develops its own narrative and a discursive strategy. In some instances, these narratives may smoothly complement each other; and yet in other occurrences, they conflict in a manner that fuels “a battle of the story”.

Conceptually, the paper is based upon the ideas developed by Noel Parker, Vladimir Karganski and Dmitry Zamiatin that are adjusted to the study of trans-border relations. The paper argues that the Pskov oblast and the city of Ivangorod may be regarded as provinces and margins simultaneously, depending on the contextual frame under consideration. As parts of domestic conceptualizations, they would be better characterized as provinces, while entering the transnational scene they may be labeled as margins.

Introduction

The current Russian – Estonian and Russian – Latvian borders have, historically speaking, been quite volatile, unstable and changing. Thinking in terms of the life cycles of borders, one may assume that these borders are still in their infancy. For the time being, they are heavily influenced by a variety of factors of both domestic and international origin, and may therefore be differently conceptualized.

My intention in this paper is to analyze the state of trans-border relationship between Russia, on the one hand, and Latvia and Estonia, on the other, seen in terms of interplay between central and non-central actors. Two basic concepts – that ones of *marginality* and *provinciality* – will be used as points of departure and also compared with each other. Each of these concepts develops its own narrative and a discursive strategy. In some instances, these narratives may smoothly complement each other; and yet in other occurrences, they conflict in a manner that fuels “a battle of the story”.

The concept of marginality, as developed by Noel Parker, focuses on the questions the transborder relations raise for the understanding of political space in general and the construction of Europe in particular. Conceptually, peripheries are presented as underdeveloped, inconveniently positioned, exposed to external dangers, and they are comprehended as subordinated territories. Alternatively, margins as rather autonomous spaces are able, under certain circumstances, to develop strategies of their own. Marginality, in Parker's vision, is equated with new opportunities and openings for regional actors. Thus, territories located at the intersection of different polities and identities (“cross-roads actors”) are capable of comprehending how to make better use of their resources in terms of marginality through inclusive cooperation with adjacent territories. Margins are important components of different policy constellations because they usually have a room to maneuver and a meaningful degree of freedom in exploiting their location. Politically, margins are reluctant to accept that the core speaks for them; moreover, they may participate in defining the nature of the core itself¹⁴⁵.

The concept of margins may serve a good theoretical platform to study the trans-national roles played by non-central actors, since in order to qualify for a “margin”, the region has to exist

---

¹⁴⁵ Parker 2000, p. 6.

in two-way relations with at least two cores. In the meantime, the marginality theory does not take into due consideration various natural differences between the two cores (one of them being domestic and the second one being foreign) and therefore fails to properly reflect the diverse patterns of core – margins affiliations and associations, which is well demonstrated in the case of Pskov.

A different – and seemingly more nuanced - spatial concept is developed by Russian author Vladimir Kaganskii who offers a four-chain explanatory framework containing the categories of Center, Province, Periphery and Borderlands. He, like Parker, also draws a semantic line of demarcation between province and periphery as two alternative concepts of cultural landscape. This differentiation appears to be reasonably applicable to the study of regions like the Pskov oblast. Province is depicted as a self-sufficient area, where the historically indigenous population dominates the cultural landscape and saturates the cultural milieu with meaningful texts, signifiers and images. Province is seen as a “nucleus of typicality”, and a “base territory” for country’s self-identification. Without province being there the spatial system would turn into an amorphous entity compressed between center and its borderlands¹⁴⁶. Pskov arguably qualifies for the status and the role of Russian province seen from this analytical viewpoint.

The four constitutive elements of the above mentioned scheme are not mutually exclusive or antagonistic entities/constructs, since at certain junctures they may interpenetrate each other and converge. The center's elites may need to gain loyalty from the provinces. The provinces themselves might be interested in demonstrating this loyalty in order to ensure their stability that explicitly and intentionally may be represented as challenged by outsiders¹⁴⁷. By the same token, borderlands and provinces may overlap to form a phenomenon called “border provinciality”, to employ the definition elaborated by Kaganskii. The concept of province, unlike that one of margins, gives priority to a variety of *domestic* liaisons between the center and non-centers, and is therefore mostly inward-oriented. This concept better grasps that at stake is not only international recognition of border regions’ actorship but also their domestic subjectivity. This approach is very much in tune with the tradition of treating borders not only as instruments of inter-state relationship but also as intrinsic *social constructs* serving the purpose of cementing *national consolidation* and *internal* solidarity. In fact, identities need borders to mature and come into force, and yet the ways of making use of the borders as indispensable elements of identity-forming vary from one region to another.

The second feature that makes province (in Kaganskii’s interpretation) different from margin (in Parker’s terms) consists of the rich cultural connotations. In political terms, province has to remain loyal to the (federal) center, albeit culturally it may challenge the center’s hegemony, offering a variety of alternatives formulated mostly in identity-related terms. Identity may be used as a legitimizing force for cultural alienation and distancing of a non-central actor either from a core, or from another non-central actor. Identity, by the same token, may become a source of integrative drive, and thus trigger de-securitization (i.e. play down alarmist and threat-oriented attitudes through perceptual changes in the societal relationships). Identity, therefore, may create new social relations and modify ideational constructs¹⁴⁸.

According to my hypothesis, the Pskov oblast and the town of Ivangorod may be regarded as provinces and margins *simultaneously*, depending on the contextual frame one employs. As parts of domestic conceptualizations, they would be better characterized as provinces, while entering the trans-national scene they may be labeled as margins. Consequently, two different stories – that ones of marginality and provinciality – may co-exist and intermingle, laying foundations for two different *strategies of regional development*. The balance between these two strategies is determined to a large extent by the correlation between two different ways in which the regional identity is used as a discursive concept having some political connotations. One of them is centered around *exclusion*, which stipulates strong accent on «othering», bordering, distancing,

---

¹⁴⁶ Kaganskii 1997a.

¹⁴⁷ Glinskii 2003.

¹⁴⁸ Botes 2003.

isolation and securitization. The second one is conducive to the logic of *inclusion*, with de-securitization and concomitant strategies of engaging/integrating/including Russia. Since identity discourse creates differences, exclusion and inclusion may be regarded as intrinsic parts of any social identification, yet its scale is specifically large when the issues of insecurity are at stake¹⁴⁹. This is even more so in border regions, where discourses tend to construct particular understandings of who are in and who are out and why; they operate on the basis of a self/other dichotomy, where the 'other' is an opposite conflict party, portrayed as an existential threat to the 'self'¹⁵⁰.

Of course, it has to be observed that the two border localities chosen for this analysis are not alike in terms of their political weight and significance. The Pskov oblast as a subject of federation is capable of offering its own agenda on a variety of issues, mostly that ones of socio-cultural profile. This is one of a few regions through which, historically speaking, a whole bunch of foreign influences used to penetrate into Russia. By the same token, the local identity of Pskov was nourished not only by a somehow tacit counterpoise to Moscow (which is a rather natural cultural counter-reaction to the preponderance and omnipresence of the capital) but to no lesser extent to St.Petersburg as well. As far as the case of Ivangorod is concerned, it represents an interest basically due to the fact that after 1991 this small town was administratively separated from its "twin", i.e. the town of Narva which was left on the Estonian side of the border. A part of my research plan would be to take a look at how Ivangorod has reacted to this separation, and whether the two parts of a previously single urban entity may be discursively represented as contrasting or complementing each other.

Structurally, the paper is divided into two topical blocks. I will start by exploring the possibilities and the limits of applying the concept of marginality to the Pskov region and – partly – Ivangorod. I will then discuss an alternative discourse – that one of provinciality – and will try to find some explanations the reasons of its attractiveness for the regional actors. In conclusion, I will summarize my findings and frame them theoretically.

1. The Story of Marginality:

Pskov between Moscow and Brussels

Pskov and – to a certain degree - Ivangorod constitute different cases located at the interface of two competing cultures and political entities. The search for positive «in-between» solutions is underway as an intrinsic part of a "marginality strategy" that the border territories endeavour to implement. The strategy of marginality implies going beyond the overdependence on the cores, and contains a great deal of border-breaking potential in a sense of making borders less divisive and more permeable. This implementation of this potential a lot depends upon the role(s) played by identity in border reconfiguration: a strategy of marginality can be a border-breaker through the logic of inclusiveness that is based on involving/engaging with neighbours in a search for mutually beneficial solutions.

It is true that most of the pervious attempts to institutionalize the projects based on a philosophy of being at the same time "in" and "out" have not succeeded to a satisfactory degree. Historically, the "in-between" location was associated with unsuccessful experiences of countries like Ukraine or Belarus destined to stay in a "gray zone" and play the role of buffer territories. As for more contemporary examples, one can recall President Yeltsin's failed proposal of joint patrolling the Russian – Finnish border, and the idea of a "Baltic Schengen" promoted by the former prime minister Viktor Chernomyrdin. On the other hand, there is the most positive European experience (for example, the cases of Tornio-Haparanda or Valka-Valga) that has clearly shown that neither ethnic nor linguistic cleavages represent an insurmountable problem for de-bordering provided that the management of the whole process is effective and competent.

1.1. IN SEARCH FOR THE MEANINGS OF MARGINALITY

---

¹⁴⁹ Huysmans 2003.

¹⁵⁰ Diez 2003.

As a chain, a transit territory, a city-guardian, a point where Russia ends up, as well as constituting «almost Europe» - the region of Pskov has repeatedly experimented with all these and some other metaphors in its bid for rediscovering its marginal/in-between identity. Some of these metaphors point to remote – both spatially and temporally - semantic contexts that are reprocessed, transformed and saturated with a variety of new cultural, historical, and political meanings.

For the Russian territories bordering on Estonia and Latvia, pro-European sentiments are remarkably strong, although defensive reactions against what is perceived as threats are also discernible. Governor Mikhailov's articulation of the region's marginal identity is significantly inhibited and complicated by what could be thought of as a pro-imperial ideological background (in particular, in mid-1990s he authored a book entitled "The burden of the imperial nation" in which he articulated his views on how Russia has to start preparing to repel «the threat coming from the south»)¹⁵¹. It is quite indicative that the Pskov oblast gained the reputation of a fertile ground for politicians with a "national patriotic" background looking for electoral legitimacy: on the eve of the forthcoming gubernatorial election scheduled for fall 2004 among the prospective candidates are such figures as Alexei Mitrofanov (one of top members of Zhirinovskii's LDPR party) and Viktor Alksnis (known for his close liaisons with Soviet-nostalgic Communists and the restorationists).

Nevertheless, the idea of Pskov as a polity open towards Europe (and therefore having a role of its own) has never been abandoned. The border as such was never perceived, it seems, among the local population as something fundamentally divisive. A peculiar cultural proof for such a state of affairs can be found in the fact that the Ivangorod's historical fortress became a site for a local discoteque¹⁵². According to Olga Brednikova, it would be equally acceptable for Russians to treat the fortresses of Ivangorod and Narva either as a monument of historical rivalry or as a single tourist complex¹⁵³.

The local authorities in Pskov are inclined to perceive the trans-border issues through a nonsecurity-related (basically the geo-economic one) prism. In terms of the mainstream official discourses waged in Pskov, the EU and NATO enlargements would have a positive effect on this Russian border region as it will get a chance to ameliorate its international credentials and attractiveness for international business. A de-securitizing logic, therefore, is quite visible. Mikhail Margelov, speaking in Pskov in 2002, assured that it is much safer for Russians to have NATO in their vicinity than «Al-Quaeda». In another statement he went even further assuming that the local people have to appreciate that in fact NATO will compel Estonia and Latvia to behave as if they were Russia's allies. Instead of deepening the dividing line, they are bound to downgrade it¹⁵⁴. The vice-governor of the Pskov oblast, Dmitrii Shakhov, proclaiming a readiness to interact with NATO, nevertheless suggested that the alliance may have to consider a changing of its name¹⁵⁵. This intention may be interpreted as a discursive strategy aimed at de-constructing NATO's military identity in Russian eyes. A trans-national dimension of de-securitization is observable as well – a case in point consists of the alleged "complete disappearance" of the threat of secession in the Northeast Estonia, i.e. a matter of concern for Tallinn still in the early 1990s¹⁵⁶.

Governor Mikhailov has often stressed in his public pronouncements the positive developments in the neighboring Baltic states. It may be illustrated by the release of a Second World War veteran (ethnically Russian) who was initially accused by the Latvian court of committing military crimes¹⁵⁷. Another example of Pskov's longing to Europe is a proposal to open an EU

---

¹⁵¹ "Narodniy sait" (People's Site "The Truth about Pskov"), April 22, 2002, <http://pskov.com.ua/?id=72>.

¹⁵² *Smena*, July 30, 2003.

¹⁵³ Brednikova and Voronkov 1999.

¹⁵⁴ *Molodiozh Estonii*, 29.11.2002.

¹⁵⁵ *Pravda.Ru*, 11.04.2003, http://world.pravda.ru/printed.html?news_id=9630

¹⁵⁶

¹⁵⁷ Official web site of the Pskov oblast administration, www.pskov.ru/comments/03102003.html

office in Pskov. This was one of major political messages of Mikhail Briachak who considers running for governor in fall 2004¹⁵⁸.

In a wider sense, the conceptualization of region's "in-between location" is premised on the two "waves" of policy impulses (both positive and negative ones coming in different combinations) originated, respectively, in Moscow and Brussels¹⁵. Russia perceives itself not as a periphery of the EU-led integration, but as another core, a self-sufficient one and capable of conducting a foreign policy of its own. This worldview resonates well with the "Europe of Two Empires" concept, one developed, in particular, by Michael Emerson, Alexander Rahr and some other authors. Russian politicians seem to share the basic assumptions of this approach by claiming, for example, that "the great powers rarely join others' unions, they tend to form alliances of their own" to safeguard freedom and autonomy¹⁵⁹. The "imperial" version of Russian international subjectivity in 2003 has spread even among the right-wing / pro-Western groups within elites, as evidenced by the "liberal empire" slogan advanced by Anatoly Chubais in 2003. Should the "two Empires" scenario come into force, the most acute question would be to keep the areas at peace where the interests of the two cores, Moscow and Brussels, intersect.

It is arguably within this context that one should interpret the meanings that have been ascribed to Pskov having an "in-between" identity and in which also the celebration of the city's 1100 anniversary was grounded. The politically most stimulating message consists of that the Pskov oblast has to become "Russia's face turned towards Europe" (it is quite telling that the local educational books note the fact that for Pskov, Helsinki is located as near as Vitebsk in the neighboring Belarus, Warsaw can be accessed as fast as Vladimir or Ryazan', and Oslo or Copenhagen may be hypothetically reached by plane with the same amount of fuel as Arkhangel'sk¹⁶⁰). The reiteration that Orthodoxy is but a branch of common Christian faith, a view inscribed into the official political discourse of Pskov, serves the same aims of social debordering and cultural inclusiveness.

Economic arguments have also been employed in order to take advantage of Pskov's alleged marginality. This takes place by arguing that the economically dominating actors, according to a business logic, push their competitors from the cores to non-central territories that will then benefit from having more investors approaching them.

Yet the idea of an "in-between" location may also be comprehended as a form of criticism pertaining to the way the border issues have been dealt with by the "core players". The official web site of the Pskov administration refers to the "controversial status" and the "declaratory nature" of the documents signed between Russia, on the one hand, and Latvia and Estonia, on the other. The western neighbors deserve, it is claimed, a certain criticism for their policies towards Pskov. What creates irritation is that, for example, Estonia in September 2000 cancelled facilitated travel to its territory, originally initiated in 1992, when the temporary border crossing procedure was introduced to allow the residents of the border areas to get to Estonia with special permission¹⁶¹. The trans-border connections were severed prior to 2004 due to EU's insistence, but the domestic factor should not be, it seems, neglected either. In particular, the relatively unrestricted border passage has triggered economic devastation in Narva because the prices on the Russian side of the border used to be much cheaper. From the Pskov side, the Estonian position provoked criticism verbalized in terms of reference to the "locked border". "Living with wolves" - a title used in one of local newspapers' stories featuring trans-border relations with Latvia stands likewise out as a revealing evidence of this sort of attitudes¹⁶².

It might be presumed that Ivangorod too defines its identity by relating (in one way or another) and/or comparing it to that of the neighboring Baltic countries (for example, it is quite telling that the title of one of local newspapers cover story of constructing the "Aquapark" in Ivan-

---

¹⁵⁸ *Pskovskoe Agentstvo Novostei* web site, <http://informpskov.ru/politics/13432.html>, 07.05.2004

¹⁵⁹ Ivanov, 2001.

¹⁶⁰ Manakov and Kulakov, 1994.

¹⁶¹ *Segodnia*, September 12, 2000

¹⁶² «*Politskov*» Online, October 9, 2003, www.politpskov.ru/print/209.html

gorod reads: “To the envy of Estonians”¹⁶³). In the meantime, the initiatives to separate it from Russia and merge it administratively with Narva have not received strong support among Ivan-goroders¹⁶⁴.

As far as more practical things are concerned, the Euro-region of “Pskov – Livonia” has figured as a result of two (competing) “in-between” strategies, one offered by the Pskov administration and the second one by the Council on Cooperation of Border Regions (CCBR). In the end, it was established on the basis of the CCBR vision¹⁶⁵, although a number of implementation problems are still there. *The first* of them is premised on that the record of joint initiatives designed and promoted by the sub-national units to form the Euro-region is very scant. The most skeptical voices among the Russian analysts do not hide their attitudes in labeling the Euro-regions as “a roof for bureaucratic tourism” and regard them as a senseless pumping out of EU money (Russians feel comfortable to be able to judge that foreign funds might be spent more effectively¹⁶⁶).

Secondly, some Russian politicians (for example, the chairman of the Foreign Affairs Committee of the Federation Council Mikhail Margelov) remain skeptical about the idea of Euro-regions. They see it as constituting “a pre-school exercise”, arguing that Russia is ripe for much more mature and essential forms of strategic cooperation with the EU. Besides, in Margelov's reasoning, Euro-regions would eventually fail unless the neighboring countries agree on long-term solutions as to free and unrestricted travel across the border. In other words, the establishment of a Euro-region is not seen as a substitute for a political solving of “the real issues”¹⁶⁷ which brings us to the Russian understanding that *political* and not merely *technical* measures are needed.

For a deeper comprehension of the discourse of marginality as pertinent to the Pskov oblast, we have to find out what is the outside core, apart from the domestic one (i.e. Moscow), and what it looks like. Does the outside environment offer enough space for any “in-between” maneuvering? Does it contain sufficient incentives for the Pskov's prospective “marginality”?

These and related issues will be discussed below.

1.2. THE EUROPEAN UNION AS AN OUTSIDE CORE

The changes occurring in the EU neighboring territories are usually related to a process called Europeanization, one encompassing both formal and informal transformations of domestic structures in adjacent countries towards democratic values and institutional standards. Yet there are different interpretations of the nature of Europeanization: Estonia tends to equate it with EU membership, while Russia is eager to push Estonia to apply the EU standards for fixing the border issues and remedying minority problems.

In Europe itself, Europeanization is conceptualized as “the cultural, legal, institutional and economic impact of European integration on domestic structures” of the neighboring countries and their parts. Europeanization may be treated as an instrument of conflict resolution, and as a normative process, with the EU institutions working as actors to reorient the direction of local policies to the degree that Brussels-centered political and economic dynamics become part of the organizational logic of policy making in adjacent countries¹⁶⁸. However, this highly formalized interpretation seems deliberately vague and fails to take into consideration various discursive frameworks that touch upon the “fabric” of transformative processes in the context of trans-border milieu.

The “Europeanization approach” is reminiscent of various attempts to relate the “EU trademark” to much wider (perhaps global-scale) processes, with the non-European actors deeply involved as well (including the U.S. and some international non-governmental organizations like

---

¹⁶³ MK v Pitere, <http://mk-piter.ru/articles/539.htm>

¹⁶⁴ Molodiozh Estonii, 16.03.2004, www.moles.ee/04/Mar/16/9-1.php

¹⁶⁵ Mikenberg 2004, p.5.

¹⁶⁶ Mikenberg 2004, p.5.

¹⁶⁷ Margelov 2003.

¹⁶⁸ Coppieters, Huysseune, Emerson, Tocci, Vahl 2003, pp. 12-13.

Greenpeace). The EU is by no means the only force that impacts and redirects the policies of neighboring territories. For example, in the Pskov oblast the major institutional transformations were stimulated by establishing the Euroregion “Pskov – Livonia”, that was to a large extent designed and intellectually nurtured by the East – West Institute, the Soros Foundation and the Eurasia Foundation, all non-EU based «global» NGOs. The East – West Institute, by the same token, has sponsored a project pertaining to reforming of the budgetary relations in Pskov¹⁶⁹. The U.S. State Department and the National Endowment for Democracy have funded some of the NGO activities in the trans-border territories.

It would be erroneous, therefore, to equate all integrative developments in the regions bordering on EU members only with Europeanization as many non-European actors are involved to an equal extent. In particular, to properly understand the policy priorities of Latvia and Estonia one has to recall that both of these countries are heavily influenced by the United States. In preparation to the EU and NATO accession, Estonia has made some efforts to stretch its foreign priorities beyond the Baltic and Central Europe, and has shown some preliminary signs of establishing closer links with the Caucasian states, in particular with Georgia and Azerbaijan¹⁷⁰. The U.S. is interested in contributing to shaping the trans-border relations of the new NATO members with Russia. This has been evidenced by choosing Narva as a site hosting the first American Information Office located in the Baltic countries¹⁷¹.

The points raised above deal with the question of how Europeanization is comprehended. In a narrow sense, it ought to be equated with adopting the *acquis*, yet in this case the question of influence upon Russia's border regions has to be dropped due to mere two facts that these regions, the Pskov oblast included, are neither legally able nor politically willing to plug into the EU legislation. Of course one may accept a wider interpretation of Europeanization as all kind of measures that lead to democracy, open society, transparency, accountability, good government, environmental values, gender equality and so forth. However, the problem looming large at this juncture is that under the guise of Europeanization one may discover pivotal elements to be attributed to a process known as globalization.

This is of course not to deny that the EU does exert a great deal of impact on the state of Russia's trans-border relations with Estonia and Latvia. Departing from the matrix elaborated earlier¹⁷², several comments may be added.

For the first, as far as a “*compulsory impact*” is concerned, it has basically been the political elites of Estonia and Latvia to whom the EU has addressed its offers of both “positive” and “negative” incentives. The EU policy has been in this regard a success because it ended in Estonia and Latvia dropping their territorial claims. On the other hand, these two countries' decline to insist on territorial concessions from Russia was interpreted in Moscow – and arguably for good reasons – as indicative of a Russian success in linking the accession matters with a settlement of the border issues. What stems from this is that Russia might claim its subjectivity in exerting the “*compulsory impact*” upon Estonia and Latvia with noticeable desecuritizing effects: to foster the EU accession, the elites of both countries starting from 1990s have refrained from “saying the word ‘security’ aloud”¹⁷³.

Secondly, the “*enabling impact*” has produced very mixed political results. The identity changes at the elite level in the two Baltic republics have evolved from being “a bridge” / “a land of contacts” / “a mediator” self-conceptualizations to a more restrictive and disconnecting positioning of “a bridgehead of the Western civilization” and further on to “an outpost of Europe”¹⁷⁴. De-securitization is still a promise for both Estonia's and Latvia's foreign policy thinking: both countries have, after their “double accession” in 2004, been willing to engage themselves with

¹⁶⁹ *Pskovskaya pravda – Veche*, 22.05.2003.

¹⁷⁰ Interview with Eldar Efendiev, Regnum Information Agency, www.regnum.ru/forprint/224053.html

¹⁷¹ *Molodiozh Estonii*, 25.03.2004, www.moles.ee/04/Mar/25/9-1.php

¹⁷² Diez et al., 2004.

¹⁷³ Aalto 2000, p.4.

¹⁷⁴ Miniotaite 2003, pp. 214-215.

the highly sensitive and potentially explosive issues, including the encouragement of a pro-Western orientation in Ukraine, Belarus, and the Caucasian countries. This is so as Russia will in all probability regard these as a security challenge.

Thirdly, a “*connective impact*” displays some observable success as to policy transfer practices that have much more – in comparison with the two above mentioned types of influence – applicability for Russia. For example, the St. Petersburg-based «Strategia» Center commissioned in 2003 a study on “Soft Security Challenges in Russia's North West”. Pskov was included as one of regions studied in order to assess the local conditions through the prism of such liberal concepts as transparency in the sphere of public authority, human rights, political participation and trans-border cooperation. The study advocated a number of changes in the federal policy toward Pskov to include facilitation of the procedure of concluding agreements between Russian border regions and their partners abroad, expansion of the rights of local authorities to grant tax privileges to foreign investors, simplification of the process of receiving the residence permit by foreign nationals, releasing the information concerning the property ownership, creation of unified electronic system of customs documentation, etc.¹⁷⁵

The most pro-EU oriented non-governmental organizations in Pskov include: in the educational sphere – the Volny (Free) Institute; in environmental protection issues – the “Chudskoy Project” established in 1997 as a branch of Tartu-based Peipsi Center for Transboundary Cooperation which, in particular, develops the ideas of public participation in managing the local environmental resources¹⁷⁶, and the creation of a geo-information databank. In the sphere of human rights the group of the leading agencies consists of the local Council of Soldiers' Mothers (working basically to defend the rights of the draftees and soldiers), the Independent Social Women Center, the “Veche” Movement (involved in a number of human rights projects, like monitoring the elections in Belarus, participation in the Pax Christi International Route, etc.¹⁷⁷), the “Niyso” Society of Russian – Chechenian Friendship. As to trans-border issues one has to mention the “Vozrozhdenie” Center, the Foundation for Transborder Cooperation (conceptually designed by the Ministry of Foreign Affairs of Denmark¹⁷⁸), the Bureau of Inter-regional Partnership “Pskov – Novgorod” and the Center for Sustainable Development. The most important aggregate effect of these organizations' operation in Pskov consists of their contribution in initiating various practices of charity, volunteering, environmental education¹⁷⁹, advocacy of human rights and equal opportunities for socially vulnerable groups and civil control over the military¹⁸⁰.

1.3. OUTSIDE MARGINS:

THE NORTHERN AND THE EASTERN DIMENSIONS

The two poles (Brussels and Moscow) find themselves under a growing influence emanated from those actors which are interested and able to “play on the margin” in their own ways. A set of rather nuanced and balanced policy frameworks that have emerged at the vicinity of Pskov and Novgorod offered even more inclusive opportunities for trans-border interactions. Both of these Russian border localities have something in common with different patterns of trans-national regionalism being developed at Europe's margins.

According to one set of opinions, there is a certain degree of exclusion present in both the Northern Dimension (ND) and the Eastern Dimension (ED). This vision is based on the understanding of “dimensionalism” as a by-product of the successive rounds of EU's enlargement: “the emergence of new dimensions is in a sense an (unintended) external manifestation of the limits of expanding”¹⁸¹. Yet an alternative reading is also possible: the ND is comprehended by

¹⁷⁵ Information package for participants of the round table at Moscow Carnegie Center on «Institutionalization of Public Participation and Account of Regions' Interests in Formulating the Federal Security Policy», March 16, 2004.

¹⁷⁶ <http://www.ctc.ee>

¹⁷⁷ «Veche» web site, <http://ngo.pskov.ru/veche/index.php?topic=belmon>

¹⁷⁸ <http://www.fresta.ru/2a.htm>

¹⁷⁹ Lundqvist 2003, p.52.

¹⁸⁰ See «*Biulleten' dlia NKO*» («NGOs Newsletter»), <http://www.ngo.pskovregion.org>

¹⁸¹ Haukkala 2002, p. 2.

many in Europe as “an imagined empty space”¹⁸² which ought to be filled with concrete projects. This is why the “dimensionalist” mindset implies options and alternatives, signaling that either of them is only one of possible variants/types/models of spatial interaction between numerous actors involved. Another important asset of the ND is its potential of ironing out the distinction(s) between «the united part of Europe» and what is called «the neighborhood area». «The underlying idea of the ND is inclusiveness... In a way it is almost a replica of the Council of Baltic Sea States»¹⁸³.

The Nordic countries are important gravitation poles for Pskov and Ivangorod due to a number of reasons. For the first, these countries are rather helpful in offering assistance and services in different fields. The Nordic Council of Ministers has held some of its activities in Pskov¹⁸⁴. Secondly, the Pskov administration is interested in gaining access to sea transportation routes¹⁸⁵ and in attracting tourists from the Nordic countries (in particular, a Helsinki – Tartu – Pskov tourist road is under discussion). There are some historical reasons for this since Pskov used to be a part of the Hanseatic League and might anticipate inclusion into a project of reviving it. Moreover, Pskov is part of a Sweden-sponsored «Baltic Tigers» business promotion project¹⁸⁶, which, in the opinion of local policy makers, might make the regional economic environment more competitive and demanding.

Despite a variety of discourses, it would be fair to assume that Pskov and Ivangorod – unlike Estonia - have (re)interpreted the “Nordic message” predominantly as a story pointing to commercial and inter-cultural communications between “West” and “East”. To some extent, the “Nordic lesson” has been accepted and acknowledged in Pskov and Ivangorod in terms of reconciliation and pacification, which, historically speaking, is rather appealing taking into account that both of these cities have been many times seized and dominated by western powers, including Sweden (and Germany too)¹⁸⁷.

Another important factor influencing the surroundings of Pskov consists of the «Eastern Dimension» (ED) and the Polish policies behind this initiative. Warsaw is eager to present itself as a source of innovative approaches applicable to a variety of countries bordering on the EU. The Polish goal is believed to “demonstrate to the EU countries the diversity of the area lying in the immediate neighborhood of the enlarged EU, together with the resulting necessity to conduct a differentiated policy in that area»¹⁸⁸. Yet what kind of diversity is at stake and what role(s) Poland ought to perform in sphere of East – West communications (an intermediary, a transmitter of reforms, or something else) – these are the main interpretative questions pertaining to the Polish stand. The whole debate is about interpretation of what exactly should be meant by the policy of acknowledging the diversity among the EU neighbouring countries, and what kind of differentiation – as a key element in the future implementation of the neighborhood policy - is on the agenda.

At some point Polish spokesmen forecasted that the ED will turn even larger in scope and become more multilateral than the ND. Thus, experts from Warsaw made it clear that the enactment of the Schengen *acquis* may have a detrimental effect on the relationships of the candidate countries with their immediate eastern neighbors... They claim that the enforcement of visas will not constitute a barrier for organized crime but may potentially become an insurmountable obstacle for thousands of ordinary citizens»¹⁸⁹. In the opinion of influential Polish experts, Europe needs immigrants at a growing pace, up to 500,000 per year¹⁹⁰.

---

¹⁸² Cronberg 2003.

¹⁸³ Huisman 2002, p. 20.

¹⁸⁴ Rosbalt Information Agency, www.rosbalt.ru, 12.01.2004.

¹⁸⁵ *Molodiozh Estonii*, 27.06.2002.

¹⁸⁶ Rosbalt Information Agency, www.rosbalt.ru, 05.09.2001.

¹⁸⁷ http://bn.bsn.ru/articleshow.shtml?481_3

¹⁸⁸ Gromadzki and Osica, 2002.

¹⁸⁹ Boratynski and Gromadzki, 2001.

¹⁹⁰ Iglicka 2003.

Pskov's administration has some useful connections with Poland, and has attended the Krynica Economic Forum to be able to inform about Pskov's intentions to be considered in the context of Eastern and Central European regionalism as well¹⁹¹. Pskov and Bialostok are twin cities, and the Catholic parish in Pskov is administered by a Polish priest. Yet politically speaking, the importance of Pskov for the "Eastern Dimension" may be somehow related to Poland's interest in having its say in eventual political transformation in Belarus. It is hard to say whether the "Pskov – Minsk axis" may be regarded as a factor facilitating Poland's strategy. According to a geographical interpretation found on the official web site, Pskov's territory is situated at the intersection of two cultural sub-regions – the north gravitates more to the Baltic and Nordic Europe, while the southern one has much in common with Central Russia and Belarus¹⁹². For governor Evgenii Mikhailov, Russia and Belarus are but "one country, one people"¹⁹³, a contestation highly questionable both from legal and foreign policy points of view but quite rewarding in terms of domestic consumption. However, Pskov's interest in Belarus stretched far beyond identity-related issues in encompassing economic considerations as well, especially against the background of growing attractiveness of Belarus as a transit country due to existing procedural complexities in Russian – Latvian and Russian – Estonian borders.

The idea of "dimensionalism" (either in its "Northern" or "Eastern" formats), as applicable to the areas of EU – Russia's direct touch, has much to do with the idea of Europe as an entity consisting of a set of "Olympic rings" (i.e. more horizontal, network-oriented, and regionspecific). The EU seems to be interested in using "dimensionalist" frameworks to transform Russian border regions in a way that may be beneficial for the EU. "Dimensionalism" thus becomes a new type of a policy of accommodation and reformation of the "Euro-East" to the extent that it could become acceptable partner of the "European core". Therefore, "dimensions" offer to Russian regions some perspectives of moving "from the outside towards the inside" and through inclusion-laden articulations incite "the learners" to join "the European self"¹⁹⁴.

To conclude this chapter, it has to be noted that there are some opportunities embedded in Pskov's relations with the ND- and ED-related countries, but the scope of roles that may be tried by this Russian region is rather limited. Both dimensions offer some chances to the Pskov oblast, yet a number of factors restrain its possibilities to "play on the margins". In terms of political attention, Pskov certainly loses to other Russian regions located at the doorstep of the EU, including St. Petersburg, Kaliningrad, and Karelia. The matter of fact is that Latvia and Estonia, two of Pskov's Baltic neighbours, basically employ strategies of exclusion that will be discussed below in more details. The strategy of marginality, therefore, faces serious challenges and constraints, the most important of which appears to be exclusionary perceptions of Russia and its territories strongly embedded in the dominant European attitudes.

---

¹⁹¹ *Pskovskaya Pravda – Veche*, 11.09.2003.

¹⁹² www.pskov.ellink.ru/geo/lend/index.html

¹⁹³ Official web site of Pskov oblast administration, www.pskov.ru/comments/020401.html

¹⁹⁴ Wennersten 1999, pp. 273-281.

2. The Story of Provinciality:

Inward-oriented Identity Markers

Understanding oneself as a province is rather different from comprehending oneself in terms of a margin. The discourse of provinciality places the region in a domestic context. This is done through rediscovering the local identity as compared and even contrasted with other Russian cities, including Moscow, St.Petersburg and Novgorod. Before further elaborating on this perspective, let me address the issue of whether the external actors allow sufficient room for Pskov to stay on a marginality track. What I will try to argue is that the policies of the European countries, including the two Baltic neighbours of Pskov, is one of major factors preventing this Russian region from developing as a margin and, concomitantly, pushing it to provinciality domain.

2.1. EXCLUSIONARY EUROPEANIZATION?

The “Europeanization approach” - seen from regions like the Pskov oblast - raises a number of substantial issues. First of all, the dominant European attitudes as to a whole set of Russian – Estonian and Russian – Latvian border troubles have to be viewed through a wider geocultural perspective. In this context, the policy of the EU can be interpreted as stimulating the formation of a collective identity between the Baltic states and the Europe's core “through a (re)construction of boundaries between the European/Western inside and outside”¹⁹⁵. The EU in fact breaks up and diversifies what could have been called “the East” into a more developed Central / Baltic Europe and less developed Eastern periphery, the latter to be treated as a subject only to the extent to which it conforms to the so called 'western values'. To follow the logic of Merje Kuus, one can distinguish between “Europe's internal East”¹⁹⁶, and its “external East”, with the boundary between the two roughly coinciding with the Russian – Latvian and Russian – Estonian borders.

The EU seems to have a number of reasons to recourse to a verbal “othering” of Russia. In cultural terms, as Sergei Medvedev argues, “the historical lack of an institutional relationship with the Orthodox East shapes a specific exclusive mentality within the EU, a subconscious reluctance to open up the integration project”¹⁹⁷. The EU frequently adheres to the argument of an allegedly non-European background of Russia: for example, having stated in 2000 that the intra-European split is over, the European Parliament has explicitly alluded to Russia's de facto exclusion from what is considered to be an integrated Europe. The main reasons for this are to be found in alleged bad governance, ineffectiveness of the local industries and widespread corruption.

Against this background, the Pskov oblast and the town of Ivangorod are certainly located on the other side of what could be symbolically called “Europe Proper”. Russian localities would in such a context be described as “forgotten outskirts” of an “improperly looking and chaotic” Russian space. The Estonian Narva and the Russian Ivangorod are thus viewed as contrasting with each other like “the earth and sky, an economic miracle and military disaster”¹⁹⁸. This is a typical version of the media-driven exercise in “othering”: “The Estonian side (Narva. – A.M.) ... is a clean, industrious town of 80,000 with boutiques, newly paved streets and McDonald's. The Russian side (Ivangorod. – A.M.) ... is shabby and potholed and has no big Macs... While Ivangorod languishes, Narva showcases a success story... Narva is so wonderful, so much better developed and Western-feeling compared to Ivangorod”¹⁹⁹. That sort of black-and-white style implying exclusion ignores the fact that Narva has a “reputation as a criminal capital” and “a city

---

¹⁹⁵ Wennersten 1999, p. 273.

¹⁹⁶ Kuus 2004, p.9.

¹⁹⁷ Medvedev 1998, pp. 44-61.

¹⁹⁸ *Die Tageszeitung*, May 30, 2001, www.inopress.ru/print/archive/2002/05/30/13:15:49/arc:taz:peace

¹⁹⁹ Tarm 2001.

with no future”²⁰⁰. Yet even against the background of this gloomy appraisal, the guilt for this alleged state of affairs may however exclusively be ascribed to the Russians. The Russian community of Narva is depicted in the Western media as one of being “unable to learn Estonian language”, “drug- and alcohol-addicted”, “incapable of figuring out what is going on”, “not willing to get out of the morass”, and serving as a mediator in all kind of illegal trade operations²⁰¹. The Russian side of the borderland is regarded as a “deserted periphery” full of homeless people that have to be treated with a certain degree of leniency²⁰².

The argument that sheds some critical light on the Europeanization thesis is that the regions bordering on the EU – arguably as a discursive reaction to the exclusionary policies practiced by some of EU countries – are not themselves inclined to define their geo-cultural images in strict Euro-centric terms. For example, one of the strongest and most appealing metaphors pertaining to the Kaliningrad oblast's future consists of “the Baltic Hong Kong”, and the Pskov governor has deliberately compared his region with Japan having in mind a strategy of applying the best of outside experiences on the local soil.

2.2. ESTONIA'S AND LATVIA'S VERSIONS OF EXCLUSION

In this part of my paper I will dwell upon the power that the margins on the EU side might have in granting recognition or not to the claimed status of Pskov. Estonia and Latvia develop their own “marginality strategies” that, in my view, seem to tend towards more modern discourses of “othering”. To a certain degree one margin may thwart the attempts of the other²⁰³.

In the Russian border discourse, it is not rare that Estonia and Latvia, as countries having a contestable practice as to the treatment of ethnic minorities, are contrasted with the EU as the allegedly ultimate authority that may impact these Baltic countries to abide to various democratic and human rights norms. There is a surprisingly rare unanimity among the Russian commentators that the policy of a «cultural distancing» (if not “cultural revenge”) turned against the Russian-speaking residents conflicts with the European humanitarian legislation. In other contexts one can come across rather strong appeals to the U.S. (to downplay Estonia's intransigent criticism of Russia's military operation in Chechnya) and to NATO (to compel Tallinn and Riga to improve its relations with Moscow and, presumably, even concede to some of the Russian demands in trans-border relations). Sometimes Russian analysts lump the Western countries – along with Russia – into the same group of actors that have to “contain the Baltic offensive”²⁰⁴.

Exclusion as a form of shaping the identity implies different patterns of distancing and borderstrengthening, from temporal (Russia is perceived in Estonia and Latvia as a country unable to get rid of its malign past, still struggling with the historical «demons» that the Balts have themselves successfully defeated and left behind) to geo-cultural moves (the cultural gaps between Protestant Estonia and Latvia, on the one hand, and Catholic Lithuania, on the other, fade in comparison to the cleavages between all three Baltic countries and mainly Orthodox Russia). The implementation of a “policy of exclusion” may take different forms. It appears that the elites of the Baltic states are committed to rather stringent ways of excluding Russia from their “circle of trust” not only culturally but also in an administrative sense, while Russia recourses to somewhat softer forms of exclusion that are basically intellectually and/or mentally rooted. Perhaps, the Russian military discourse – in comparison with more balanced discourses pertaining to the mainstream academic and political communities – contains the harshest attitudes to Estonia and Latvia, the two countries that are stigmatized in the “Krasnaya zvezda” newspaper (which is an

---

²⁰⁰ Roman 2003.

²⁰¹ *Le Temps*, December 7, 2000, www.inopressa.ru/print/archive/2000/12/07/16:01:09/arc:letemps:peace

²⁰² Donat, Klaus-Helge. New and Old Fortresses (translated from German), *Die Tageszeitung*, www.inopressa.ru/print/archive/2002/05/30/13:15:49/arc:taz:peace

²⁰³ I am thankful to Christopher Browning for helping me with clear formulation of this thesis.

²⁰⁴ Trynkov 2000.

official media outlet of the Russian Defense Ministry) as pseudo-democratic, discriminating, challenging Russia and untrustworthy²⁰⁵.

Yet, even having deep disagreements with its western neighbours over a number of political and security issues, Russia has never seriously revoked – one may argue - its centuries-long European commitments. Russia's discursive strategy of “soft exclusion” and border-drawing may take the form of labeling the Baltic states “false Europe”, implying that they, in Russian eyes, do not match the “real” European criteria as belonging to the treatment of minorities and human rights protection. According to Russian conceptualization, Estonia and Latvia are geo-culturally placed into the category of “false Europe”, albeit, as Viacheslav Morozov anticipates, with some potential of moving towards becoming a part of ‘true Europe’²⁰⁶.

The paradox is that it appears to be mainly Russia, with its scant and somewhat unconvincing record of openness and freedom of movement, that has pushed for less restrictive and more inclusive/de-bordering solutions (the economic argument here seems to be rather important: the Russian border regions are keenly interested in attracting shoppers and tourists from the neighboring countries that are priced significantly higher²⁰⁷). In the meantime, the countries with arguably more liberal traditions of policy-making, tend to opt for a prioritization of border safety over transparency and cooperation. One of the feasible explanations for this seemingly paradoxical state of affairs is that the Baltic countries, having identified themselves with the democratic “club of nations”, do not feel obliged to build their relations with those actors who do not belong to this “club” on the basis of liberal approaches. Besides, Russia itself has done little to persuade its western neighbors that it deserves the same treatment as the EU countries. Another possible explication suggests that the “open borders” agenda is not that much linked to the liberal mindset but rather stands out as an instrument of those countries that wish to join what could be called “a space of attraction”. It is indicative, for example, that Estonia having consistently established a full-fledged visa regime with Russia, granted in the beginning of 1990s a visa-free access to its territory for U.S. citizens, although it failed to gain reciprocity from the American side²⁰⁸.

In a way, all major strategic aims that both Latvia and Estonia were painstakingly aspiring to push through during the 1990s (EU and NATO membership), were in 2004 formally achieved. This, then, raises the fundamental question of how the foreign policies of these two countries will look like in the post-accession era. One of the most logical and natural priorities would be for them to reinvigorate their Eastern policies in terms of investing more efforts and resources into building a new type of relationship with Russia and its western regions. Yet, in practice, many voices from the Estonian and Latvian side keep supporting the divisive “noexceptions-for-Russia” policy. Estonia is discursively presenting itself as a “model pupil” of Europeanization²⁰⁹, but by and large this country (as well as Latvia) has failed to become a generator of positive impulses for the adjacent Russian territories. “The Estonian ‘mental window’ has been more open to the North and West than to the East”²¹⁰, and the Estonian security identity has been initially constructed as being under threat. A group of Estonian intellectuals claimed in “Postimees” newspaper in 2003 that Estonia’s historical service to the West consists of holding the border of the European civilization during thousands of years²¹¹. There is hence little surprise that Estonia is one of those countries where the Huntingtonian ideas of the “clash of civilizations” appear to have found a fertile ground (with some exceptions from this dominating trend, of course²¹²). Ac-

---

²⁰⁵ See, for example, a series of publications of Alexei Liaschenko: “NATO osvaivaet Pribaltiku” (NATO settles in the Baltic), October 29, 2003; “Bazy NATO v Baltii” (NATO Bases in the Baltic Sea), March 13, 2004; “Tallinn ne vypolniaet obiazatel'stv” (Tallinn fails to fulfill its obligations), February 19, 2004 ; « Baltiiskiy vyzov » (The Baltic Challenge), January 30, 2004.

²⁰⁶ Morozov 2004.

²⁰⁷ *Molodiozh Estonii*, 05.01.2004, www.moles.ee/04/Jan/05/1-1.php

²⁰⁸ Regnum Information Agency, 24.03.2004, www.regnum.ru/forprint/236699.html

²⁰⁹ Raik 2003, p.34.

²¹⁰ Berg 2001, p.271.

²¹¹ Kuteinikov 2004.

²¹² For dissidents' voice see: Lepik 2004.

cording to Stefano Guzzini, “Huntington's fault line between Western Christianity and the rest has become a major issue in the identity imagination”²¹³ of Estonia and, perhaps, to a lesser extent in Latvia as well. In Pami Aalto's interpretation, Estonia is quite sensitive to issues pertaining to its eastern border. This is so because the whole debate has not been that much about the territories as such (the pieces of land contested by Tallinn in the beginning of 1990s lack strong economic potential and are mostly populated by ethnic Russians), “but about the perception of the Estonian elites that the Tartu Peace Treaty, with all its clauses on Estonia's borders, was the 'birth certificate' of Estonia”²¹⁴, i.e. relates to Estonia's understanding of itself.

The close cultural association with Finland has been understood in Estonia in a similar divisive and exclusionary way, even if this appears to be in contrast to the Finnish ideas pertaining to the Northern Dimension as seen from de-bordering perspectives. The conceptualization of a “post-modern North” as a “post-sovereign” meeting place and “the third space” skipping the East – West gaps by moves of social de-bordering, was either misread or rejected in Estonia. Estonia's orientation towards Finland might in many spheres – from arts to trade - have been beneficial in terms of fostering and enhancing trans-border cooperation²¹⁵. However, despite what is labeled Estonia's “exclusive relations with Finns”, Tallinn has failed to share one of most important elements of Finnish foreign policy – the non-alignment exemplified in the unwillingness to join NATO, at least in the foreseeable future. Even the cultural arguments – like Finno-Ugric language and folklore shared with Finns – are often used by Tallinn in divisive geopolitical terms, as instruments that “helped Estonians maintain an inner distance from the Soviet-Russian forms of everyday practices”²¹⁶. The arguments of this sort are apparently inconsistent and sound weak due to the mere fact that a significant segment of the Finno-Ugric world lives alongside and within Russia, which implies the necessity of inclusive approaches to the issues of cultural identity (one may note here that the name of Pskov is believed to be of Finno-Ugric origin). Departing from an assumption that the world might relatively smoothly be divided into opposing geo-cultural dichotomies (like “Western individualism” vs. “Eastern collectivism”), some of the mainstream Estonian analysts and opinion-makers seem to choose facile answers to much more complicated challenges. Parenthetically it could have been also mentioned that the Estonian state, being geopolitically very much U.S.-oriented, failed to borrow and reproduce such basic elements of American social policy as cultural integration of minorities and, when appropriate, bi-lingual arrangements.

Another interesting twist is that in spite of fixing the geo-cultural and political barriers with Russia, Estonia and Latvia tend to accentuate the “southern vectors” in their policies. Prior to 2004 the attention of these two countries was overwhelmingly focused on accession to NATO and EU, while afterwards Riga and Tallinn have reoriented their foreign strategies to play the roles of promoters of democracy in Ukraine, Belarus and even the Caucasus/Black Sea region. Downplaying Russia's belongingness to the European civilization, the two Baltic states appear to display a rare inclination of promoting European values in Azerbaijan, Georgia and Armenia, the countries that are even further away from Europe not only geographically but also in cultural terms.

It is of little surprise then that the Latvian and Estonian policy makers can hardly find a common language with Russian politicians of nationalist tapping; what is really remarkable is the extent of fundamental disagreements between the elites of these Baltic states and the Russian liberal political community. At the core of divergences rests Latvia's and Estonia's (mis)perception of Russia as a straight-forward extension of the USSR. This is very much in conflict with Russia's self-perception as a country that got rid of the Communism exactly the same way as the Balts did. According to the liberal interpretation of Russia's identity, all post-Soviet countries were in a way victims of the Communist tyranny, and Russia deserves much

---

²¹³ Guzzini 2004, p. 14.

²¹⁴ Aalto 2001, p. 48.

²¹⁵ Vihalemm 1997, pp. 139, 145, 148, 151, 161.

²¹⁶ Lauristin 1997, p.35.

credit for its decisive contribution to the destruction of the Soviet regime. Yet the disagreements between the Russians and the Balts appear to be even wider since the Latvians and the Estonians tend to think of Russia as a loser in the Cold War and a country still bearing the historical guilt for the occupation of the Baltic states. Even most pro-democratic Russian policy makers would certainly rebuff the alternative perspectives drawn by the Latvian President for the ethnic Russians living in this Baltic country: they are expected either to “turn into the Latvians” or “go to Russia”²¹⁷. An almost anecdotic – though still rather sinister - manifestation of Estonia’s interpretation of the Soviet past as the time of the Russian occupation rather than the common tragedy could be found in the demand to give up and hand over the Novosibirsk oblast (located in Siberia) to Estonia as a “compensation for the crimes committed by the Soviet regime”. This peculiar, in the mildest terms, idea announced in May 2004 was proclaimed by the chairman of Estonia’s state committee on investigation of the Soviet repressive policies²¹⁸ and was never officially repudiated by Tallinn. Of course, some encouraging examples of common approaches could be found (for instance, in 1993 both Moscow and Tallinn were interested in preventing the political linkages between the leaders of Narva and Russian “Red/Brown” radicals²¹⁹), but these joint crossings of strictly drawn social and political borders are certainly rare exceptions.

It is this complicated policy framework that largely defines the parameters of tackling the so called “border problems” (Russians prefer, it seems, to avoid labeling them as conflicts) as related to the subject of this study. The *first* of these uncertainties deals with the dispute over the Pechory district, a territory of some 2,000 square kilometers that Estonia obtained in 1920 and lost in 1944, and which was re-claimed by Tallinn at the beginning of 1990s. By the same token, starting from 1991 Latvia has made some efforts to claim the Pytalovo district that was transferred to the Russian Federation in 1948. Thinking in economic terms, the crux consists of the control over navigation and fishing in the Chudskoe Lake, and the possession of important railway routes²²⁰.

At some juncture the government in Tallinn started to issue Estonian passports for the Pechory area residents having family ties in Estonia. This stood out in Russian eyes as one of tools for restoring the borders that Estonia deemed to be hers²²¹. The distribution of Estonian passports led to the possession of two different identity documents by a significant part of the local population (parenthetically one may note that Russia has used a similar practice in Abkhazia granting Russian citizenship to a local population that legally belongs to Georgia). The possession of two passports may speak for both the attractiveness of an Estonian citizenship and the unimportance of the passport formalities as such for a bulk of the local population.

Nowadays the debates on Pechory are, formally, discontinued due to a rational calculation from the Estonian side concerning the fact that, as the Estonian Foreign Ministry has acknowledged, “the lack of a bilaterally recognized border treaty began to affect achieving” the goals of NATO and EU memberships²²². Yet there are two uncertainties left: the first consists of the inability to conclude an official inter-state border agreement between Russia, on the one hand, and Estonia and Latvia, on the other. The second source of uncertainty pertains to the clause in the Estonian Constitution stipulating that the land border of Estonia shall be established by the Tartu Peace Treaty of February 2, 1920, i.e. a temporally devised issue of border-drawing.

The *second* contested issue is the border between Narva and Ivangorod (a part of the Leningrad oblast) which during the Soviet times used to be a united city with common infrastructure for living and joint “rules of the game”. In the European practice there are some instructive precedents of resolving similar problems (the cases of Tornio - Haparanda between Finland and Sweden and Valka – Valga between Estonia and Latvia). What would be treated as practical dis-

---

²¹⁷ *Argumenty i fakty*, N 19 (1228), May 12, 2004, http://aif.ru/online/aif/1228/08_01?print

²¹⁸ *Gazeta*, May 12, 2004, www.gzt.ru/print.gzt?rubric=novosti3&id=640500000006321

²¹⁹ Melvin 1995, p.49.

²²⁰ Chichkin 2003.

²²¹ <http://www.rtr-vesti.ru>, 01.07.2002.

²²² Estonia and Russia ... 1999.

agreements within the family of likely-minded people amounts to a principle issue in the case of Russian-Estonian relations. Both sides have managed, in the two above mentioned cases, to establish rather effective institutional frameworks for tackling the issues of bilateral concern (Provincia Bothniensis and ESTLA, correspondingly). Unfortunately, no such an institutional platform exists in case of Narva – Ivangorod.

The *third* – and most important, in my view - aspect of the border problematization contains a broad set of managerial and organizational issues (like, for example, the lengthy discussions concerning the legitimacy of the Pskov regional authorities' decision to charge the Estonian lorries for using the local roads²²³). This notwithstanding, the most important issue seems to be that the establishment of new borders augments the cognitive, affective and mental distances²²⁴ between the Pskov oblast and the neighboring Latvian and Estonian localities. Such a growing distance is indicated by the emergence of increasingly time consuming and costly procedures of border crossing (for example, Russia for quite some time imposed double taxation of the Estonian merchandise²²⁵ introduced in reaction to an alleged mistreatment of the Russianspeaking population), and even by the fact that the time zones on the two sides of the border are different.

For sure, the trans-border managerial issues are economically very demanding. The most obvious illustration may be found in the failure of the Ivangorod municipality to pay the bills for their water usage to the Narva city authorities. This then led to water shortages on the Russian side of the border and, as a gesture of retaliation, to a massive leakage of non-purified water into the Narva river²²⁶.

It is hard to say in which way(s) Estonia's and Latvia's membership in NATO is bound to affect the state of trans-border relations with Russia. On the one hand, the increased importance of geopolitical issues related to NATO's enlargement in 2004 can sharpen the divides between Russia and the Baltic states. NATO expansion was interpreted, in large segments within the Russian political community, as signaling "Russia's defeat". Pskov's governor Mikhailov has ascertained that NATO's proximity changes nothing in the Pskov region²²⁷; yet on a different occasion he presumed that there is nothing good in being located in the vicinity of a powerful military alliance that might eventually become a source of menace for Russia²²⁸. The Pskov officials, like many people in Moscow, remain convinced that by now there are no legal guarantees preventing NATO from deploying its tactical and strategic weapons in Estonia or Latvia, including the nuclear arsenals²²⁹.

The logic of securitization has resurfaces in March 2004 when Tallinn publicly accused Moscow of multiple violations of Estonia's airspace by Russian military aircrafts²³⁰. In the meantime, non-military issues might also be (re)securitized, as demonstrated by the issues of ecological security in the Baltic Sea area. It initially gained a highly conflictual profile in the dialogue between Russia and the Baltic countries, Estonia included²³¹.

By the same token, identity is a big issue to be always taken into consideration. Therefore, identity conflicts have to be treated not as one of possible stages of a conflict evolution²³² but as its more or less stable ingredients, issues that pop up in different ways and in multiple constellations. At least two of them can be singled out as relevant for further exploring. The first one consists of a merger between issue and identity conflicts. This nexus offers perhaps a proper descrip-

---

²²³ *Molodiozh Estonii*, 13.01.2004, www.moles.ee/04/Jan/13/2-1.php

²²⁴ Houtum 2000, p.69.

²²⁵ Regnum Information Agency web site, 17.03.2004, www.regnum.ru/forprint/233201.html

²²⁶ *Russkii zhurnal*, www.russ.ru/politics/articles/99-09-06-madison.html

²²⁷ Official web site of Pskov oblast administration, www.pskov.ru/iview.php?action=show&id=16

²²⁸ Evgenii Mikhailov's interview to GTRK-Pskov, 28.10.2002

²²⁹ Interview with Vadim Laptev, 04.12.2002, http://world.pravda.ru/printed.html.html?news_id=3890

²³⁰ «Rosbizneskonsalting» Information Agency web site, 24.03.2004, http://top.rbc.ru/news/daythemes/2004/03/24/24104335_pv.shtml

²³¹ Regnum Information Agency web site, 29.03.2004, www.regnum.ru/forprint/238654.html

²³² Diez et al., 2004.

tion of the Pskov-Estonian and Pskov-Latvian border relations: the identity-related divide is still there, but the political agendas usually pinpoint technical problems in the first place (like the launching of a ferry link, and the sharing of responsibilities pertaining to cargo transportation, and so forth). There exists also a combination of identity and power conflicts. Borders are usually treated as peculiar segments of the “space of power”, and seen as results of either colonization (in the Russia's East) or geopolitical struggles²³³ (in the case of the more western regions). The simultaneous usage of identity and power arguments may be proven by the Pskov security discourse which underlines the geopolitical importance of the Pechory district, initially contested by Estonia, as the western-most outpost of Russian Orthodoxy²³⁴. No less indicative is in this regard that Estonia has also used identity-related arguments in claiming the Pechory district, referring to the Setu ethnic group (called “Orthodox Estonians”), one residentially split by the border and bound to be reunited²³⁵.

2.3. REDISCOVERING PROVINCIAL IDENTITY:

DOMESTIC LOGICS OF DEBATE

As we have seen above, there are several factors that hinder Pskov's marginality policy. *Firstly*, Estonia and Latvia, the two neighboring countries, as well as the EU in general, do not always allow and encourage Pskov to play a full-fledged role of a margin. *Secondly*, Moscow is also rather suspicious as to all kind of outward activities that the region might pursue. In Kremlin these might be interpreted as moves of undermining Russia's geopolitical position and seen as being detrimental to the overall Russian security interests. *Thirdly*, as the most recent study of “Vozrozhdenie” Center reveals, despite the fact that many local experts tend to deem that the connections with the EU are the only reliable source of the region's successful development in a long run, most of regional-level decision-makers appear to have rather vague knowledge about what the EU is as an institution, what is useful in the practice of Euroregions, and how the concepts of Wider Europe or Neighborhood Policy are linked to the Pskov oblast²³⁶. Social attitudes of the Pskov oblast residents is characterized in terms of lumpenization, fear of innovations and a complex of perennial dependence on external poles of power (the former vice governor of the Pskov oblast has brilliantly expressed this “philosophy of a poor relative” by suggesting that the authorities of this region “must approach its neighbors and explain to them the perspective of having in close vicinity a hungry and underdeveloped neighbor”).²³⁷

This is why the reinvention of a provincial identity of Pskov contains a number of messages that seem to be appealing mainly to different *domestic* audiences. On the one hand, there is a strong nationalist background to be traced in numerous writings pertaining to Pskov's intellectual heritage. In particular, prince Alexander Nevsky, being one of the local heroes, is referred to as one of most appealing symbols of the emerging Russian statehood of the 13th century (despite his fidelity to the Golden Horde) in providing military resistance to the invaders from the West (Swedes and Germans in particular). The Pskov region is proud of being a home to monk Filofey, known as one of most cherished spiritual thinkers of 15th century Russia and an author of the concept “Moscow as the Third Rome”, in other words – the most loyal successor and heir of the Europe's origins. Nowadays this concept displays clear connotations with the debates on “true” and “false” Europe and Russia's positioning of itself in this dichotomy as a country that managed to preserve in purity the spirit of Europeanness lost by some other nations.

On the other hand, there are strong liberal conceptualizations embedded in today's reading of Pskov's political and social pedigree. For properly fulfilling its mission, the Pskov region's valuable democratic experience and the heritage of local self-government dating back to medieval times has to be revived as a strategy of temporal de-bordering, i.e. retrieving and revitalizing

²³³ Koroliov 2002.

²³⁴ Manakov 2002.

²³⁵ Nikiforova 2002.

²³⁶ Porog Evropy 2004, p.26.

²³⁷ Pskovskaya oblast v kontekste ... 2004.

the most precious elements of the past for the sake of dealing with current issues. In the 19th century, especially during Alexander the Second's reign, the Pskov's *zemstvo* (locally elected administrative body) was an important institution capable of exerting some influence upon the decisions taken in the Russia's capital. "The Culture of Pskov's Land" web site²³⁸ gives prominence to the traditions of charity widely practiced before the revolution in 1917 by local merchantry. Pskov is then praised for having developed such elements of market capitalism as the insurance system and the so-called Consumers' Societies (prototypes of the cooperatives). It is also believed that Pskov was the first Russian city to ban capital punishment in the middle ages, thus referring to some resources that point in a socially inclusive direction.

A good addition to the liberal interpretation of the Pskov's identity consists of its presumed tolerance, a characteristic which has to be seen in the context of multiculturalism and intensive inter-ethnic communications²³⁹. The story of the Lithuanian prince Dovmont who in the 13th century was elected the Grand Duke of Pskov, forms a reliable historical proof of the traditions of openness and cross-border tolerance in one of Russia's western-most regions. Interestingly enough, the tolerance could be interpreted in a rather gendered context, bearing in mind that in the year 903, princess Olga married in Pskov. This fact has been used to furnish the anniversary discourse with meanings consonant with feminine dignity, family values and motherhood²⁴⁰. In the meantime, religious connotations also play a role, since Olga was known as the first Russian princess to be baptized. The border-breaking quality of these narratives may be assumed.

Presumably, the search for identical markers is a reaction vis-à-vis the multiplying challenges regarding the very subjectivity of the Pskov oblast as a federative unit within Russia. There are serious economic and political tendencies that are inimical to Pskov's alleged "marginality strategy". Maxim Orlov from the Moscow-based Agency for Strategic Communications argues that the Pskov elites have missed all the options of attracting any interest to the region, even in negative sense like playing the autonomization game or using the anti-Kremlin and anti-Western rhetoric characteristic of Zhirinovskii's LDPR party which brought Mikhailov to power²⁴¹. It is not surprising to find that some experts forecast that within a mid-term perspective, the whole region will disappear as a subject of the Russian federation. This arguably takes place in order to administratively merge it with one of the more successful Russian territories. Mikhailov's administration is blamed for relying too much on the federal funds coming from Moscow²⁴², which might be explained by the fact that Pskov oblast is usually referred to as the poorest and economically most depressed region in the whole of western Russia²⁴³. Some analysts deem that from the global economical perspectives, the Pskov oblast is gradually losing its subjectivity²⁴⁴. In fact, its agriculture and food industry are apparently the only economic areas which still maintain their relatively competitiveness²⁴⁵. As a reaction to these trends, a number of public actions have been undertaken, including the establishment of the organization "The Union for the Salvation of Pskov"²⁴⁶, a move inspired by the local authorities.

In the discursive battle for an "inside subjectivity", many in Pskov wish to draw some domestic lines of cultural demarcation. One of the easy targets consists of Moscow which – as the nation's capital, according to the traditions of Russia's provincial discourse – is conceptualized as being "infected by foreign influences" and standing out as "culturally hegemonic"²⁴⁷. Historically, Pskov's attitudes to Moscow have been marked by a sort of a complex of becoming the victim - for centuries Pskov was the first town to contain the attacks of Russia's foes from the

²³⁸ <http://culture.pskov.ru>

²³⁹ *Pskovskaya pravda – Veche*, 26.06.2003.

²⁴⁰ <http://1100.pskovcity.ru/otdel/1100.htm>

²⁴¹ *Pragmatika* Bulletin for Information & Analysis, May 2003, N 5, <http://pragmatik.ru/prime/132.html>

²⁴² Rosbalt Information Agency, www.rosbalt.ru, 05.04.2002.

²⁴³ Oldberg 2000, p.13.

²⁴⁴ Mezhevich 2003.

²⁴⁵ Chesnokov 2004.

²⁴⁶ Konstantin Minaev, *Spasiteli nashi* (Our saviours), August 28, 2003, <http://pskov.com.ua/?id=225>

²⁴⁷ Smirniagyn 2000.

West, but eventually the city was neglected, allowing it to turn into “Russia's deep outskirts”²⁴⁸. Local historians seem to share the idea that the medieval Pskov – that used to be “a God’s house on the earth” - has lost its spirituality and moral uthority as soon as it gave up its independence and formed a single polity with Moscow²⁴⁹.

The accent on Pskov’s “centrality” (a substitution to any real «importance»), easily identifiable in the official regional discourse, stands out – one may argue – as another form of finding the region’s niche in different domestic contexts. For example, Vladimir Blank, the deputy governor of the Pskov oblast, has positioned this region at the “*center* of integration between Russia and Europe”²⁵⁰, while the region's chief executive himself has described it as “the *center* of a Slavic settlement”²⁵¹ located in Russia's west. According to the governor's reading, Pskov has traditionally performed the role of an innovation *center*, this referring to the opening of the first Russian bank as well as one of the first customs offices in this city. In 2003 Pskov proudly announced itself to be the “library *capital* of Russia”, turning the award gained at an all-Russia contest into a public relations campaign²⁵². Yet in another context, the officials of Pskov have tried to elevate the region's “centrality” to the level of St.Petersburg and even higher, offering a peculiar reinterpretation of St.Petersburg's history as one premised on a constant imitation of Europe through revolutionary and violent means. In contrast, the heritage of Pskov, according to this logic, is based on “reprocessing of the foreign experience and gradual adaptation of it to fit the national traditions”²⁵³. Some foreign authors joined such a “centrality discourse” by arguing, for instance, that “Pskov has played a *central* role in the long Russian tradition of resisting Western influence”²⁵⁴.

As far as more practical things are concerned, the federal center is frequently represented in the regional discourse as being more inclined to harbour a restrictive stand on border control issues, while the regional authorities, in contrast, are seen as lobbying for a more liberal approach²⁵⁵. The whole procedure of border-crossing is perceived as being bureaucratized and corrupted due to inefficiency of the Russian frontier-guards and custom officers²⁵⁶. There has also been some rare instances of lobbying for regional solutions – one of these cases consisted of the Pskov administration's support for the old proposal of passing a federal law stipulating special powers for border territories, including the right to grant customs exemptions to a selected group of merchandise. However, Kremlin has so far been quite reluctant to make any moves in this direction²⁵⁷. In particular, the turning of Pskov into a free-trade zone was never implemented due to Kremlin's resistance.

Apart from “anti-Moscow” feelings, one of most interesting elements of Pskov's identity-building consists of the attempted “cultural rivalry” with St.Petersburg, a city that does not only stand out as the administrative center of the North West Federal District, but also forms an economic gravitation pole and an incarnation of Russia's European vocation. In the local media, St.Petersburg tends to be presented as an “infant” in comparison to Pskov²⁵⁸. In one of most remarkable interpretations of Pskov's self-definition vis-à-vis and through St.Petersburg, Lev Shlosberg tries to draw the contours of an assumed «cultural revenge». In his reading, Pskov's centrality in the context of the Russian – European relations was destroyed by the appearance of St.Petersburg, a city which, arguably, still bears some symbolic guilt for the marginalization of

²⁴⁸ Belogorov, Artiom (2002), Na zadvorkakh Rossii (At Russia's Outskirts), *Panorama*, September 4.

²⁴⁹ Interview with an Orthodox priest Andrey Taskaev, *Pskovskoe agentstvo informatsii* web site, February 25, 2004, <http://infopskov.ru/interviews/12099.html>

²⁵⁰ *Chas* (Latvian newspaper), N 251 (1277), October 25, 2001.

²⁵¹ Evgenii Mikhailov's interview to GTRK-Pskov, 07.04.2003.

²⁵² *Pskovskaya pravda* – Veche, 05.01.2003.

²⁵³ Official web site of Pskov oblast administration, www.pskov.ru/iview.php?action=show&id=77

²⁵⁴ Mikenberg 2000.

²⁵⁵ Report on Pskov oblast administration, 1996-2003, www.pskov.ru/2002-2003/tourism.htm

²⁵⁶ *Gazeta* web site, April 6, 2003, www.gazeta.ru/travel/34068.shtml?print

²⁵⁷ Evgenii Mikhailov's interview to GTRK-Pskov, 27.01.2003.

²⁵⁸ «Navigator» Political Information Agency web site, www.navigator.pskovregion.org/?1&code=53&subcode=54

Pskov and the exhaustion of its resources pumped instead into the new Russian capital. Yet, in Shlosberg's interpretation, St.Petersburg – despite the preferential treatment that it currently gets from Moscow – is but a “junior brother of Pskov”. This is so as the latter was the city where Peter the Great took the decision to erect the “new (Northern) Russian capital”. The contest is watered down, however, by the argument that Pskov constituted “St.Peterburg's predecessor”²⁵⁹; but still, the Pskov anniversary celebrated in 2003 is seen as being culturally different from the festivities on the occasion of 300 years jubilee of St.Petersburg, a city that incarnates, unlike Pskov, the spirit of “imperial Russia”.

As to other, less notorious, discursive contests, one may also discern a kind of tacit competition between Pskov and Novgorod, a city that historically used to earn the somewhat negative “elder brother” reputation. The research of some of the local historians focuses on deconstructing the historical image of Novgorod as a city superior to Pskov²⁶⁰. Even the small town of Ivan-gorod has entered the identity-related battlefield by arguing that it managed to turn into “Russia's window to Europe” much earlier than St.Petersburg²⁶¹.

Closing Remarks

In this paper, I have analyzed the dynamics of the Pskov region of trying to play on its own position on the Russian border with Estonia and Latvia, and to gain subjectivity vis-à-vis Moscow, but simultaneously attempting to get a certain amount of leverage with Brussels. Having joined the group of trans-border actors, the Pskov oblast has found itself in a rather controversial though stimulating and rewarding environment, under multiple and sometimes conflicting external influences. By the virtue of its location the region of Pskov is destined to find its identity niches in a complex system of different spatial and temporal orders. It has not only to distinguish itself from those spaces where it does not seem to belong, but also to adopt the best of the “new geometries of regionalism” that pertain to Europe-building.

In this paper I have emphasized the importance of normative structures that may be seen as shaping regional actors' identity-based policies. In this sense, ideas, beliefs and values proved to be meaningful structural characteristics of all regional arrangements. All patterns of spatial and temporal ordering are about determining the rules of belonging and exclusion, of contact and separation. Subsequently, the space that surrounds the Pskov oblast resembles a multi-tier patchwork which contains “varying degrees of Europeanness and Eastness”²⁶² and harbors a considerable innovative potential to be explored further.

The ideas of “border provinciality” and “border marginality” that may eventually become an important part of the Russian regionalist discourse entail the analysis of the concepts of exclusion and inclusion that I have endeavored to develop in this paper. Both the EU and Russia are still in search for most adequate visions of their “near abroads” and most efficient instruments to influence the territories situated on the border between these two cores. What is at stake is a set of issues that includes preventing conflicts, managing diversity at the EU external borders, stimulating networking practices in multi-actor environment, and balancing inclusive and exclusive policy impulses.

Both of the discourses that I have analyzed – those on marginality and provinciality – send certain signals to the outside world and contain profound identity-related components. Concomitantly, the identity factor has strong connotations with a variety of security issues. Each of the different discourses that circulate in Russia's western regions is based on a peculiar combination of securitization and de-securitization, exclusiveness and inclusiveness, involvement and disengagement. The issues discussed above imply that identity in its desecuritized version is conducive to proliferation of inclusive practices, while a securitized identity fosters the logic of exclusion. More specifically, de-securitization as a discursive strategy can be widely applied at differ-

---

²⁵⁹ Shlosberg 2002.

²⁶⁰ Nekrasov 2003.

²⁶¹ “Krasnaya kniga krepostei” web site (“The Red Book of Fortresses”), www.rusfort.ru/encyclopedia/fort.php?name=ivangorod&part=events

²⁶² Kuus 2004.

ent junctures in the context of marginality strategy. On the contrary, a securitized discourse – making accent on protective functions against foreign transgressors - deprives the regional actors of operational space of their own and therefore fosters the inward-oriented logic of provinciality.

Both marginality and provinciality as discursive strategies are mentally constructed on the basis of certain bifurcation, or “binary identification”. Margins and provinces are two examples of zones characterized as “double belongingness”²⁶³, and in this sense they may be regarded as two sides of the same coin. However, these two strategies are different in terms of their vectors: marginality discourse is externally oriented and is by and large about borders, while provincial discourse is directed towards one’s own core. There is another difference as well: margins look for a niche of their own in-between two competing centers of power (which, in most radical version, might signify a pattern of “double non-belongingness”), while provinces tend to remain politically loyal to their own centers but at the same time manifest distinct cultural originality.

The region of Pskov, as it was shown in this paper, is rather constrained in conducting a strategy of marginality of its own and playing in two different directions. It might be assumed that a policy of exclusion practiced by the EU-related actors would most likely turn the Pskov oblast into a *province* that would have to be politically loyal to yet culturally different from the domestic core, and would reinvent its identity as a tool for *distinguishing* itself from other parts of the political entity it belongs to. Provincial type of discourse in a way abstracts and/or distances itself from the outside milieu that is implicitly assumed to be either inimical or irrelevant. This is why the extrapolation of European lifestyles and social/political standards and practices onto what constitutes a province in Russia is most likely to be met with resistance²⁶⁴. Having culturally opposed itself vis-à-vis Europe, Pskov wishes to present itself as a useful province without apparent border-breaking potential, as a hotbed of “Russianness” that may considerably contribute to the revival of national spirit in the whole country. However, Moscow seems to be not so much interested in recognizing and legitimizing such a self-ascribed role of Pskov. In fact, there is no any real discourse on Pskov in Moscow, the fact that displays a lack of any serious and systematic attention and interest to this region from the part of the federal-level elites. Moreover, a significant part of Kremlin’s decision makers that share security-centered and geopolitical approaches, seem to be rather insensitive to Pskov’s cultural mission and its identity policy (perhaps this might be called a sort of “cultural imperialism”²⁶⁵), and hence treat the Pskov oblast as a mere voiceless and existentially weak periphery, which is a dependant of Moscow yet in the same time a potential object of malign influence and interference from the outside, NATO and EU included.

Should the EU and the Russian federal center opt for more inclusive approaches to a group of border-located regions like the Pskov oblast, the chances of these regions to pursue a strategy of *marginality* – one that envisages exerting some influence upon the cores and re-shaping their attitudes and policies - would certainly soar. My assumption is that a strategy of marginality becomes conceivable whenever a region starts to treat the outside world as a source of opportunities instead of being fearful or suspicious of its neighbours. Pskov’s prospective inbetween position implies that it wishes to present itself as “a European region of Russia”, implying that can’t be separated from the EU. The story of marginality is a part of poststructuralist and – to a certain extent – anti-Wallersteinian set of conceptualizations of territoriality. Being on the margin underwrites some specific potential of having an impact upon neighboring areas. Tensions between cores and margins are inevitable, but what is most important is that a marginal position might turn into an advantage in a variety of ways. Margins always have a choice to make, and the cores are not rare to compete with each other to seek and gain their loyalties. A territory premised on marginality may enjoy greater freedom because of the mere possibility that it might exist outside the centers’ spheres of influence.

This is definitely an incentive to be considered and exploited.

---

²⁶³ Kaganskii 1996.

²⁶⁴ Barzilov, Chernyshov 2002, p.40.

²⁶⁵ Kaganskii 1997b, p.1.

References

- Aalto, Pami (2000), *The Saviour and Other Europes. Identity, Interests, and Geopolitical Images of Europe in Estonia*. Paper to be presented at the VI ICCEES World Congress, 29 July – 3 August, Tampere, Finland, panel VII-16 «Images of Europe».
- Aalto, Pami (2001), *Constructing Post-Soviet Geopolitics in Estonia. A study in security, identity and subjectivity*. Department of Political Science, University of Helsinki, Acta Politica N 19.
- Barzilov, S., Chernyshov, A. (2002), Provintsia: plody reform (Province: Results of Reforms), *Svobodnaya mysl'-XXI*, N 4.
- Berg, Eiki (2001), «Frontiers and Lines on Estonian Mental Maps», in Paul Ganster (ed.) *Cooperation, Environment, and Sustainability in Border Regions*. San Diego State University Press, Institute for Regional Studies of the Californias, pp.263-274.
- Birkenbach, Hanne-Marget (2000), *Half Full or Half Empty? The OSCE Mission to Estonia and its Balance Sheet, 1993-1999*. European Centre for Minority Issues, ECMI Working Paper 6, February.
- Blant, Maxim (2002), Pochti Evropa (Almost Europe), *Ezhenedelnyi zhurnal*, N 40, October 11.
- Boratynski, Jakub and Gromadzki, Grzegorz (2001), *The Half-Open Door: the Eastern Border of the Enlarged European Union*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, Policy Papers 2, March.
- Botes, Johannes (2003), Conflict Transformation: a Debate Over Semantics or a Crucial Shift in the Theory and Practice of Peace and Conflict Studies?, *International Journal of Peace Studies*, vol.8, N 2, autumn/winter.
- Brednikova, Olga and Voronkov, Viktor (1999), «Granitsa i restrukturirovanie sotsial'nogo prostranstva: sluchai Narvy-Ivangoroda» (The Border and Reconstruction of the Social Space: the Case of Narva – Ivangorod), Olga Brednikova and Viktor Voronkov (eds.) *Kochuyushie granitsy* (Migrating Borders). St.Peterburg, www.indepsocres.spb.ru/bredvvr.htm Coppieters, Bruno; Huysseune, Michel; Emerson, Michael; Tocci, Nathalie; Vahl, Marius (2003), *European Institutional Models as Instruments of Conflict Resolution in the Divided States of the European Periphery*. Brussels: the Centre for European Policy Studies, CEPS Working Documents N 195, July.
- Chesnokov, Valentin (2004), Mify strategicheskogo razvitiya Pskovskoi oblasti (Myths of the strategic development of Pskov oblast), *Pskovskaya lenta novostei*, April 7, <http://plnpskov.ru>
- Chichkin, Alexei (2003), «Pretendenty na rossiiskuyu territoriyu» (Challengers of the Russian territory), *Russkii delovoi vestnik*, N 10, April.
- Cronberg, Tarja (2003), *A Europe without Divides? The EU-Russia Partnership and the Case of Virtual Borders*. Copenhagen: COPRI Working Paper, <http://www.copri.dk/copri/researchers/cronberg/tc.htm>
- Diez, Thomas (2003), «Roots of Conflict, Conflict Transformation and EU Influence». Summary of initial comment, European Commission workshop, Brussels, 14 February, www.euborderconf.bham.ac.uk
- Diez, Thomas; Stetter, Stephan; Albert, Mathias (2004), «The European Union and Border Conflicts: The Transformative Power of Integration». Paper to be presented at the ISA Annual Convention, Montreal, 16-21 March.
- Estonia posle vyborov: povorot k Rossii (Estonia in the aftermath of Election: a turn to Russia) (2003). National Foreign Policy Laboratory Report, www.nlvp.ru/print/64.html «Estonia and Russia: Border negotiations completed». Estonian Foreign Ministry web site, www.vm.ee/eng/kat_176/aken_prindi/1180.html Glinskii, Dmitrii (2003), «Sovremennaya Rossia v tsentro-perifericheskoi sisteme koordinat: k postanovke problemy» (Today's Russia in center-periphery system of coordinates: a position paper), *Poliarnaya Zvezda* Journal web site, June 11, <http://zvezda.ru/print.php?area=1&id=149&sub=10>

Gromadzki, Grzegorz and Osica, Olaf (2002), *Pro-European Atlantists: Poland and Other Countries of Central and Eastern Europe After the Accession to the European Union*. Warsaw: Stefan Batory Foundation & Centre for International Relations. Policy Papers 3, www.batory.org.pl.

Guzzini, Stefano (2004), *'Self-fulfilling geopolitics'/ Or: the social production of foreign policy expertise in Europe*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, DIIS Working Paper 23, www.diis.dk

Haukkala, Hiski (2002), *A Hole in the Wall? Dimensionalism and the EU's 'New Neighborhood Policy'*. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs (FIIA) Working Papers, N 41.

Houtum, Henk van (2000), An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions, *Journal of Borderlands Studies*, vol. XV, N 1, Spring, pp.57-83.

Huisman, Sander (2002), *A new European Union policy for Kaliningrad*. Paris: European Union Institute for Security Studies, Occasional Papers, N 33, March.

Huysmans, Jef (2003), *«Minding Exceptions. Politics of Insecurity and Liberal Democracy»*. Working Paper, Department of Government and Politics, The Open University, Walton Hall, November 9.

Iglicka, Krystyna (2003), *Priorities and Developmental Directions of Polish Migration Policy*. Warsaw: The Institute of Public Affairs. Analysis & Opinions, N 13.

Ivanov, Ivan (2001), «Raschishiat' puti k zreloму partniorstvu Rossii i Evrosoyuzu» (To clean up the roads to mature EU – Russia partnership), *Sovremennaya Evropa*, N 2, www.ieras.ru/journal/journal2.2000/1.htm

Kaganskii, Vladimir (1996), *Granita kak pozitsia i predmet ponimania* (Border as a Position and an Object of Understanding). Moscow: Institute for National Economic Model, www.inme.ru/previous/Kagansky/Gr-refl.html

Kaganskii, Vladimir (1997a), *Tsentri – Provintsiya – Periferia – Granitsa. Osnovnie zony kulturnogo landshafta* (Center – Province – Periphery – Border. Basic Zones of Cultural Landscape), www.inme.ru/previous/Kagansky/4z97-ww.html

Kaganskii, Vladimir (1997b), *Metodologicheskie osnovania regional'nogo analiza kak kul'turnoi praktiki* (Methodological Foundations of Regional Analysis as a Cultural Practice). Moscow: Institute for National Economic Model, www.inme.ru/previous/Kagansky/Regiony.ht

Koroliov, Sergey (2002), «Kraia prostranstva» (The Edges of Space), *Otechestvennye zapiski*, N 6 (7).

Krashevskii, Andrei (2003), «Nuzhen li rossiisko-estonskii evroregion?» (Is the Russian-Estonian Euroregion necessary), *Pskovskoe agentstvo informatsii*, February 4, <http://informpskov.ru/print/5542.html>

Kuteinikov, Alexander (2004), *Rossiisko-estonskaya granitsa posle rasshirenia NATO i ES i revansh fashizma v Estonii* (Border between Russia and Estonia in the aftermath of NATO's and EU's enlargement and the resurrection of fascism in Estonia). Internet conference "Contemporary Russia and the World: Alternatives of Development: Trans-boundary Cooperation and the Issues of National Security", www.auditorium.ru

Kuus, Merje (2004), «Europe's Eastern Expansion and the Re-inscription of Otherness in East-Central Europe». *Progress in Geography* (forthcoming).

Lauristin, Marju (1997), «Contexts of Transition», in Marju Lauristin and Peeter Vihalemm (eds.) *Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition*. Tartu University Press, pp.25-40.

Lepik, Lauri (2004), Stability in the Neighborhood – a Challenge for the New EU and NATO Members, *Eurojournal*, February, www.eurojournal.org

Lundqvist, Anastasia (2003), *Contemporary Russian Environmental Policy: Problems, Players and Priorities. The Case of Pskov region and environmental agenda setting process*. Master Thesis, Department of Management and Economics, Linköping University, May.

Madison, Andrey (1999), «Razdelka sushi i razdel vody» (Partitioning the land and delineating the water), *Russkii zhurnal*, August 30 – September 6, www.russ.ru/politics/articles/99-09-06-madison.html

Manakov, Andrey (2002), *Faktor granitsy v zhizni naselenia Pechorskogo raiona Pskovskoi oblasti* (The Border factor in the life of the Pechory district residents, Pskov oblast), St.Petersburg Sociological Portal, www.indepsocres.spb.ru/manak_r.htm

Manakov, A.G. and Kulakov, I.S. *Istoricheskaya geografia Pskovshiny: naselenie, kultura, ekonomika* (Pskov oblast's historical geography: population, culture, economy). Moscow: LA «Variag», pp.124-149.

Margelov, Mikhail (2003), «Natsional'naya ideya rozhdaetsia ne v kabinetakh» (The national idea can't be conceived in the cabinets), *Pravda.Ru*,

http://politics.pravda.ru/printed.html?news_id=11156 McCain, John (2001), From Tragedy to Destiny: Estonia's Place in the New Atlantic Order. The Robert C. Frasure Memorial Lecture. Tallinn, August 24,

http://mccain.senate.gov/index.cfm?fuseaction=Newcenter.ViewPressRelease&Content_i

Medvedev, Sergei (1998), Catholic Europe, marginal Russia, and postmodern North. An essay on the origins and limits of the European project. Helsinki: Finnish Institute for International Studies, «*Northern Dimensions*», N 1.

Melvin, Neil (1995), *Russians Beyond Russia. The Politics of National Identity*. London: the Royal Institute of International Affairs.

Mezhevich, Nikolai (2003), «Pskovskaya ekonomika v kontekste Severo-Zapada i Rossii» (Pskov's economy in the contexts of North West and Russia as a whole), *Pragmatika*. Bulletin of Information & Analysis, N 5, May.

Mikenberg, Eero (2000), «*Pskov, Leningrad Region and Estonia: Trans-border Cooperation or Competition*». The paper presented at a conference organised by the Scottish Centre for International Security (SCIS) at the University of Aberdeen in February 2000, www.pims.org/Events/Projects/CSRC/f69-gph.htm

Mikenberg, Eero (2004), «Euroregion versus Council for cooperation of border regions». *Working paper*, DCEES, University of Glasgow.

Miniotaite, Grazina (2003), Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states, *Cambridge Review of International Affairs*, vol.16, N 2, July, pp. 209-222.

Mitrofanova, Eleonora (2004), Sootechestvennik – poniatie poka nevniatnoe (Compatriot is Still a Fuzzy Word), *Nezavisimaya gazeta*, April 5, http://ng.ru/printed/courier/2004-04-05/9_mitrofanova.html

Morozov, Viacheslav (2004), «Russia in the Baltic Sea Region: De-securitization or Resecuritization », *Cooperation and Conflict*, September (forthcoming)

Nekrasov, Sergei (2003), Feodal'naya respublika Pskov (Pskov, the feudal republic), *Nezavisimaya gazeta*, April 23.

Nikiforova, Elena (2002), *Granitsa kak faktor formirovania etnicheskoi obschnosti?* (Is the border an ethnicity-forming factor?). *St.Petersburg Sociological Portal*, www.indepsocres.spb.ru/nikif_r.htm

Oldberg, Ingmar (2000), *Russia's western regions and Moscow. A comparative note*. Paper for the Fifth Annual ASN Convention «Identity and the State», Harriman Institute, Columbia University, 13-15 April.

Parker, Noel (2000), 'Integrated Europe and Its 'Margins': Action and Reaction', in Noel Parker and Bill Armstrong (eds.) *Margins in European Integration* Macmillan Press and St.Martin Press, pp. 3-27.

Porog Evropy (Europe's Threshold, 2004). Edited by Lev Shlosberg. Pskov: Vozrozhdenie Center. Pskovskaya oblast v kontekste rasshirenia Evrosoyuza: obstoyatelstva, vyzovy, vybor strategii razvitia (2004) (The Pskov oblast in the context of the EU's enlargement: circum-

stances, challenges, and selection of the developmental strategy). Round table in St.Petersburg, May 20, www.rosbalt.ru

Rail, Kristi (2003), *What Kind of Democracy, Whose Integration? Construction of democracy and integration into the EU of Estonia*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs Working Paper, www.upi-fiia.fi

Roman, Steve (2003), «EU membership will complicate life in town on border with Russia», *The Washington Times*, July 6, www.washingtontimes.com

Scott, James Wesley (2002), «Transnational Regionalism as Paradigm and Political Reality: Consequences for Comparative Research and Co-operation Praxis», in Lars Hedegaard and Bjarne Lindstrom (eds.) *The NEBI Yearbook 2002/2002*. Springer & Nordregion, pp. 179-196.

Schedrovitskii, Piotr (2000), Russkii mir i transnatsional'noe Russkoe (The Russian World and the Trans-national Russian), *Russkii zhurnal*, March 2, www.russ.ru/politics/meta/20000302_schedr-pr.html

Shlosberg, Lev (2002), O chom prazdnik? (What is the jubilation about?), *Pskovskaya gubernia*, July 17-24.

Smirniagyn, Leonid (2000), Provintsia i stolitsa (Province and Capital), *Obshaya tetrad'*, N 15 (1). Moscow School of Political Research web site, <http://pubs.msps.ru/news/news90.html>

Smith, David (2001), *Cultural Autonomy in Estonia. A Relevant Paradigm for the Post-Soviet Era?* Department of European Studies and Baltic Research Unit, University of Bradford, Working Paper 19/01.

Tarm, Michael (2001), «Baltic States feel meshed with the West», *The Associated Press*, August 25, www.canoe.ca/CNEWSFeatures0108/25_baltic-ap.html

Trynkov, Anatoly (2000), «Estonia nadeetsa na Putina» (Estonia relies upon Putin), *Nezavisimaya gazeta*, May 4.

Vihalemm, Peeter (1997), «Changing National Spaces in the Baltic Areas», in Marju Lauristin and Peeter Vihalemm (eds.) *Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition*. Tartu University Press, pp.129-162.

Virkunen, Joni (2002), *Discourses, Boundaries and Scales. Estonian Territorial Politics in the 'New' Europe*. Tampere: Acta Universitatis Tamperensis 856.

Wennersten, Peter (1999), «The Politics of Inclusion. The Case of the Baltic States». *Co-operation and Conflict*, vol. 34(3), pp. 272-296.

Williams, Michael (2003), «Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics», *International Studies Quarterly*, 47, pp. 511-531.

The EU and Kaliningrad - Executive Summary

This study aims at examining how the Euroregions concept can contribute to the solution of the Kaliningrad problem and promotion of the 4Fs (freedom of movement of people, goods, services and capital) in the Baltic Sea area.

There are both opportunities and barriers to the 4Fs in the region. Among the most compelling needs constraints on the mobility of people, trade barriers, hindrances to investment, under-developed transport and border infrastructures, and institutional/societal problems should be mentioned. Along with the national level the local government could be helpful in solving these problems. Cooperation between local governments of the neighboring countries (including Kaliningrad) within the Euroregions framework could be an important instrument for the promotion of the 4Fs in the region.

Currently, Kaliningrad participates in five Euroregions (Baltic, Saule, Neman, Lyna-Lava and Sesupe). However, most of them are inefficient and reduced to the so-called bureaucratic tourism. To improve the situation it is recommended:

To make the concept of the EU-Russia four common spaces more differentiated, flexible and friendly to various regionalist-minded initiatives and projects.

A grass-root/networking-type of activities should be encouraged in the Euroregions to make them a bottom-up-type process rather than a top-down project.

Kaliningrad should be given a special status within the Russian Federation with more powers in areas such as foreign economic activities, customs, tax and consular policies.

The EU and Russia should reinvigorate the project by making Kaliningrad a 'pilot' region. Particularly, Kaliningrad could be made a testing ground for initiatives such as EU-Russia Common Economic Space and Free Trade Area.

A better division of labor should be established between the Euroregions.

To support Euroregion activities the interoperability of various EU cooperative programs and instruments should be improved in the new institutional framework of the European Neighborhood Policy (ENP)/Four EU-Russia Common Spaces.

A proper legal basis for the Euroregions with Kaliningrad/Russian participation should be established.

The Euroregions problematique should be discussed on the regular basis not only but Russia/EU/local bureaucracies but also NGOs, mass media and academic community.

Background

Kaliningrad is a Russian enclave on the Baltics located between Lithuania and Poland. It is a unique region due to its both history and geopolitical location. Being Stalin's trophy after the World War II during the Cold War period the region was perceived as an important Soviet military outpost in the confrontation with NATO. It was one of the most highly militarized areas in Europe.

With the end of the Cold War and demise of the Soviet Union the formidable military structure in the region was dismantled. Kaliningrad was open for international cooperation and has one of the most liberal economic, customs and border/visa regimes in the Russian Federation.

The EU enlargement has both posed challenges to Russia and opened up new horizons for its integration to Europe. The bright side of the current situation is that Kaliningrad (being surrounded by the EU countries) is a natural partner for the EU to cooperate in areas such as economy, trade, transit transportation, environment protection, research and education, etc. Numerous collaborative projects have already been implemented over the last decade. The institutional framework for such a cooperation has been established and a lot of positive experience has been obtained. Kaliningrad enjoys the reputation of the 'pilot region' in the EU-Russia relations.

On the other hand, numerous barriers to 4Fs still remain in the area. Among the most compelling needs the following problems should be mentioned:

Constraints on the mobility of persons. The 2003 introduction of the visa regime first of all affected the border area residents in Kaliningrad, Poland and Lithuania who had strong socio-economic ties to neighboring regions (10% of them depended on the cross-border shuttle trade). The 2002 EU-Russia agreement (established the Facilitated Travel Document system) has eased the problem of traveling to and from Kaliningrad via Lithuania. However, this document (1) did not cover the transit via Poland (for some travelers it's easier to go via this country) (see the map below); (2) was of temporary character (valid till Vilnius formally joins the Schengen *acquis*) and no permanent solution is suggested so far; (3) allowed transit with Russian internal passports only till 31.12.2004 and required international passports (while it's a problem for the Russian authorities to provide one million Kaliningraders and several million region's guests with such documents), and (4) the feasibility study on the introduction of a visa-free non-stop train via Lithuania has not yet been done.

Trade barriers. Although EU and Russia aim at creating a Common Economic Space and have already undertaken some steps to liberalize the bilateral trade regime there are still a lot of obstacles to cross-border trade in goods and services, including high customs and transit tariffs, non-tariff discriminatory practices, differences in standards, incompatibility of trade, bank, audit and book-keeping regulations, bureaucratic formalities, corruption, etc.

Hindrances to investment. The chronic underinvestment hampers economic reforms in Kaliningrad. The following factors cause the problem: the lack of (1) even and transparent system of government licensing, inspections and authorization; (2) EU-Russia regulatory compatibility and convergence; (3) progress in demonopolizing sectors providing utilities - power, gas, railways and oil transportation; (4) adequate financial services; (5) simple and coherent tax system; (6) good corporate governance, and (7) the effective rule of the law (i.e. stricter enforcement of rules and the judiciary independent from the executive).

Underdeveloped transport system. The existing energy (gas and oil pipelines, electricity networks), transport (highways, railroads, harbors and airports) and telecommunication networks do not cater to the 4Fs needs and should be modernized.

Underdeveloped border infrastructure. Kaliningrad's contacts with neighboring countries are hampered by slow border crossing formalities and infrastructure bottlenecks at the 23 international road, rail, air and sea border crossing points of the region. Such bottlenecks also entail the increase of criminality in the border areas. To eliminate these bottlenecks new (especially road) border-crossings should be constructed and the existing ones should be modernized.

Institutional/societal problems: (1) the lack of modern public administration and civil service, both at federal and regional levels, and slow pace of the administrative reform (abolition of overlapping government functions, revamping of intra-governmental fiscal relations, anticorruption measures); (2) the erosion of human capital (the growing brain drain, the deterioration of the education and health system and inequality of access to public services), and (3) underdeveloped civil society institutions. Without solving these problems, enhancement of the 4Fs is hardly possible.

To solve these problems a joint effort of various actors at different levels is needed. To date both Russia and the EU preferred to focus on the intergovernmental or supranational levels ignoring the role of the local government.²⁶⁶ The cooperation at the subnational level is underdeveloped. Meanwhile, it became a commonplace to ascertain that micro- and mezo-levels are crucial for establishing horizontal networks and serve as a solid basis for the mechanism of interdependency (see a chart below). For example, the Euroregions project (based on the local government's engagement) is an important instrument for cooperation at the local level both within the

---

²⁶⁶ The Kaliningrad problem has attracted a great deal of attention from the world research community (see the *bibliography*). However, specialists preferred to focus on the intergovernmental or supranational levels ignoring the role of the local government. Few works have been devoted to the cooperation at the level of subnational authorities (Bilczak 2002; Fairlie 2000; Klemeshev 2002 and 2004; Vasilenko 2004).

EU and between the Union and its neighbors. As the European experience demonstrates Euroregions is an efficient tool for solving transborder problems and overcoming socio-economic and cultural disparities between neighboring regions. It could be a promising venue for subregional cooperation and promoting the 4Fs idea in case of Kaliningrad as well.

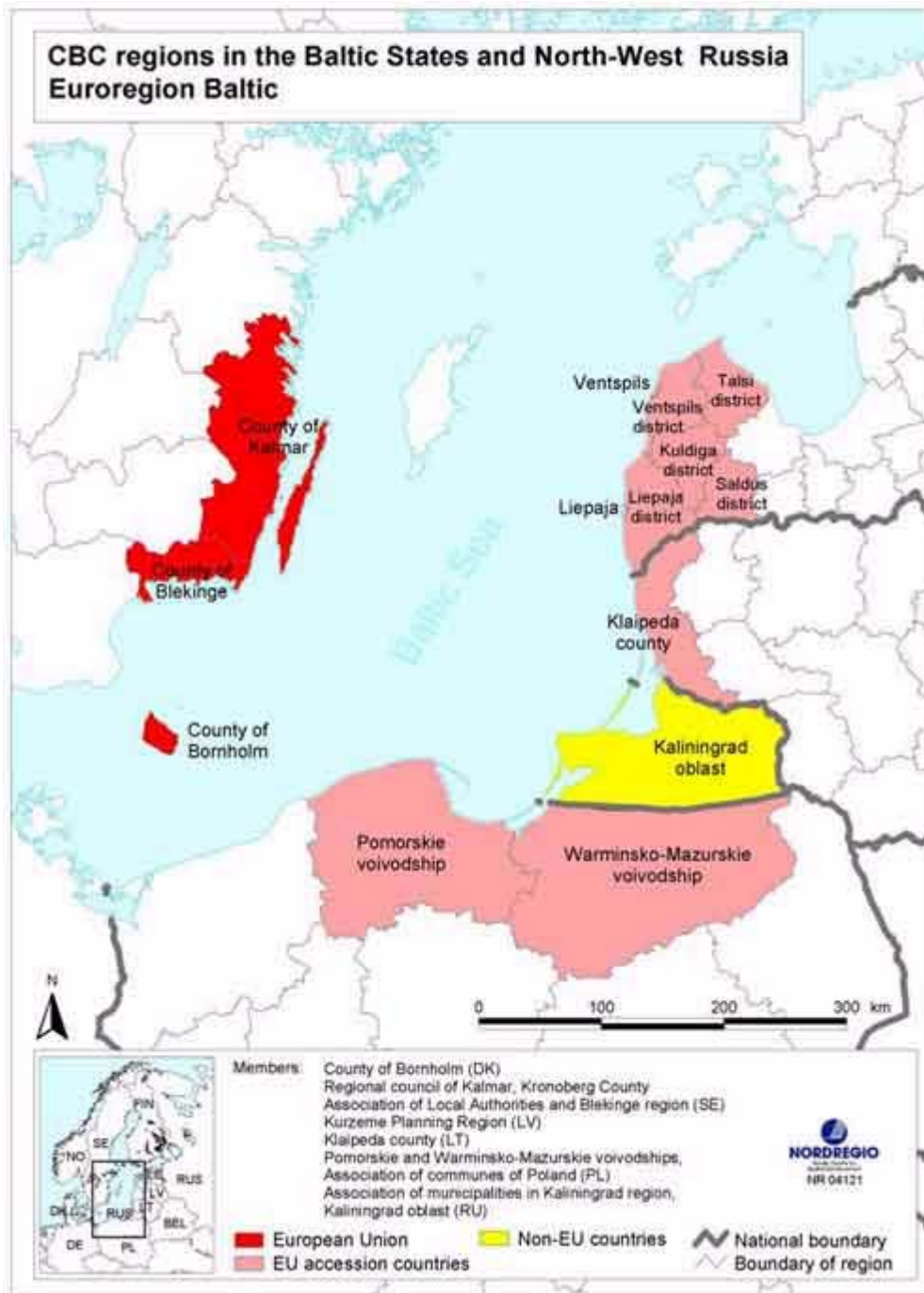
Experiences and Prospects

Currently, the Kaliningrad Region partakes five Euroregions. For example, Kaliningrad belongs to the *Baltic Euroregion*. The idea to establish such a Euroregion was initiated by Polish municipalities. On February 28-March 1, 1997 a special conference to discuss this idea was held in Malbork (Poland). Formally, the Baltic Euroregion was established on February 22, 1998 as an international lobbying group of local governments from Poland, Sweden, Denmark, Lithuania, Latvia and Russia. The population of the Euroregion is about six million, territory is around 100.000 sq km (see the map below). According to its charter, the Baltic Euroregion's main task is subregional economic planning, support of private entrepreneurship, know-how and high-tech exchange, joint projects in agriculture and forestry, constructing transport routes, environment protection and fighting organized crime. Russia has succeeded in its efforts to emphasize the priority of national legislation with regard to the Euroregion's activities. Moscow also managed to keep its control over the local government in case of the Euroregion: municipalities should coordinate their Euroregion initiatives and projects with federal authorities.

The administrative structure of the Euroregion (see the charter below) consists of the Council formed from representatives of the participating local governments (not more than 8 from each member). The Council is headed by the President and Vice-President who are elected for one-year term on the rotation basis. To implement its decisions the Council appoints the Executive Board. Each country has a national secretariat to run the Euroregion's activities. The national secretariat of the presiding country is considered as a chief secretariat of the Euroregion. Three permanent working groups (regional development and spatial planning; social issues and cultural exchanges, and environment protection) have been established to manage various projects (Koshelev, 2005).

The Baltic Euroregion started in a very dynamic way. Among the most interesting initiatives the renovation of the historical part of Baltiysk (the headquarters of the Russian Baltic Fleet), summer youth camps and ecological projects (mainly related to waste treatment and reduction of water pollution) should be mentioned. The Baltic Euroregion was widely recognized by important international actors, such as the EU, Council of Europe, Council of the Baltic Sea States, etc. It even got an observer status in the Association of European Border Regions.

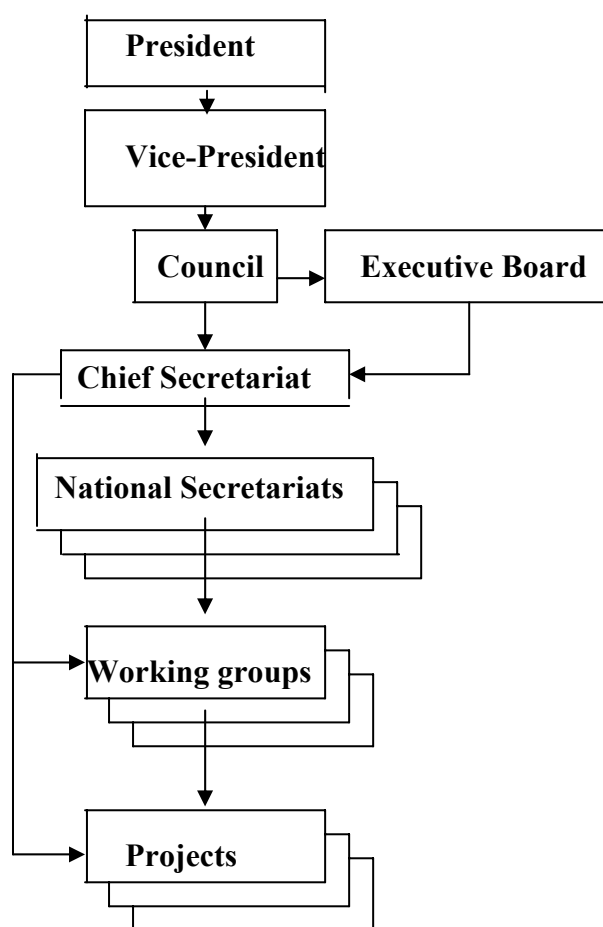
The Baltic Euroregion

Currently, the Euroregion's activities in the Kaliningrad Region are focusing on implementing the so-called *Seagull* project. The project is run with financial assistance (3,3 mln. Euro) from EU programs (INTERREG, FARE and TACIS). It has five working packages or subprojects:

Development of a comprehensive and long-term strategy for the Euroregion.

The administrative structure of the Baltic Euroregion.

Water resources: monitoring of the current situation and further reduction of water pollution.

Establishing of innovation centers to support small and medium-size businesses.

Development of rural areas, including introduction of new technologies and development of the transport infrastructure.

Introduction of information technologies and improvement of communication systems. Under this subproject TACIS provides the local authorities with equipment, software and expert assistance. For example, with the TACIS help a new website was developed for the Baltiysk national secretariat (Vasilenko, 2004; Koshelev, 2005).

The Baltic Euroregion is also involved in implementation of two large-scale transport projects. In 2002 a SEBTrans-link (development of the South-East Baltic transportation system) has been launched. Twin municipalities from Russia (Baltiysk), Poland (Gdynia), Lithuania (Klaipeda) and Sweden (Karlskrona) aim at development of a single transport corridor from the North to the South. The same objective (but in a different direction – from the East to the West) unites local governments from Kaliningrad Region, Latvia, Lithuania, Poland, Southern Sweden, Denmark and Northern Germany. In 2003 they started a project called ‘Baltic Gateway’. These projects could be helpful in developing a unified system of pan-European transport corridors (which is an important priority for the EU) (Koshelev, 2005).

Since 1999 a new Euroregion named *Saule* is under construction, involving the Kaliningrad town of Sovetsk as well as Slavsk and Neman districts along with participants from Lithuania (Šiauliai County and Tauragė County), Latvia (Jelgava Region and town of Jelgava) and Sweden (Scåne County) (see the map below). Saule was initiated by Latvian and Lithuanian border regions which had difficulties in socio-economic development and understood that these difficulties could be successfully overcome only by joint efforts.

With few exceptions, the administrative organization and procedure of Saule are similar to the Baltic Euroregion. Saule differs from the Baltic Euroregion by:

electing its President for three (not one) years;

its Council has three (not eight) representative from each party;

it has a single Secretariat which staff is changed with the coming of a new President,

Saule has a Commission of Audit (Statute of the Euroregion Saule, 1999).

Saule's founding documents identify 10 most important priorities:

1. Supporting common cross-border projects of economic development in areas such as industry, agriculture and forestry, transport (*via Hanseatica*), communication, "know-how" exchange, environmental protection, fighting crime.

2. Implementing common municipal projects on the border-territories (e.g.: sewage treatment plants, waste utilization etc.).

3. Cooperation in spatial planning.

4. Development of the border-crossings infrastructure.

5. Increasing professional qualifications and improvement of retraining system to decrease unemployment, especially among the young people.

6. Cooperation in areas such as science, education, culture, tourism and sports; including exchange for groups of scientists, sportsmen, people dealing with culture and tourism.

7. Learning of neighbor nations' languages.

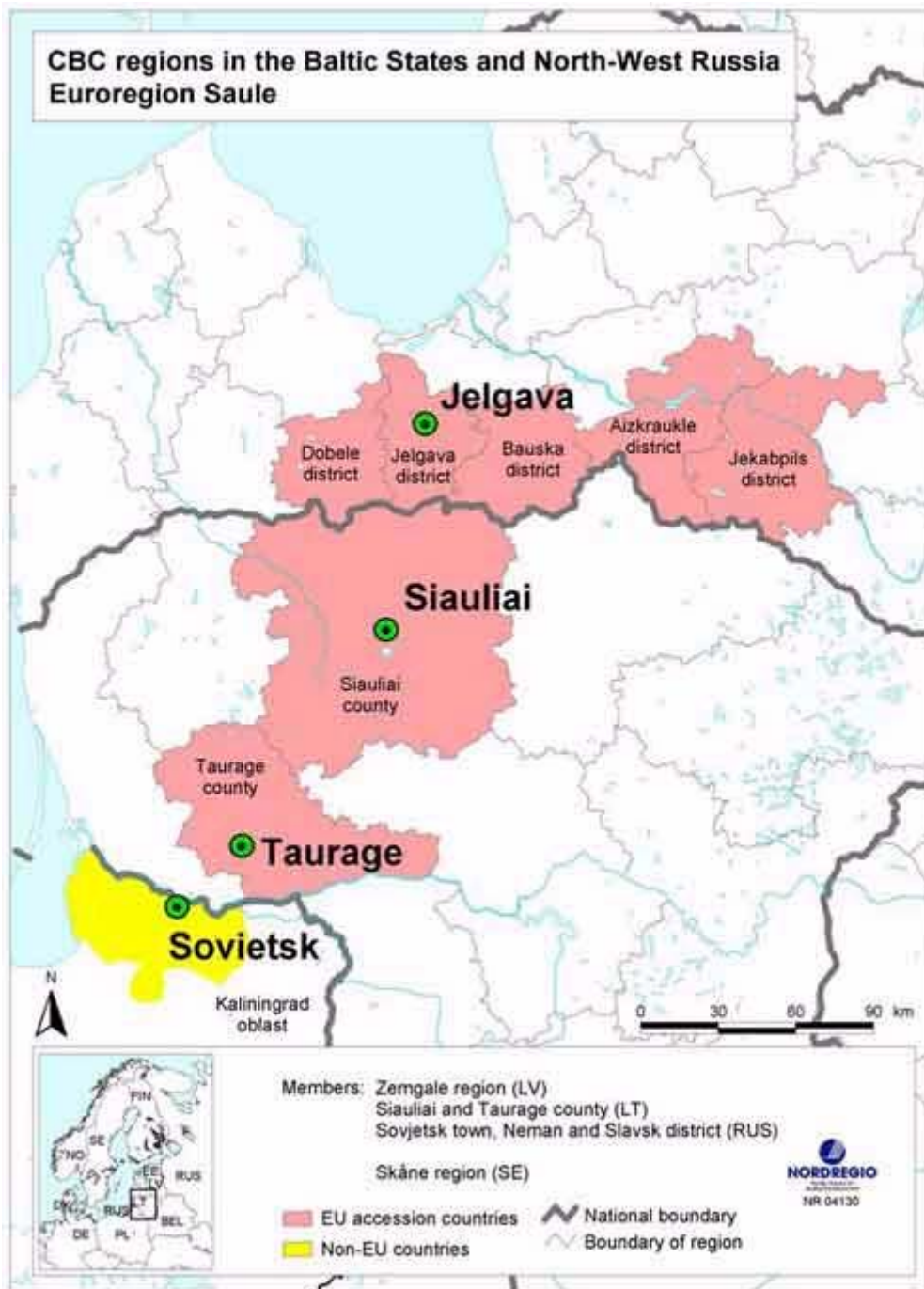
8. Protection and care of common cultural heritage.

9. Distribution of information about Euroregion "Saule".

10. Joint monitoring and cooperation to prevent ecological disasters, fire and other emergencies. Exchange of information in this field (Statute of the Euroregion Saule, 1999)

Saule Euroregion

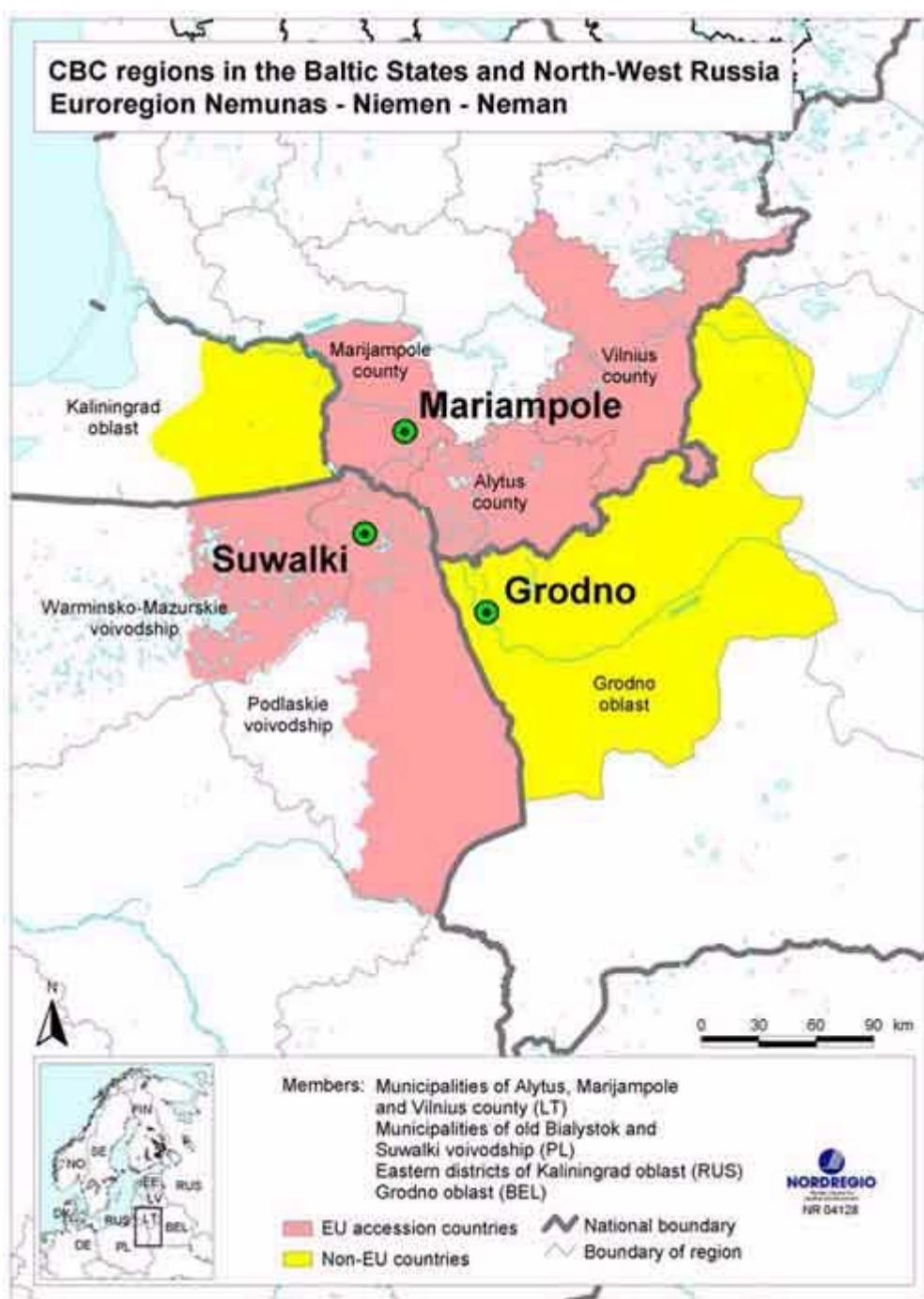

http://www.siauliai.aps.lt/saule/via_nanseatica_zemelap_max.html The EU's PHARE program is the main financial source for Saule's projects although some Lithuanian foundations also funded some small projects. However, if compared with the Baltic Euroregion's projects (especially Seagull) the scale of Saule's projects is considerably less.

Kaliningrad also participates in the *Neman Euroregion*, which is designed to link Kaliningrad, Poland, Lithuania and Belarus. The Euroregion started in 1997 but Moscow blocked Kaliningrad's participation for a while because it believed that the charter of Neman did not reflect Russian national interests. The Kaliningrad Region has joined the Neman Euroregion only in 2002. Five Kaliningrad administrative

The Neman Euroregion

districts (Gusevsky, Krasnoznamenny, Nesterovsky, Ozersky and Chernyakhovsky) participate in Neman's activities (see the map above).

Currently, the Euroregion focuses on two major issues – (1) economic cooperation and (2) development of the civil society institutions, including cooperation between NGOs from different countries. In 2003, a NGO working group was established under the auspices of the Neman Euroregion's Council. Particularly, the Euroregion organized a series of summer schools and cultural festivals.

In 2003 a *Lyna-Lava* Euroregion has been launched by the border regions of Kaliningrad and the Warminsko-Mazurskoe voevodship (Poland). But there is virtually no information about this Euroregion and it is very difficult to assess its activities and effectiveness.

In February 2004 a fifth – *Sesupe* – Euroregion has been established by five Kaliningrad (Krasnoznamensky, Ozersky, Nesterovsky, Gusevsky and Neman), six Lithuanian, two Polish

and one Swedish municipalities (see the map below). Similar to other four Euroregions the Se-supe Euroregion aims at promotion of four freedoms. However, to date it remains at the embryonic level and detailed information about its activities is lacking.

It should be noted that despite some successful projects implemented within the Euroregions framework their overall results remain rather modest. Moreover, now the Euroregions are basically reduced to what common Russians call 'bureaucratic tourism', i.e. exchanges between municipalities, and except the Baltic Euroregion do not promote economic cooperation and horizontal links at the people-to-people or NGO levels. In other words, the Euroregions concept – being a potentially important tool for subregional cooperation - does not work properly.

Logically, the *main question* that arises from above analysis is how the Euroregions concept could contribute to solving the Kaliningrad problem and developing 4Fs in the Baltic Sea region.

More specifically, this study addresses the following questions:

What are the positive and negative results of Kaliningrad's participation in the Euroregions? What are the determinants of successes and failures?

Should the current Euroregions be continued? If yes, in which format? How should the Euroregions be redesigned in accordance with the 4Fs concept and ENP?

What priorities should be identified among the 4Fs: mobility of people or goods and services or capital (currently, many experts believe that Euroregions' business is to promote people-to-people contacts and low-scale cross-border trade)? Should the Euroregions focus on substance or institutional/infrastructural aspects of the 4Fs project?

Should each Euroregion specialize on particular freedoms or cover all 4Fs? How could the current overlapping be avoided and a new division of labor established between them?

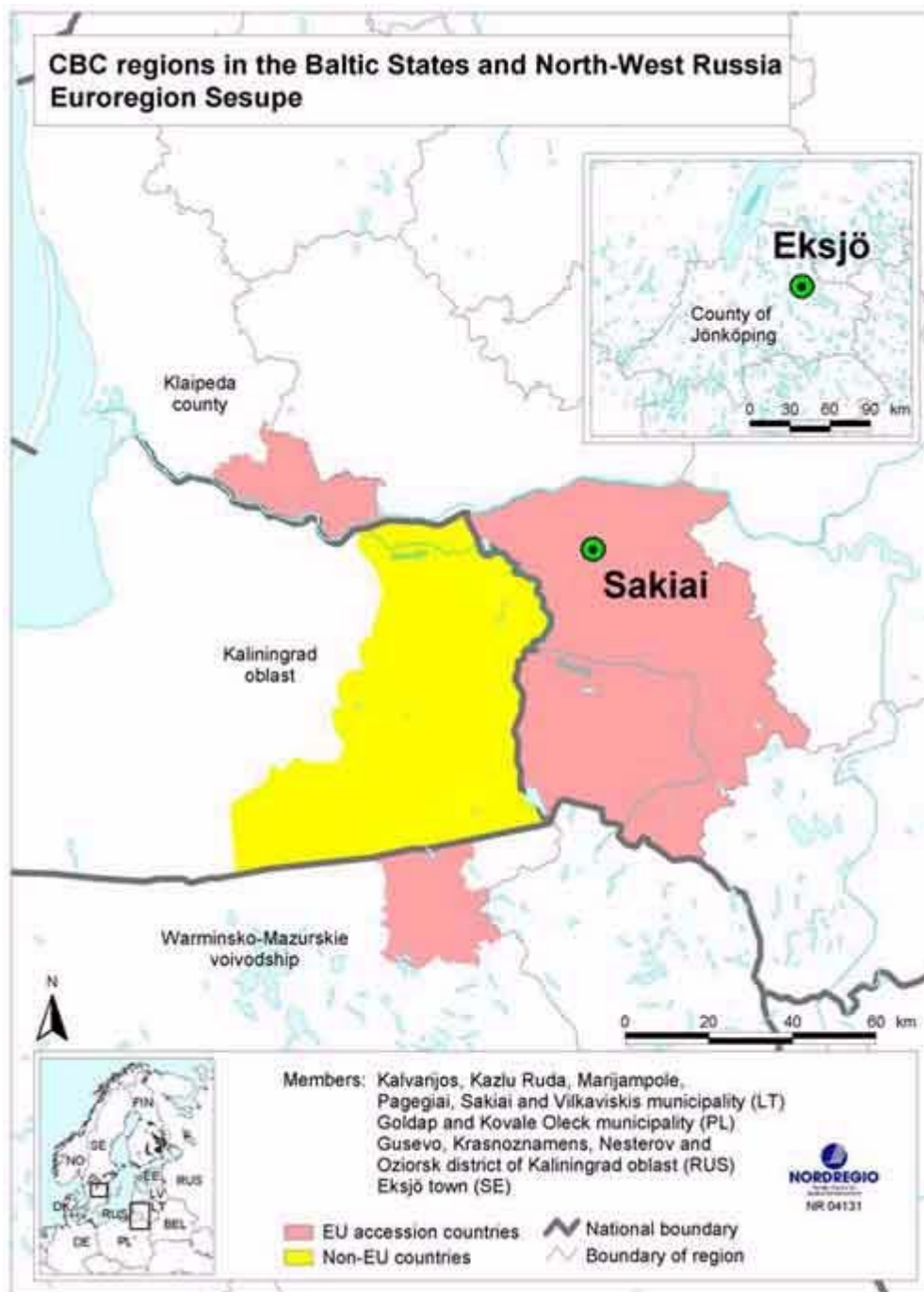
Is it realistic to believe that municipalities are capable to facilitate 4Fs with a little help (or even without it) from regional and federal authorities? Are such Euroregions sustainable?

How could relations between municipalities, regional and federal authorities be organized in case of the Euroregions (currently, there is obvious Moscow's dictate)?

How could the EU and other multilateral institutions promote 4Fs via the Euroregions?

Could the Kaliningrad experience be applicable to other Russian border regions?

The Sesupe Euroregion

Problems & Solutions

As mentioned above problems and obstacles to the EU-Russia cooperation on Kaliningrad can be identified on both the EU and Russian side.

Starting with the Russian aspect, one of the major problems is that Moscow is very suspicious of any attempt to put the Kaliningrad issue and subregional initiatives (including Euroregions) in the context of a Baltic/Nordic region-in-the-making and has been keen to ensure its control over those Russian regional/local authorities involved. This reflects Moscow's concerns over regional separatism and the possible disintegration of the Russian Federation. However, such actions may well have an adverse impact on the very spirit of regional/subregional cooperation projects.

Notably, however, on the EU side of things similar obstacles exist relating to the fear of decentralization. For example, the Brussels' bureaucracy has also been unenthusiastic about the decentralizing impact of regional collaborative initiatives as well. For example, in case of the Northern Dimension Initiative (NDI) the EU Commission appears to be unwilling to delegate responsibility to any particular group of countries or subnational units for region-specific policies. According to Brussels, the NDI (which covers Kaliningrad as well) should not be seen as a regional initiative, which in the Commission's view is not necessary. It is instead stressed that the NDI is a matter of joint concern for all the EU member countries and should be implemented at the supranational level. In 2000 the then Finnish Prime Minister, Paavo Lipponen, also stressed that 'The Northern Dimension of the EU is not a regional initiative but refers to a policy of the whole Union'.

Many experts (European and Russian) believe that the EU's European Neighborhood (ENP) initiative launched in May 2004 is basically centralist in nature. As such, if it is understood in a narrow manner this may also restrict region-to-region and cross-border cooperation in other contexts as well, by indicating that there are limits for such developments. The emphasis in the ENP is clearly on the involvement of the EU at large, and in a similar fashion Russian representatives have underlined that the partnership is constituted by Russia as a whole and not just only the north-western regions. Notably, in the recently signed roadmaps for the four EU-Russia common spaces (May 10, 2005) the NDI is mentioned only a couple of times and the local actors and people-to-people contacts are shortly mentioned in a small section on cross-border cooperation. Euroregions and Kaliningrad were not mentioned at all (The Roadmap to the EU-Russia Common Economic Space, 2005).

In this context, it is important to note that north European regional cooperation precisely should not be interpreted as an artificial top-down project. Instead, it should be understood as a bottom-up process with very lively grass roots and it is this that centralising tendencies in Russia and the EU threaten to undermine. In contrast, therefore, it can be argued that the best way to make a contribution to regional cooperation in the north is precisely to use the potential of the existing international networks of subnational and non-governmental actors – rather than to bypass them via centralising initiatives such as the ENP. Instead, bottom-up actors should thus have access to decision-making processes in the regional context and be treated in inclusive terms. Local government and civil society organisations should be involved throughout the launching, implementation, monitoring and continued development of cooperative activities, and authorities at all levels should cooperate to this end. Whether the ENP will continue to support such proclamations is a matter for debate.

It is also suggested that to maintain the regionalist nature of the cooperation in the European North Moscow and Brussels should give their local and regional entities the necessary leverage and means in order to enable their full-fledged participation in interregional and cross-border activities. These should not be seen as hampering, but as enriching national foreign policies.

In case of Kaliningrad the region should be provided with a *special status* within the Russian Federation. Moscow cannot treat the region similar to any inner/mainland territory. There is no need for Russia to give up completely its sovereignty over Kaliningrad but, if Moscow wants

to make the region a part of the European common space it should be provided with broader powers in the fields of foreign economic activities, taxation, property rights, customs formalities, border controls, consular services and so on. To provide such a status a Constitutional Law on the Kaliningrad Region should be passed by the federal center (Songal, 2002). This legislation will be very helpful in reinvigorating the Euroregion initiatives in the Baltic Sea area.

In contrast to Russia's concerns about some elements of regional cooperation that it sees as potentially undermining Russia's territorial sovereignty, it is notable that Moscow is also unhappy with the universalist approach of the ENP concept in the way the EU is now thinking about cooperation with its neighbours. The point is that Russia does not want to be treated in the same way as Belarus or Morocco and rather claims a special status and special relationship with Brussels. Likewise, Moscow is also discontented with the ENP concept in that – in contrast, for instance, with the NDI – it leaves almost no room for Russia in setting the bilateral cooperative agenda. The concept is rather based on the assumption that the EU's neighbours should simply accept its rules of the game and upgrade their legislation in accordance with European standards, rather than the EU developing specific models for each country. The peculiarities of each neighbouring country (including Russia) and also of particular regions (e.g., northern Europe) should be taken into account. In short, in putting forward the ENP, the rather innovative elements of the NDI should not be discarded. As far as the practical aspects are concerned the EU should also emphasise technical assistance and investment rather than credits and loans, whilst priority should also be given to long-term projects with positive effects on the local economy and society.

Given Moscow's perceptions of the ENP Russia refused to join this initiative but recently joined its financial instrument (European Neighborhood Partnership Instrument) that should replace the existing programs.

In addition, to some extent the concept of the EU-Russia four common spaces provides Moscow with a special status and reflects Russia's concerns on the initial version of the ENP. It also represents a more systemic and better coordinated approach to the EU-Russia cooperation. The four spaces also have a clearer set of priorities for such cooperation. However, they still lack a detailed program and specific timetable how to implement these ambitious plans. The four roadmaps often look more like a declaration of intentions rather than such a program. And, as mentioned, there is no link to the Kaliningrad problem.

In particular, both Moscow and Brussels should give priority to actually making Kaliningrad a pilot region,²⁶⁷ rather than simply proclaiming it to be the one. A number of suggestions can be made here. For example, the Kaliningrad region could be the first (among Russia's regions) put into the context of the Common Economic Space initiative recently launched by the EU with Russia. The CES itself should be developed to set out a deeper and broader timetable for legislative harmonization and approximation between the EU and Russia.

A common regulatory mechanism in particular areas could be developed. Such a mechanism could include:

- Establish a regulatory dialogue, which includes a consultation mechanism. This dialogue aims at enhanced transparency in the regulatory activity, exchange of information amongst regulators with the aim at promoting the gradual approximation of relevant legislation (including technical regulations) and establishment of clearly identified priority industrial sectors;
- As soon as the priorities are determined, launch the work of gradual approximation of relevant legislation and practices;
- Identification of procedures for possible recognition of the results of conformity assessment of both sides, including certification of systems of quality and ecological management.

The EU and Russia agreed to cooperate in the following sectors as a priority for dialogue (particularly in the Kaliningrad area):

ICT, Radio and Telecommunications Equipment

---

²⁶⁷ The idea of Kaliningrad as a pilot region, a place for a joint EU-Russia cooperative experiment, was suggested by the then Prime Minister Vladimir Putin at the EU-Russia summit in Helsinki (1999).

- Electrical Equipment and Machinery
- Medical devices
- Automotive industry (Kaliningrad has the BMW and KIA plants)
- Textiles
- Pharmaceuticals
- Forest-based and related industries
- Public procurement
- Intellectual, industrial and commercial property rights
- Investment
- Enterprise policy and economic dialogue
- Interregional and cross-border cooperation
- Financial services (banking, insurance, securities)
- Accounting/auditing and statistics
- Agriculture, forestry, timber, fisheries. Sanitary and phyto-sanitary measures
- Environment (The Roadmap to the EU-Russia Common Economic Space, 2005)

On a number of occasions the EU has called on Russia to adopt its *acquis communautaire*. Although it is unrealistic to expect that Russia will be able to adopt all of them some selected *acquis* (those that do not collide with the Russian federal legislation and its national interests) could be accepted, for example, to reduce barriers to trade and investment. In those areas where Russia agreed to introduce *acquis* the EU assistance - technical and financial – (similar to that given to the new member states of the EU during the accession process) would be helpful.

Participation in selected EU activities and programs, including aspects, such as consumer protection, standards, environmental matters and research bodies, could be opened to Kaliningrad and then to the rest of Russia.²⁶⁸ For example, EU standards should be established for Kaliningrad-produced goods. A joint EU/Russia Standardisation Committee could also be created and efforts to support the further development of enterprise policy by Kaliningrad/Russia should accompany regulatory approximation. As mentioned, however, the EU-Russia Roadmap for the EU-Russia CES lacks this idea.

Perhaps it would be helpful to establish a Centre for Competitiveness in Kaliningrad, which is seen as a training and dissemination center to bring hands-on support to firms located in Kaliningrad Oblast and willing to become more competitive, more open to innovation, and more aggressive commercially. The Center could operate under the supervision of both the Russian and the EU institutions. Among other missions the Center could focus on the improvement of the current negative image of Kaliningrad.

Special attention should be paid to the liberalization of the local markets and abolishing restrictions for foreign investors. Such measures could include:

Energy sector. It is possible to liberalize the Kaliningrad energy market and include the region into the Baltic energy market.

Telecommunications sector. Many experts suggest to abolish the monopoly of Rostelecom (the Russian leading telecommunication company) and allow EU companies to compete freely in Kaliningrad.

Financial sector. The current quotas for the participation of foreign capital in banking and insurance companies on the territory of Russia amount to 25% and 12%, respectively. According

---

²⁶⁸ In the Concept Paper on the CES prepared by the EU-Russia joint High-Level Group the CES is defined in the following way: 'The CES means an open and integrated market between the EU and Russia, based on the implementation of common or compatible rules and regulations, including compatible administrative practices, as a basis for synergies and economies of scale associated with a higher degree of competition in bigger markets. It shall ultimately cover substantially all sectors of economy'. The paper sets up three major goals within the CES: (1) promoting trade and investment between the EU and Russia, based on well-functioning market economies, aiming at sustainable development, taking into account internationally recognised principles, such as, *inter alia*, non-discrimination and transparency and good governance; (2) creating opportunities for business operators through common, harmonised or compatible rules and regulations, as well as through inter-connected infrastructure networks; and (3) enhancing the competitiveness of the EU and Russian economies worldwide. The Roadmap for the Common Economic Space adopted in May 2005 specifies these priorities.

to the EU-Russia WTO accords, Russia pledged to raise its quotas. However, the quotas will remain in principle. But in case of Kaliningrad it would be probably reasonable to fully uplift limitations for foreign capital in the financial sector (banking, insurance, pension funds, etc.). This might bring significant benefits for local companies by lowering cost funds and improving access to finance for small and medium-size enterprises (SMEs), and also attract foreign direct investment (FDI). On the other hand, it could be useful for benchmarking and stimulating competitiveness of Russian banks.

Public procurement. To make them more transparent and competitive it is advisable to allow European companies to participate in Russian state tenders.

The future of the existing Special Economic Zone (SEZ) (established in 1996) should be defined jointly by Russia and the EU. According to the current Russian legislation, the following categories of goods are free of customs duties:

- 1) Goods produced in the SEZ and exported to other countries. The goods will be considered produced locally, if the added value is not less than 30 percent, and for some electronics and modern technologies being only 15 percent.

- 2) Goods imported from other countries to the SEZ and then re-exported to other foreign countries (with processing or without it). There are no quantity limitations on these goods.

- 3) Goods produced in the SEZ and exported to mainland Russia (as well as to the territory of the Customs Union (four CIS countries, including Russia).

The SEZ created a more favourable investment climate and further stimulated joint venture activities and foreign trade. According to some data, regionally produced goods are 47 percent cheaper because of the customs and value added tax exemptions (5-25 percent and 22 percent, respectively) (<[Http://www.klgd.ru](http://www.klgd.ru)>).

The SEZ had rather contradictory implications. On the one hand, Kaliningrad got back some customs and tax privileges from the federal center; on the other hand, the regional authorities lost part of their foreign policy powers that they had in early 1990s. For example the center took control over the defense industry, mineral resources, energy production, transport and mass media. Foreigners are not allowed to purchase land, but it can be leased for periods yet to be settled.

The ideas how to reform the SEZ include the following recommendations. For example, the procedures for the expertise of projects and issuing licenses for newly established enterprises should be simplified; a number of inspections made by the governmental bodies should be reduced; the access of potential investors to privatisation auctions should be improved; a regional commission on the elimination of administrative barriers to entrepreneurship should be created. The zone should be provided with long-term guarantees, inventorying of local and federal regulations on the SEZ with the aim to streamline them and eliminate collisions between them, and simplifying customs formalities. Moscow also called for concluding a special agreement between Russia and EU to provide the zone with international guarantees, to introduce the EU standards for certain economic activities and goods in the SEZ as well as to liberalise the visa regime for the citizens of the EU countries. There are also some suggestions to govern the SEZ by a joint EU-Russia body.

The EU experts, however, doubt that the SEZ could be helpful in the future, particularly with Russia's accession to the WTO: "Requirements for Russia's accession to WTO and the expected evolution of the economic landscape after EU enlargement will question the sustainability of the SEZ system and force a decisive re-orientation on export industry development" (Commission of the European Communities 2003, 31).

Upon the establishment of the CES another step forward could be the creation of an EU-Russia Free Trade Area (FTA). This could be done both in parallel with and as a follow up to CES activities. A Free Trade Area is envisaged in the EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement (PCA), but no timetable has ever been attached to this. The EU Common Strategy on Russia unilaterally suggested that the creation of the FTA should be postponed until Russia joins

the WTO. However, given the EU-Russia deal on the WTO this idea should be reconsidered and put onto the bilateral agenda.

The main aim of the FTA is to assist Kaliningrad in switching from import substitution to the export-oriented economy. To implement this idea objectives and benchmarks should be developed. In particular, this process could be started by concluding a free trade agreement with the Kaliningrad region and then replicating this experience to the rest of Russia. The concept may take the form of either a general EU-Kaliningrad FTA or several smaller free trade zones (FTZs) implemented in Kaliningrad with specific rules and goals. For instance, an innovative proposal could be to implement technology-based firms in such FTA/FTZs (with special tax relief, grants, loans, etc.), to train local personnel and thus enable the production of competitive goods. Establishing of an EU-Kaliningrad FTA would also create incentives for Russian companies to set up production lines in Kaliningrad to gain access to the European market. In this case it is very important to establish joint EU-Russia rules of origins for goods coming from the rest of Russia to the value-added chain in Kaliningrad.

However, some Russian experts feel uneasy about this idea because it could lead to the erection of customs barriers between the *Oblast* and the rest of Russia, at least in the transitional period. Also the FTA concept challenges the existing Special Economic Zone in the Kaliningrad region that is currently incompatible with the FTA-type arrangements. Moreover, some European experts believe that EU countries can block the whole idea because they would fear competition from the Kaliningrad-based companies or branches.

Over the long run, upon the implementation of the CES and FTA projects, the EU and Russia could think of creating a European Economic Area-type arrangement that aims at the further harmonisation of European and Russian regulatory regimes. Again, Kaliningrad could be a pilot region in implementing such an ambitious project.

The existing and future Euroregions with Kaliningrad's participation should become one of the locomotives of the EU-Russia cooperation on CES/FTA business. While general rules are established at the national/supranational level the implementation of concrete projects should be done by local companies and governments. It is advisable that the creation of the CES and promotion of the 4Fs should become the main priority for the Euroregions.

The Euroregions also can contribute to facilitation of the movement of people and goods in the subregion by building new and developing the existing border crossings and the transport infrastructure in the area. Currently local governments prefer to shoulder this responsibility on the federal budget. However, with providing local government with more powers in taxation the local authorities will feel themselves more responsible for this business (on the one hand) and get more funds for implementing projects (on the other).

A better division of labor should be established between the Euroregions. While the Baltic Euroregion could keep its current specialization on subregional economic planning, support of private entrepreneurship, environment protection and home and justice affairs (particularly, fighting organized crime), Saule Euroregion could focus on cross-border trade and developing the transportation infrastructure. The Neman, Lyna-Lava and Sesupe Euroregions could pay more attention to development of people-to-people contacts, education, culture and cooperation between NGOs. In addition, the Neman Euroregion could focus on engaging Belarus (which is becoming an important priority for the ENP) in subregional cooperation. Border crossings development could be a joint sphere of responsibility for all Euroregions.

To support Euroregion activities the interoperability of various EU cooperative programs and instruments should be improved in the new institutional framework of the EU-Russia common spaces. In short, it is essential that flexibility remains a central tenet of the EU approach. Some steps have already been taken by the European Commission over the last five years to ensure better coordination between the different programs such as PHARE, TACIS and INTER-REG. The ENPI seemingly aims at the same direction. This work should be completed in the process of implementation of the four roadmaps.

The very nature of the existing (semi-dormant) Euroregions should be changed. Not only municipal officials should be participants of exchange programs, other actors such as local businessmen, NGOs, journalists, students and teachers should be involved. To strengthen cooperation within the Euroregions and its institutional basis joint structures – ventures, chambers of commerce, professional associations, NGOs, education institutions, etc. – should be developed. The local actors should not wait for Moscow's permission and should be more proactive and initiative-minded. By the way, even the current Russian legislation allows local actors to establish links to the similar actors in the foreign countries (the Russian Foreign Ministry only asks for information about these contacts, visits and joint projects). The main problems are the lack of finance and psychological inertia that was inherited from the Soviet time. However, with coming of a more sustainable economy and increase in living standards as well as overcoming the Soviet-type mentality (through civic activism and growing international contacts) these problems could be successfully solved.

Establishment of a proper legal basis for the Euroregions should also be an important priority for Russia. Moscow ratified the European convention on border cooperation as late as in 2003. Russia does not have border treaties with Latvia and Estonia. There is a clear need in passing a federal law on Euroregions because not only Kaliningrad but also other Russian regions (Karelia, Murmansk, Pskov, etc.) experience difficulties in this area.

On the organizational/administrative note both Russian and EU representative bodies in Kaliningrad should initiate a series of meetings, expert seminars and workshops (with participation of local governments from countries and regions concerned) to discuss the future of the existing Euroregions and the prospects for the creation of other Euroregions.

BIBLIOGRAPHY

Bilczak, V.S. 2002. *Cross-border Economics*. Olsztyn: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Informatyki i Ekonomii.

Commission of the European Communities. 2003. *National Indicative Program*. Russian Federation. 2004-2006. 21 May 2003
<http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/csp/04-06_en.pdf>

Fairlie, Lyndelle; Sergounin, Alexander. 2001. *Are borders barriers? EU enlargement and the Russian region of Kaliningrad*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs.

Klemeshev, Andrei. 2004. *Rossiyskiy Ekslav v Usloviyakh Globalizatsii* [The Russian Exclave in the Context of Globalization]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Press (in Russian).

Klemeshev, Andrei; Kozlov, Sergei; Fyodorov, Gennady. 2002. *Ostrov Sotrudnichestva* [The Island of Cooperation]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Press (in Russian).

Koshelev V.N. 2005. Interview with a Mayor of Baltiysk V.N. Koshelev.

The Roadmap to the EU-Russia Common Economic Space. Brussels: The Commission of European Communities, 2005

1999. The Statute of the Saule Euroregion.

Songal, Alexander. 2000. "Kaliningrad Oblast: towards a European dimension." In *The EU & Kaliningrad: Kaliningrad and the impact of EU enlargement*, edited by James Baxendale, Stephen Dewar and David Gowan, 99-115. Federal Trust.

Vasilenko, Alevtina. 2004. *Evroregiony s uchastiem Kaliningradskoi oblasti kak pilotnaya model ispolzovaniya evropeiskogo opyta transgranishnogo sotrudnichestva v Rossii* [Euroregions with the Kaliningrad Region's participation as a pilot model for the use of the European transborder cooperation experience in Russia]

http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=3011

Н.М. Межевич

ИДЕНТИЧНОСТЬ:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ РАЗЛОМОВ: НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА «ИВАНГОРОД-НАРВА»

*Пробил конец эпохи, треснула и сгнула держава,
и колючая проволока границ выступила из разломов.*

М. Веллер

В условиях глобализирующегося мира региональная идентичность в месте с национальной начинает серьезно корретировать процессы глобализации. Всплеск национализма и повсеместное распространение национальных движений получили в многочисленных научных исследованиях наименование «этнического парадокса XX века». Парадоксальность современных этнических процессов многими учеными-этнологами видится в следующем. С одной стороны, мол, налицо тенденция к интеграции, интернационализации экономики, взаимопроникновению культур. С другой стороны, не менее очевидной является и тенденция к обособлению, разделению, сепаратизму.

Однако представляется, что речь нужно вести скорее не о парадоксальности этнических процессов, а о кризисе научных концепций. Нации и на-ционализм просто не поддаются адекватному описанию и объяснению на том языке, которым пользуются ученые-этологи. К примеру, один из самых известных специалистов в этой области Э. Геллнер утверждает, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается»²⁶⁹. События последнего десятилетия XX века доказали преждевременность подобных выводов. Национализм базирующийся на этнической самоидентификации как части идентификации социальной укрепляет свои позиции.

Основатели теории социальной идентичности рассматривают её как уровень самокатегоризации. (Л. Шнейдер, Дж. Тернер). Для целей нашего исследования очевидно, что и представители интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гоффман), школы социальных представлений (С. Московичи, М. Заваллони), — рассматривают социальную идентичность как один из уровней Я-отнесенности (самокатегоризации, «Я-концепции»).

Этническая идентичность – часть социальной идентичности личности. В её структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент социальной идентичности, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

За рубежом этническая общность, как правило, рассматривается как социальная конструкция, возникающая и существующая в результате целенаправленных усилий политиков и творческой интеллигенции. Национальная (этническая) идентичность согласно этого мнения определяется как продукт сознательного процесса строительства нации, проводимого группами элит с целью узаконить власть и статус. Иными словами, этническая общ-

²⁶⁹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 42.

ность — это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность.

Тем самым идентичность выступает в форме своеобразной самопрезентации, в рамках которой один человек или общность людей в т. ч. и территориальная оценивают свое положение к внешнему миру. Как отмечает немецкий политолог А. Нойманн: «... идентичность — это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса»²⁷⁰.

Российские этнологи и политологи, как правило, более склонны к рассмотрению этноса как реальной социальной группы, сложившейся в ходе исторического развития общества. При этом все исследователи в качестве этнодифференцирующих характеристик выделяют разные факторы: наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), язык, ценности и нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, реальные черты национального характера и самообразы, народное искусство.

Изучение идентичности является достаточно традиционным для социологии и политологии явлением. Однако территориальная идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения ученых. Приведем пример явной недооценки роли территориальных факторов: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура»²⁷¹. Социологи указывают, что «... социология пространства на самом деле развивается, но не столько социологами, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как «науку о пространстве», а социальную географию — как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в пространстве социальных институтов, о планировании пространства, о перемещениях людей, в конце концов, об их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, какжется, почти исчерпана»²⁷².

Следует отметить, что географы подошли к изучению проблем идентичности и отталкиваясь от изучения географической среды. Географы, конечно же, не видели в характеристиках территории единственную причину конкретного формирования какой-либо культуры, скорее, те или иные особенности географической среды рассматривались как фактор территориальной дифференциации культуры. Теории географической среды и ее многочисленные ответвления сыграли, безусловно, положительную роль в формировании теоретических представлений о региональной идентичности.

* * *

Традиционные исследования территориальной общности базировались на представлениях о жестко ограниченных в территориальном социальном и культурном плане. Эксперты и ученые считали, что «конфликт идентичностей» происходит там, где две или более этнические группы начинают претендовать на одну и ту же историческую, культурную, социальную, политическую, религиозную, лингвистическую территорию. Естественно то, что «накладка идентичностей» наиболее явно проявляется в случаях политических притязаний на спорные географические территории. Сила территориального инстинкта многократно умножается в том случае, если территориальная общность оказывается в по-

²⁷⁰ Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.30, p. 349.

²⁷¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. с.49.

²⁷² Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы//Логос. №5—6. 2000. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000> 5—6.

граничном положении. В общественных науках постепенно складывается точка зрения, согласно которой под территориальной идентичностью понимаются изменяющиеся и динамичные явления, нежели зафиксированные неизменные пространства с четкими границами.²⁷³

Этот процесс хорошо прослеживается в Европе. Регионализм новой Европы предполагает возможность, (но не обязательность) наличия у каждой общности или его субъекта нескольких вариантов региональной этнополитической самоидентификации. Можно поставить вопрос о вспомогательной идентичности базирующейся на наличие двух «эталонных культур» или одной эталонной и одной вспомогательной. Именно поэтому проблема в том, что бы объективно выделить различные срезы этнической идентичности (внутренняя идентичность, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая идентичность),

которые находятся в взаимосвязи и подвержены динамическому взаимовлиянию. Каждый из указанных срезов имеет и территориальное проявление. Может ли присутствовать этническая идентичность без территории? Да, например, у цыган. Но очевидно, что перед нами исключительный случай. Следует согласиться с мнением Кеннета Болдинга отмечавшего, что территориальный аспект является одной из важных детерминант национального образа. Размер территории, занимаемой государством, ее ландшафт, климат и природа часто служат смысловой опорой для людей, описывающих свою родину. Потеря или приобретение территории, т. е. изменение очертаний государства, может послужить источником изменений в национальной идентичности.²⁷⁴ Энтони Смит также особо выделяет территорию в характеристике этноса, как «общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированной со специфической территорией, и обладающей чувством солидарности».²⁷⁵ Понятие этнической солидарности использует и Юрген Хабермас: «Память о моральной пропасти, в которую столкнул нас националистический эксцесс, придает нашей современной европейской ангажированности статус достижения. Этот исторический фон мог бы подготовить почву для перехода к постнациональной демократии, основанной на взаимном признании различий между гордыми национальными культурами. Ни «ассимиляция», ни «сосуществование» не являются моделями, подходящими для нашей истории — той истории, что научила нас создавать все более абстрактные формы «солидарности между чужими».²⁷⁶

Иная ситуация с территориальной идентификацией диаспоры. Диаспора

— это те, кто сам или в лице своих предков покинули изначальную территорию проживания. Причем изначальной территорией может и не быть историческая родина. Соответственно родиной будет именоваться регион, где сложился культурный архетип, частично сохраняющийся у диаспоры и присутствующий у базового этноса. В. А. Тишков особо выделил такой характерный признак диаспоры, как «наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), которые включают географическую локализацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев». В. А. Тишков склоняется к мнению о том, что диаспора — скорее стиль жизненного поведения, чем жестко очерченная демографическая или этнокультурная реальность. Более того, в научном сообществе нет, не только единого подхода к трактовке национальных отношений, но и общепринятого понятийного аппарата для их анализа. Некоторые ученые даже предлагают отказаться от самого понятия нация, ибо считают его некорректным. Так директор Института этнологии и антропологии В. А. Тишков утверждает, что нация есть «политический лозунг и средство социальной мобилизации, а

²⁷³ Castells, M. The Power of Identity. Economy, Society and Culture. Blackwell. Oxford, 1997.

²⁷⁴ Boulding K.E. National Images and International systems in Journal of Conflict Resolution. Vol. 3. No 2. 1959, pp. 120–131.

²⁷⁵ Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. p. 86.

²⁷⁶ Хабермас Ю. Будущее Европы как политической общности <http://www.academy-go.ru/Site/RussiaEC/Publications/Habermas.shtml>.

вовсе не научная категория». Понятие же «национального государство» он называет «грандиозной мистификацией».²⁷⁷

Для исследователей, придерживающихся этой концепции, национальная принадлежность есть, прежде всего, вопрос веры. Так Т. Эриксен утверждает: «Нация... является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так и должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой».²⁷⁸ Отсюда делается вывод: поскольку национальность не является сущностной характеристикой сознания, но привнесена в него идеологией, то ею можно манипулировать, создавая новые мифы. С этой точкой зрения трудно согласиться.

* * *

Следует отметить, что этнические границы часто становятся решающим фактором формирования этнической идентичности. Этнос, как социальная группа, существует благодаря тому, что существует объективная возможность «узнавания» этой группы среди других. Узнавание же возможно только в том случае, если существует возможность каким-то образом сопоставить эту общность с другими, как-то отличить ее: «этническое «Мы» проявляет себя благодаря тому, что есть некоторые «Они», отличающиеся от данного «Мы» языком, культурой, обычаями и другими характеристиками».²⁷⁹ Таким образом, именно существование этнических границ определяет формирование этнической идентичности: поскольку этнос есть ни что иное, как социальная группа, следовательно, этнос есть совокупность членов этой социальной группы осознающих свою принадлежность к ней, то есть этническая идентификация есть «узнавание своих членами группы», которое возможно только при наличии определенных отличительных признаков данного этноса. Национальные границы проницаемы и часто более проницаемы, чем границы государственных. «Национальные границы больше похожи на нашу кожу, чем на неприступные укрепления. Они представляют собой мембраны, через которые движется поток жизненных сил, связывающих наше существование с бытием остального мира. Мы разделяем как общие возможности, так и общую уязвимость, на нас воздействуют как поведение других людей и наций, так и жизнь окружающей нас биосферы, и наш суверенитет должен восприниматься лишь в контексте этого подвижного взаимодействия».²⁸⁰ Вместе с тем, проницаемость границ вовсе не означает прекращения существования этнических общностей. Норвежский антрополог Ф. Барт отмечает то, что этнические различия сохраняются, не смотря на то, что количество межэтнических контактов увеличивается, а их интенсивность постоянно возрастает. Более того, этнические различия сохраняются даже после того, как человек в течение жизни имеет возможность менять членство в социальной или этнической группе. На важность и устойчивость этноса так же указывает тот факт, что многие социальные отношения становятся противопоставленными после того, как проходят через этнические границы. И не смотря на то, что этносы существуют часто в единой социальной системе, различия между ними не стираются. Барт утверждал, что «взаимодействие этносов в социальной системе не ведет к ликвидации этнических различий путем их изменения или аккультурации; культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническому контакту и взаимной зависимости»²⁸¹.

---

²⁷⁷ Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы национального-строительства). Вопросы философии. 1995. № 2. с. 9.

²⁷⁸ Цит. по: Тишков В.А. Очерк этнополитики России. М., 1997. с. 86.

²⁷⁹ Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян. // СоцИс. 1996. №12. с. 23–33.

²⁸⁰ Мише П. Суверенитет в неустойчивой среде // Коммунист. №13. 1991, с. 84.

²⁸¹ Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences. L.: Polity Press, 1989, p. 10.

Таким образом, государственные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности. Они были инструментальны в формировании внутренних конфликтов. В этом отношении современные границы имеют глубоко противоречивое значение, которое воплощается в различных формах социальной напряженности. Однако, на самом деле, их функция еще шире, и это ведет к непреднамеренным, но решающим последствиям. Если смотреть на границу, то так или иначе известно, что за ней находится другой мир. Иными словами, границы создают различие «свой» — «чужой», которое считается существенным. Различие одновременно привлекает и отпугивает. С одной стороны, оно помогает создавать коллективную идентичность, но, с другой стороны, оно угрожает существованию этой идентичности.

Среди отечественных исследований одно из немногих исследований «территориальной идентичности» принадлежит Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанову. Территориальная идентичность, является результатом отождествления «Я — член территориальной общности». Предполагается, что для каждого индивида при фиксированном наборе образов территорий механизм идентификации постоянен. Авторы указывают, что каждый индивид обладает образом «Я — член территориальной общности», который вместе со способом сопоставления (сравнения, оценивания, различения и отождествления) образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм территориальной идентификации. Важным моментом здесь является «масштаб» или границы той территориальной общности, к которой индивид чувствует причастность: это может быть ограниченная территория — конкретное место (город, село, область), или значительно более широкие пространства — Россия, СНГ, а для некоторых респондентов («имперцев», «державников») — все еще СССР. Многие зависят от условий социализации и положения (не только социального, но и географического) конкретного индивида.²⁸²

Особенно интересны историко-географические образы, которые возникают в переходных зонах, на стыках, в пограничных полосах. В исследовании Гастона Башляра «Поэтика пространства» (Bachelard G. *La poétique de l'espace*. Paris, 1957.) затрагивается анализ образа места. Подробно рассматривал этот вопрос развивая труды Гастона Башляра и Даниэл Дидней. Он провел сравнительный анализ различных случаев национализма, пришел к выводу, что со снижением роли религии в обществе, современный национализм заменяет религиозные связи между индивидуумами, пространственно политическими, однако националистическая риторика последовательно использует приемы религиозного символизма. Дидней считает, что: «В наиболее ранних концепциях политической идентичности, пространство часто определяется как святое место, потому что оно считается населенной духами, богами и божественными силами». (Deudney D. *Ground Identity: Nature, Place and Space in Nationalism in Lapid. //The Return of Culture and Identity in IR Theory*, Boulder, London, 1996, p.132). Огромное значение имеют и исторические памятники, фиксирующие переходные зоны и превращающиеся историко-географический образ. Поле историко-географических образов состоит из знаковых объектов природного и историко-культурного типа. (Таковыми объектами являются Нарвская и Ивангородская крепости).

Рассматриваемая граница относится к разряду «естественных границ». Как любая граница рассматриваемый рубеж в определенной степени охранял культуру и язык. Это совпадает с политикой современного эстонского государства стремящегося к гомогенизации своих жителей. Вместе с тем, принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода буферных и промежуточных территориальных зон между сильными или соперничающими государствами, которые, по сути, могут быть самостоятельными историко-культурными образами. Такие территории, не имея формального двойного подчинения идентифицируются как предел. Причем предел и граница территориально могут не совпадать. Это явление соответствует концепции вспомогательной идентификации рассмотренной выше. С одной

²⁸² Шматко Н.А. Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // СоцИс. 1998. № 4. С. 94–101.

стороны, региональная идентификация в рассматриваемом регионе формируется границей. С другой, сформировавшаяся идентификация сдвигает или размывает границы или пределы. Приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-географическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей и периферией своего государства. Являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами. В некотором смысле можно даже говорить о региональной культурной гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной гетерогенности. Таким образом, центральной категорией социального анализа феномена границ должно стать понятие приграничье (borderland), которое понимается, не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое социальное пространство. Идентификация границы, может иметь различное значение в разных местах. Это связано и с тем, что далеко не все границы сформировались искусственно, часто они носят закономерный характер опираются на естественные рубежи как природного так и культурного характера, становятся самостоятельным социально-историческим феноменом. Если их отменяют, как это часто случается, они оставляют следы в самосознании, в региональной идентификации, которые едва ли когда-либо исчезнут.

Подведем промежуточный итог. Региональная идентификация в приграничных районах — это элемент общественного и личностного сознания, в котором отражается сознание территориальной общностью своих интересов как в отношении с другими общностями своей нации, так и по отношению к территориальным общностям соседнего государства. Важнейшей функцией регионального самосознания является поиск путей самосохранения региональной общности. При этом «регион» понимается как единицу в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. Становление целостных механизмов и структур воспроизводства рождает региональные общности различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории и соответствовать определенным массивам природного окружения.

* * *

Региональная идентичность как явление общественной жизни и предмет исследования имеет достаточно сложную природу. Вероятно, разворачивающаяся унификация экономического пространства (глобализация), сопровождается дифференциацией политического пространства — (регионализация). Новая региональная самоидентификация России скорее не явление, а процесс, который растянется на долгое время. Однако существуют участки российской территории, где реидентификация вынужденно идет быстрыми темпами. Более того, новая российская идентичность в приграничных районах уже может быть предметом анализа. Сказанное относится не ко всем новым границам России, а лишь тем, где делимитация и демаркация уже проведена. В свою очередь нагляднее всего изменение региональной идентичности заметно на традиционных рубежах, уже бывших границами и очерченных в бытовом и политическом сознании. Российско-эстонская граница на северном участке от Нарвского залива до Чудского озера относится именно к таким рубежам.

Отмеченный процесс развивается в Европе достаточно давно. И сегодня уже есть примеры появления качественно нового типа общности — трансграничного региона. Важно, что такой регион одновременно развивается под действием таких факторов, как государства, так и отдельных частей государств, что подчеркивает гетерогенность трансграничного региона.

При этом базовым компонентом трансграничного региона выступают сети многочисленных каналов и связей между этими факторами. Допускаются связи как между одно-

типными факторами, так и между факторами разных уровней (субрегион — государство). Необходимо понимать, что, говоря о субрегиональных связях, каналах и сетях, следует понимать отношения как между этими субрегионами в целом, так и между отдельными фирмами, образовательными учреждениями, неправительственными организациями, то есть теми, кто наполняет субрегиональное сотрудничество конкретным содержанием.

Трансграничные регионы включают в себя две плоскости сотрудничества: межгосударственную и межрегиональную, причем интеграция наилучшим образом достигается как раз на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если эти субрегионы действительно являются факторами международного экономического сотрудничества, то есть обладают возможностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты). Роль же государств в этом процессе заключается в создании условий, то есть поощрении установления таких связей, наделение микрорегионов большей автономией в международной сфере.

Необходимо осознать еще одну важную сторону сущности трансграничного региона. Он не есть регион в полном смысле этого слова, не является чем-то естественно сложившимся и изначально данным. Обычно «естественность» того или иного региона доказывается либо сходными географическими или культурными параметрами, которые «естественно» отделяют этот регион от соседних территорий. Следует отметить, что провозглашение некоторой совокупности территорий — «регионом» возможно лишь при наличии всех или части указанных признаков:

- Общности исторических судеб.
- Наличия свойственных только этой группе особенностей культуры (материальной и духовной).
- Географическое единство территории.
- Наличие некоторых общих тип экономики.
- Совместная работа в региональных международных организациях.

Трансграничный же регион появляется как политическая категория, политический проект или идея, и уже в дальнейшем он «оформляется» политическими и экономическими связями. Трансграничный регион может быть первоначально искусственным образованием. В дальнейшем он принимает те очертания, какие ему предписывают, начинает развиваться по схеме составленной трансграничными сообществами. Однако, зарождаясь искусственно, как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные очертания.

Действительно, построение региона с предметной точки зрения нуждается в некой стартовой точке, то есть той области, сотрудничество в которой казалось наиболее естественным и актуальным для всех сторон, участие которых было выгодно авторам проекта. В Европе подобной стартовой областью, как правило, избирается экономика. Действительно, трудно было найти более подходящего и приемлемого для всех катализатора сотрудничества, необходимого для доказательства ценности создания того или иного трансграничного региона. Сказанное относится и к рассматриваемому нами трансграничному региону — территориально-политическому образованию «Ивангород-Нарва». Однако в рамках рассматриваемого региона для населения более важно жизнеобеспечение сопредельных территорий, поддержание элементарных средств к существованию для большинства населения с обеих сторон границы.

Строительство трансграничного региона невозможно и без пространственной оси, в данном случае не точки, а линии или даже полосы. Граница, пусть даже такая условная как в ЕС, есть база для взаимной региональной идентификации. В данном случае, почти 800-летняя граница является достаточным основанием для самоидентификации. Специфика границы состоит в том, что границы разделяют социальные общности (барьерная функция), однако эти разделяющие свойства вызывают необходимость во взаимодействие между людьми, порождают новые культурные и экономические связи, и, соответственно, новую социально-культурную стратификацию приграничного сообщества (контактная

функция), В результате приграничное пространство следует анализировать как единое, структурируемое особенностями существующей границы.

Другим доказательством постепенного конструирования реального трансграничного региона является существование наднациональных и региональных институтов, служащих как институциональный костяк. Приграничные институты двух стран представляют собой форум для регулярных встреч участвующих факторов, и выработки совместных решений. Таким образом, конструирование международного трансграничного региона есть основной источник экономической взаимозависимости в регионе. При условии интенсивных экономических связей, и при слабой политической организации, для реального существования региона наличие интенсивных связей не достаточно. Необходимы региональные институты, причем выживаемость региона, уровень его интеграции находятся в прямой зависимости от степени прочности этих институтов. Важным вопросом является также определение, какого уровня институты необходимы. На наш взгляд, две плоскости сотрудничества трансграничных регионов предполагают необходимости существования как минимум двух региональных институтов: на государственном и субрегиональном уровне. Кроме того, существование этих институтов имеет смысл только в том случае, они объединяют реальных факторов трансграничной экономической системы. Регион может называться реально существующим, если он формирует организационную основу для политики внутри региона по спектру вопросов. Иными словами, наличие региона (а также его очертания) можно определить по числу программ и проектов и инициатив, исходной точкой которых является этот регион. Этот подход, на наш взгляд, также удобен для выяснения действительной формы трансграничного региона.

В самой общей форме факторами, обуславливающими притяжение региональных субъектов, являются:

- Политические выгоды, получаемые от взаимного сотрудничества;
- Необходимость объединения для достижения поставленных задач;
- идентичность, которая может выражаться в объединении по национальному признаку;
- общая история или ее ключевые элементы;
- географический фактор, на основе которого происходит объединение территориальных субъектов в регион.

Следует отметить, что в нашем конкретном случае нельзя в географической среде видеть единственную и даже главную причину конкретного формирования какой-либо общности. Река как особенность географической среды создала физико-географическую предпосылку. Но в рассматриваемом случае ИСТОРИЯ стала главной предпосылкой территориальной дифференциации культуры. В рамках школы социолокальных исследований, базовым понятием стали так называемые социолокальные группы. Определяемые как сочетание трех фундаментальных признаков:

- совокупности индивидуумов, представляющих собой общину,
- территории ее проживания,
- свойственных ей особенностей культуры.

Иными словами для региональной идентификации в трансграничных общностях принципиально важным понятием является представление о территориальных связях (ТС). ТС. — связи возникающие на основе совместного или соседского проживания членов социальных групп различного масштаба и различной культурной идентификации.

В принципе создание границ возможно так же как строительство любого компонента политической организации общества (в данном случае имеющего пространственную привязку). Важно другое. После своего создания граница как бы начинает жить самостоятельно. На первый взгляд она «переопределяется» и приспосабливаются к политическим, социальным, экономическим условиям, в которых оказываются и, в свою очередь, изменяют их. На самом деле трансформации качества происходят не с границами, а с населением (социально-территориальными общностями) выходящими на новый этап региональ-

ной идентификации. При этом, конечно же, изменение статуса или места прохождения границы весьма значимо. Границы являются решающим фактором в формировании соответствующих территориальных сообществ. При этом они являются «точкой опоры» сразу для двух сообществ, находящихся по обе стороны границы. Сошлемся на предложенное социологом Энтони Гидденсом понятие — «time-space comparison», пространственно — временное сжатие.²⁸³

Следует обратить внимание и на некоторые экономические характеристики, например, связанные с ранжированием социально-статусных диспозиций по оси центр — периферия. В данном случае, конечно, оппозиция центр — периферия понимается не в пространственно-географическом отношении, а в связи с близостью или удаленностью от средоточий разного рода ресурсов и взаимодействий.²⁸⁴ Поскольку социально-статусная приближенность к центрам облегчает доступ к разного рода ресурсам и возможностям деятельности, она способствует экономическому развитию. Социально-статусная вытесненность на периферию ограничивает доступ к ресурсам и возможностям и подкрепляет охранительную (или оборонительную), консервативную по сути, жизненную установку связанную с удержанием экономических и статусных позиций. Уникальным исключением может стать граница. Здесь географическая периферия не совпадает с социальной. Ивангород со своим десятитысячным населением и лежащей промышленностью демонстрирует адаптивные установки и готовность к переменам. («экзистенциальных оптимистов»), оказавшихся в социальных «центрах», и «негативных». (Иная ситуация в Нарве. Здесь население чувствует себя в географической и статусной периферии. Ранее в повседневной жизни не были значимы границы, ибо они не переструктурировали социальное пространство и, соответственно идентичность. Часть таких границ представляли границы административно территориальные, которые, впрочем, не играли существенной роли в выборе идентификации).

---

²⁸³ Giddens A. The constitution of society. Oxford: Polity Press, 1997.

²⁸⁴ Eisenstadt S. Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York and London: Free Press, 1979; Rokkan S. Territories, Centers and Peripheries: Towards a Geoethic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation within Western Europe, in Gottmann J (ed.) Centers and Penfery. Spacial Variation in Politics. London, 1980.

ГРАНИЦА И РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (СЛУЧАЙ НАРВЫ-ИВАНГОРОДА)

Сегодня в Восточной Европе мы наблюдаем синхронные и противоположным образом направленные процессы переосмысления значения границ. С одной стороны, прежние границы, функционировавшие как важнейший элемент “железного занавеса” между капитализмом и социализмом, теряют привычный смысл. Благодаря усиливающемуся трансграничному сотрудничеству на фоне становления единой Европы еврорегионы иницируют новые импульсы для быстрого развития прежних периферийных территорий. С другой стороны, на части прежде единого пространства возникли новые государственные границы, которые постепенно приобретают смысл новой “границы Европы”.

В данной статье мы анализируем процесс становления, “укоренения” новой государственной границы, исследуя трансформацию повседневности жителей приграничных территорий; и, наоборот, роль границы в конституировании, организации и производстве социальной жизни в приграничье. Наше исследование российско-эстонской границы акцентирует внимание на том, как граница, будучи политическим проектом государственного строительства, подвергает кардинальной реструктуризации привычное социальное пространство, разрушая прежние связи и стимулируя в принципиально изменившихся условиях создание новых социальных сетей на приграничных территориях. Только исследуя повседневное поведение жителей приграничья, мы сможем понять, как формируется это новое социальное пространство, как функционируют его элементы, какие правила определяют поведенческие стратегии населения и институтов, какую роль играет в этих процессах новая граница.

В качестве объекта исследования мы выбрали так называемый разделенный город (формально два разных города) Нарва-Ивангород, между которыми прошла недавно возникшая государственная граница между Россией и Эстонией.

Границы советского периода

Яркие описания смыслов границы СССР можно встретить в последнее время у самых разных социальных исследователей (см. например, статью Гасана Гусейнова в этом сборнике). Изоляция от внешнего мира была принципом существования советского государства, начиная с конца 1920-х годов. За пределами СССР простирался враждебный мир, о котором советский человек практически ничего не знал. В определенном смысле ему было присуще “островное” сознание. Государственная граница, обрамляющая “свое” пространство, была исключительно важна как граница мира советского человека. Эту границу подавляющее большинство советских людей никогда не пересекало, она задавала общие рамки их существования.

В повседневной жизни были значимы иные барьеры, которые реально структурировали социальное пространство и, соответственно, жизненные миры людей. Часть таких границ представляли границы административно-территориальные, которые, впрочем, не играли существенной роли в выборе поведенческих стратегий. Куда важнее для организации повседневной жизни были границы, очерчивающие территории, подконтрольные, например, тем или иным промышленным предприятиям. Эти границы не всегда совпадали с административными. Они были “видимы”, ибо территории разных хозяйств могли резко различаться по характеру застройки, насыщенности инфраструктурой и т.д. Формальная иерархия промышленных предприятий (по отраслям и по уровню подчинения) сказывалась на объемах финансирования и, тем самым, на организации той части территории и социального пространства, которые находились в ведении данного предприятия.

Примером малозначимости межреспубликанских границ в сравнении с границами неадминистративными, делящими территорию между предприятиями, могло служить

приграничное пространство Ивангорода и Нарвы. С одной стороны, Нарва и Ивангород принадлежали разным советским республикам. С другой стороны, они представляли собой фактически единый город с общим пространством, с единой инфраструктурой, единым рынком труда, едиными “правилами жизни”. Социальные различия были связаны не с тем, где проживал конкретный человек - в Ивангороде или Нарве, - а с тем, на каком предприятии работал. Например, комбинат “Кренгольмская мануфактура”, расположенный в Нарве, строил дома для своих работников и в Ивангороде. И лучшие условия жизни были не у ивангородцев или нарвитян, а у работающих на комбинате.

Хотя формальные административные границы часто не играли роли в повседневной жизни, однако символическая иерархия пространства имела определенное значение. Эта иерархия выстраивалась, прежде всего, через категории престижа. Так престижнее было жить в Нарве, ибо Эстония воспринималась советским человеком как “домашняя заграда”. Поэтому “реальность” границы в советское время постоянно воспроизводилась, в основном, благодаря мифу о различиях в повседневной культуре между Россией и Эстонией. Через воспроизводство стереотипов воспроизводилась и граница. Несмотря на отсутствие значимых различий в жизни населения по обе стороны пограничной реки Наровы, в сознании людей присутствовала некая культурная граница, которую они соотносили с административной.

Разрушение прежнего пространства

После распада Советского Союза административная граница между Россией и Эстонией преобразовалась в границу между национальными государствами. Э.Гидденс связывает формирование современных государств с закреплением жестких межгосударственных границ (Giddens, 1985). При этом если ранее граница понималась как некая переходная область (*frontier*), позже она превращается в четкий разделительный рубеж (*border*), разделяющий национальные государства (Бродель, 1994; Giddens, 1985). Именно такую роль сегодня выполняет граница между Россией и Эстонией.

Основная функция границы - разделять государства - достигается, прежде всего, через контроль над ее пересечением. “Все /.../ социально произведенные факторы конституирования, обособления и поддержания коллективных идентичностей, такие как государственные границы /.../ в ретроспективе оказываются производными от скорости [в смысле скорости преодоления расстояния, в данном случае линии границы - О.Б., В.В.]” (Бауман, 1998:90). В ситуации Нарвы и Ивангорода граница стала прежде всего “реальной” в том смысле, что расстояние между городами, которое некогда преодолевалось быстро и без ограничений, теперь стало много “больше”. Преодоление этого расстояния теперь требует больших временных и денежных затрат (на оформление визы, например). Более того, по границе России и Эстонии теперь прошел часовой пояс. Таким образом граница “отдалила” два города друг от друга еще и во времени.

В социальном смысле граница призвана конституировать “свое” пространство, воспроизводить представления о дихотомической структуре жизненного мира. “Свой” мир однороден, освоенный, обжитой. За границей же начинается “чужая земля”. Она становится основанием социальной рефлексии, когда “жизненный мир” и, соответственно, социальная идентичность строится на подобном противопоставлении с за-граничными жителями, что во многом определяет социальные действия. Ситуация пересечения границы провоцирует формулирование идентичности. Момент ее пересечения - момент максимальной идентификации “извне”. Специально обученные люди по цвету паспорта фиксируют принадлежность человека к различным сообществам.

Памятуя о собственных впечатлениях от пересечения границы, авторы поймали себя на том, что всякий раз после “ритуалов” - паспортного и таможенного контроля, - будучи уже на “чужой” территории, они начинали сравнивать, подбирать отличия, которые, “естественно”, непременно находились. Об этом же говорили и наши информанты. В интервью граница тематизируется в терминах сравнения. Риторика границы отражает это сравнение и противопоставление, например, в нарративах, посвященных границе, где исполь-

зуются выражения “*другая сторона*”, “*на той стороне*”, “*у нас, и у них*”, “*там, за мостом*” и т.д.

Территория государства как социокультурный конструкт воспроизводится через национальный дискурс границы, например, путем тиражирования карт страны или путем переписывания зафиксированной в школьных учебниках или в концепциях краеведческих музеев истории приграничных контактов. В зависимости от состояния межгосударственных отношений стоящие друг против друга крепости Нарвы и Ивангорода могут быть представлены в национальном дискурсе как единый туристический комплекс либо как памятник исторического противостояния двух стран.

Через СМИ воспроизводятся и распространяются представления о том, что граница разделяет мир на две части. Например, в “Нарвской газете” существует постоянная рубрика “Вести с границы”. В основном, здесь приводится статистика нарушений границы и обсуждаются санкции по отношению к нарушителям. Такие публикации, наряду с часто публикуемыми карикатурами на соответствующую тему, призваны заклеить “ошибочные” представления о смысле новой границы. Ирония стала инструментом борьбы за скорейшее закрепление в сознании населения линии раздела некогда единого пространства.

Граница разрушила прежде единое социальное пространство Нарвы и Ивангорода. Это связано прежде всего с тем, что была разрушена привычная и освоенная зона повседневности. Теперь уже практически невозможно жить в одном приграничном городе, а учиться, работать или хоронить близких в другом, как это было раньше. Прежняя структура социальных сетей, повседневные практики людей изменились благодаря границе и все более различаются по мере усиления различий в общем контексте России и Эстонии.

Формирование нового пространства

Тем не менее, дихотомическое конструирование мира, которому способствует граница, предполагает какие-то отношения между обеими сторонами приграничья - не важно, конфронтация ли это, кооперация или игнорирование - и неизбежное формирование нового единства. Граница современного государства предполагает существование мира по ту сторону условной черты и означает признание “другого”, “иного”. Парадокс границы и состоит в том, что границы разделяют людей, однако их разделяющие свойства вызывают новое взаимодействие между людьми, порождают новые солидарности, и, соответственно, новые социальные сообщества, основанием для конституирования которых становится граница. Приграничное социальное пространство следует анализировать как единое, структура которого задана особенностями существующей границы.

Приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-географическом пространстве государства, будучи одновременно и центром и периферией. Являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами. В некотором смысле можно даже говорить о региональной культурной гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной гетерогенности. Таким образом, центральной категорией социального анализа феномена границ должно стать понятие приграничье (*borderland*), которое понимается, не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое социальное пространство; и в этом смысле операциональны понятия *common place* и *common people* (Baud, Schendel, 1997:216).

Граница становится принципиальным фактором, формирующим социальную структуру приграничного региона. Она не только и не столько делит сообщества по разные стороны рубежа, но диктует определенную логику формирования внутренних границ сообществ: по языку, этничности, гражданству, профессии, статусу, поколениям и т.д. Например, сейчас поколенческая граница в населении Нарвы или Ивангорода проходит не только между социализировавшимися в советское либо в постсоветское время, но и между теми, чья юношеская социализация прошла до или после появления границы. Профессиональные сообщества, чья деятельность связана с границей, наделяются особым статусом и ресурсами.

По выражению Эрхарда Штельтинга (см. этот сборник), здесь существуют две возможные стратегии - “стоять лицом к границе” и “отвернуться от нее”. Используя эту метафору, можно сказать, что русским в Нарве следует назвать того, кто смотрит через пограничный шлагбаум в сторону России, а эстонцем, соответственно, - смотрящего в обратную сторону. То есть важным критерием формирования различных социальных сообществ становится отношение к границе, выбор определенных жизненных стратегий, включающих либо не включающих границу, использующих или не использующих связанные с ней ресурсы. Возникают социальные сети, в основе которых лежит граница уже не как преграда, но как необходимое условие солидарности (например, для контрабандистов). Можно говорить о постепенном формировании единого приграничного социального пространства.

Хотя экономический и социальный контекст и, следовательно, повседневная жизнь людей по обе стороны Наровы все больше различаются, однако жизненные стратегии нарвитян и ивангородцев схожим образом ориентированы на преодоление границы в поиске определенной выгоды. Таким образом объединение идет через разъединение. Граница становится своего рода ресурсом. Прежде всего, активно используется разница в ценах на товары и услуги. Неоднократное пересечение границы в течение одного дня для того, чтобы в соседней стране позвонить или купить продукты, - привычная процедура. Сегодня структура потребления жителей Нарвы в значительной мере формируется в Ивангороде. Таким образом граница не ограничивает территорию повседневности, но, напротив, стимулирует развитие последней за пределы “своего” государства.

Пионеры созидания единого межграничного пространства - постоянно пересекающие границу люди, для кого подобные действия становятся рутиной (например, работающие за границей, или те, чья деятельность непосредственно с ней связана). Бизнесмены и контрабандисты не просто перевозят товар, но легально или нелегально переправляют через границу знание о “другой стороне”.

Сам момент пересечения границы стимулирует возникновение солидарности вне зависимости от гражданства, языка и т.д. для решения возникающих проблем. Например, если у кого-то вес перевозимого груза превышает норму, то в момент таможенного контроля можно “поделиться” излишком с тем, кто тоже пересекает границу. Если у кого-то из въезжающих в Эстонию отсутствуют необходимые деньги, требуемые для предъявления таможенникам, попутчики собирают и одалживают на время пересечения границы нужную сумму. При этом такая солидарность ситуативна, она существует лишь на момент пересечения границы.

Особое значение приобретают многочасовые очереди на контрольно-пропускных пунктах. Здесь в значительной мере формируется повседневный дискурс границы. Люди активно обмениваются информацией о том, как облегчить пересечение границы, как обойти те или иные законы, как лучше использовать социальные и экономические различия по обе стороны границы. Здесь же возникает множество неформальных правил, регулирующих очередь (например, работающие за границей могут переходить границу вне очереди, направляясь на работу, однако должны стоять вместе со всеми в очереди при возвращении). Очередь становится своего рода клубом, где заводят знакомства, встречаются люди, которых давно не видели и т.д. Формируется сообщество, объединенное сходными целями, придерживающееся общих норм и правил. Такое сообщество достаточно многочисленно, имеет устойчивые границы (право пересекать границу в облегченном режиме имеет четко очерченный контингент). В этом особом приграничном публичном пространстве, помимо связанных с границей неформальных норм и правил, вырабатываются новые моральные представления о том, что такое “хорошо” и что такое “плохо”. Здесь “справедливость могла вырабатываться и распределяться горизонтально, сплачивая, таким образом, разговаривающих в сообщество, отделенное и сплоченное общими критериями оценивания” (Бауман, 1998:99).

Социальное пространство приграничья структурируется, в первую очередь, трансграничными социальными сетями. Конечно, многие такие сети были сформированы еще в советское время. Однако с появлением границы они переструктурируются, приобретают иное значение. Например, социальные сети, построенные на родственной солидарности, не просто воспроизводятся на уровне советских времен, но даже реанимируются и укрепляются (например, наш информант нашел отца, с которым не общался много лет, и стал поддерживать с ним отношения для того, чтобы оформить пропуск и иметь возможность пересекать границу). Однако вопреки расхожим представлениям о советском и постсоветском обществе как традиционном, подобная “реанимация” семейных отношений связана не со стремлением опереться на родственников при решении жизненных проблем, а лишь с возможностью облегчить формальное пересечение границы “по причине встречи с родственниками”.

Попутно хотим отметить, что выбор гражданства у жителей Нарвы и Ивангорода также был связан скорее с формированием новых жизненных стратегий в условиях появления границы, а не с вопросом лояльности государству или гражданской позицией. Поэтому катастрофические политические прогнозы, связанные с тем, что около трети населения Нарвы являются гражданами России, основаны попросту на глубоко ошибочной интерпретации этого факта. Выбор гражданства другого государства здесь ни в коей мере не грозит разрушением национального единства.

Логика развития границы

Любая граница рождается, проходит ряд этапов своего развития и умирает. Соответственно постоянно трансформируется приграничное пространство. Новая российско-эстонская граница в начальном периоде своего существования ставит своей задачей разрушение прежнего социального пространства в целях формирования новой государственной идентичности у жителей по обе стороны реки Наровы.

Идет процесс размежевания, граница постоянно укрепляется, льготы по ее пересечению отменяются, контроль ужесточается. Но в анализе развития приграничных регионов мы обязаны принимать во внимание перспективы взаимоотношений государств по поводу границы. Как заметил Владимир Ленин по другому поводу, “прежде чем объединиться, надо размежеваться”. Логика исторического процесса формирования национальных государств в Европе показывает, что при распадении империй разрушается насильственное единство. По мере развития возникает новая потребность в различных формах объединения, но уже добровольного и взаимовыгодного. Такого рода процессы начинаются на границах в целях соединения усилий по развитию периферийных регионов.

Нарва и Ивангород сегодня еще недостаточно “размежевались”. Новые условия и, соответственно, правила жизни по обе стороны условной линии пока только формируются. Ситуацию здесь определяет как сильная зависимость от власти центра, так и слабая степень интеграции населения каждого из городов в соответственно российское и эстонское общество.

Можно предположить, что наряду с процессом жесткого размежевания двух государств на фоне одновременного формирования неформального общего социального пространства постепенно наберет силу процесс “объединения” (появление новых форм трансграничной кооперации), который в ситуации Нарвы/Ивангорода пойдет достаточно быстро. Очевидно, он будет аналогичен процессам, происходящим на границах Европейского Союза, когда ранее неформальные практики сотрудничества постепенно институционализируются и легитимизируются.

Литература

Бауман, З. (1998) Власть без места, место без власти // Социологический журнал, №3. С.86-100

Бродель, Ф. (1994) Что такое Франция? Пространство и история. Москва: Издательство им.Сабашниковых // Braudel, F. (1986) L'Identite de la France. Espace et Histoire. Arthaud-Flammarion

Baud, M., Schendel, W. (1997) Toward a Comparative History of Bordrlands. In: Journal of World History, vol.8, No 2

Giddens, A. (1987) The Nation-State and Violence. Berkeley: University of California Press

Елена Никифорова
ГРАНИЦА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ?

(на примере сету Печорского района Псковской области)

В статье на примере сету мы рассмотрим, как конструируется этническая общность под воздействием политических обстоятельств. Статья преследует цель показать, как именно граница стала фактором, сформировавшим сету как этническую общность. Граница актуализировала этническую идентичность и сыграла решающую роль в этом процессе.

Эти размышления основаны на личном опыте полевого исследования в восьми деревнях Сетомаа с российской стороны границы. Исследование проводилось в 1995-1996 годах по инициативе негосударственной организации “Чудской проект”. В ходе исследования использовались методы включенного наблюдения, стандартизованного интервью и интервью “in-depth”.

Одним из следствий советской модели модернизации стал гигантский контраст между городом и деревней, приведший к формированию двух различных культур. Из-за слабой рефлексии и, как следствие, малоизученности, тема деревни не появляется в публичном дискурсе - дискуссия идет в городском обществе, о городском обществе и между учеными-горожанами с использованием городского категориального аппарата. В области “border studies” этот пробел особенно заметен: существует множество работ по исследованию разделенных городов, изучаются возможности трансграничного сотрудничества в Еврорегионах, кооперация между пограничными городами и областями. О том же, как трансформировалось деревенское социальное пространство в приграничье вследствие возникновения политической границы известно немного.

Сельские поселения в современном приграничье Эстонии и России представляют особый интерес для исследователя. Существование на территории Печорского края этноконтактной зоны финно-угров и славян обусловило этническую “пестроту” региона. Социальное пространство было организовано перпендикулярно современной государственной границе, границы этнических групп были размыты, население - вне зависимости от этнической принадлежности - использовало административную границу между Эстонией и Россией для своей выгоды (например, разницу цен, разницу в снабжении и т.д.). С трансформацией политического пространства изменились социальные границы сельского сообщества.

Граница также впервые поставила перед сельскими жителями вопрос о принадлежности к национальному государству. В связи с этим возникает еще одна задача для исследователя – объяснить, как изменилось пространство идентичностей сельского сообщества с появлением границы как воплощения государства, как формируется иерархия идентичностей в сельской местности в новом контексте.

Само слово “сету” появилось в публичном дискурсе Эстонии и России только в начале 90-х годов. До этого времени о небольшой этнической группе, живущей по соседству с русскими на территории Печорского края, знал только узкий круг ученых-этнографов. “Пограничность” ареала расселения сету и некоторые особенности их культуры вызвали в научных кругах дискуссию об их этнической принадлежности. В начале 90-х годов в силу изменения политического контекста тема сету стала также предметом публичной дискуссии. В отличие от эстонцев-лютеран, сету исповедуют православие, как и их русские соседи, однако говорят на южном диалекте эстонского языка, содержащем ряд заимствований из русского. “Сету гораздо общительнее, чем эстонцы, это влияние славянских кровей, славянского окружения” (из интервью с сету, дер. Ячменево). Сохранив некоторые дохристианские обычаи и нравы, сету получили у русских соседей прозвище “полуверцы”, и сами себя они так тоже часто называют. Огромная роль в формировании культуры сету принадлежит Псково-Печорскому православному монастырю. Город Печоры, бывший до

учреждения границы своего рода столицей Сетомаа, и сейчас все еще имеет сакральное значение для сету старшего поколения.

Численность сету постепенно уменьшалась. Современные исследователи утверждают, что сету осталось не более полутора тысяч. Размывание границ этнической группы происходило естественным образом за счет миграции населения из деревень в города Эстонии и России. Город быстро нивелировал различия по мере интеграции мигрантов в местное сообщество. Такой важный маркер идентичности сету как религия в городе не имел никакого значения; знание диалекта эстонского языка и свободное владение языком соседей - русским - позволяло молодым сету достаточно легко адаптироваться как в Эстонии, так и в России. Явными лидерами по приему мигрантов из сетуских деревень, находящихся на российской стороне современной границы (как, впрочем, и их русских соседей!) были Тарту и Таллинн. Два других крупных центра региона - Печоры и Псков - не были популярны по ряду причин. Эстония привлекала мигрантов близостью к родным местам, более высоким уровнем жизни, высоким статусом Эстонии как “домашней заграницы”. Напомним также, что государство считало сету эстонцами, что, вероятно, дополнительно стимулировало миграцию в Эстонию.

“Быть” сету и говорить на языке сету в Эстонии было “непрестижно”. Не будет преувеличением сказать, что в общественном сознании слово “сету” воспринималось как синоним понятий “провинциальный”, “отсталый”, “несовременный”. Естественное стремление избавиться от стигмы при неблагоприятных внешних условиях (сету “не существовали” в публичном дискурсе, отсутствовал официальный этноним, нельзя было получить образование на языке сету и т.д.) ускоряло процесс растворения сету в эстонской среде.

Однако в конце 80-х годов политический контекст изменился. Сету не остались в стороне от повсеместных процессов этнической мобилизации. В общем потоке национально-политических движений конца 80-х - начала 90-х годов возникают сразу две общественные организации по разные стороны от тогда еще символической границы между двумя республиками. В Эстонской ССР возрождается Конгресс сету, а в Печорах (РСФСР) этнокультурное общество сету (ЭКОС). Началась работа по формированию этнической общности (возрождение языка и фольклора, создание букваря, популяризация национальных героев и т.п.), появились лидеры, активисты движения, складывалась его идеология. Сету-движение характеризовалось определенным ностальгическим отношением к местной традиционной крестьянской культуре и идеализацией “деревенского” прошлого (Яатс, 1998).

Для многих активистов - преимущественно городских жителей с гуманитарным образованием - фольклоризированная этничность сету стала богатым ресурсом для накопления социального капитала. Акцент на уникальности сетуской культуры должен был помочь опровергнуть расхожее представление о сету как об отсталом неграмотном народе, эстонском аналоге российских фольклорных “чукчей” (анекдот, рассказанный сету в Вярска: “Из сводки дорожной полиции: в автомобильной катастрофе погибло два человека и три сету”).

Однако сету остались бы этнографической категорией, а Сетомаа - музеем фольклора под открытым небом, если бы не появилась граница. Граница разделила ареал расселения сету. Часть из них оказалась в Печорском районе Псковской области России, часть в Вярском районе Эстонии. В связи с территориальным спором между Россией и Эстонией по поводу принадлежности Печорского края сету неожиданно оказались в центре политической игры. Появился целый ряд публикаций о “разделенном народе”, который должен быть объединен в политических границах Эстонии или России. Вопрос национальной идентичности сету занял определенное место в эстонском политическом дискурсе. Кто такие сету? Больше эстонцы или русские? Вопрос упирался в определение приоритетного критерия в ряду существующих маркеров этнической идентификации.

В советской этнографии и национальной политике этнокультурным различиям придавалась особая значимость. Отечественная формула анализа этничности предполагала а

пріогі существование глубоких культурных оппозиций между “нами” и “другими” (Тишков, 1997:54). Учреждение жесткой государственной границы институционально закрепило миф о культурной границе и потребовало определения места сету в новой системе координат, исходя из привычного понимания этничности как врожденной и неизменяемой характеристики. Политизация проблемы сету принесла новый политический капитал идеологам движения, которые из локальных культурных лидеров неожиданно попали в высшие круги эстонской политики. В политических кругах зазвучала и утвердилась в идеологическом дискурсе тема о разделенном народе. Так происходило конструирование общности сету “сверху”.

“В деревне все русские, поэтому значения национальному вопросу никто не придает. Это в городе выдумывают всякую ерунду, раньше и с эстонцами разладу не было; если что надо, садишься на катер и на тот берег, у них там снабжение лучше было” (из интервью на побережье Псковского озера). Отталкиваясь от конструктивистского понимания этничности как идентичности, которая актуализируется или теряет свою значимость в зависимости от контекста, рассмотрим этническую идентичность сету и попытаемся определить ее место в спектре идентичностей деревенского жителя приграничья. Другими словами, попробуем дать ответ на вопрос, существовало ли движение “снизу” к созданию этнической общности или это только городской конструкт.

Культура сету - это сельская культура, поэтому необходимо остановиться на некоторых особенностях деревенского сообщества, специфике организации социального пространства в деревне, на совершенно особой роли и смысловой нагрузке “почему-то возникшей” границы (так она воспринимается сельскими жителями) в деревенской повседневности.

Несмотря на то, что волны радикальных изменений докатились до самых отдаленных уголков России, сельское сообщество все еще можно назвать стабильным обществом с заданным течением жизни. Распределяя ресурсы и строя планы, сельский житель по-прежнему опирается на культурную категорию *круга времени* (Бейли, 1992: 226), исходя из представлений, что с минимальными отклонениями следующий год будет повторением года нынешнего. “Громом среди ясного неба”, трудно осознаваемым деревенским жителем фактом стало появление границы, разрушившей привычное пространство повседневности и обозначившее новую реальность и новые понятия, не существовавшие прежде в деревенском языке.

Что было здесь до того, как “пришла” граница? Русские и сету работали в одном колхозе, существовал общий приход с церковью и кладбищем в Эстонии в Саатсе (русское название – Зачеренье), большинство прихожан которого - сету и русские - жило на территориях, теперь принадлежащих России. *“Мы ходили в Зачеренье на танцы и они к нам.. Полуверцы, русские... В церковь одну мы ходим, на кладбище наши могилки, эстонские - все вразнобивку. Сидят полуверцы, сидим и мы на кладбище. Кто постарше, тот по-ихнему разговаривает, друг друга угощают* (из интервью).

Организация социального пространства деревни находится в прямой зависимости от того, как проходят дороги. Именно изучение “истории дорог” позволило нам реконструировать границы социального пространства жителей приграничья, определить, где кончался тогда и кончается сейчас мир их повседневности и понять, как соотносятся социальные границы с границами этническими.

Дороги в деревне - “пути (со)общения”. Практика общения по телефону на российской стороне практически отсутствует, во-первых, из-за очень слабой телефонизации, во-вторых, потому, что общение “лицом к лицу” традиционно важно для деревенских жителей. В силу этого следует подчеркнуть роль дорог, которые структурируют коммуникативное пространство. Исследуемый нами “угол” деревень (сетуских и русских) долгое время находился в относительной изоляции от российской “большой земли”. Сообщение с российскими населенными пунктами осуществлялось по воде, а все сухопутные дороги проходили через Эстонию. Современной дороги, соединяющей Крупп (русская деревня,

центр волости) с прибрежными русскими деревнями Кулье и Лисье и проходящей сейчас через сетуское Ячменево, раньше не существовало. Она появилась вместе с границей. До демаркации же границы все социальные связи осуществлялись через Эстонию по маршруту Печоры - Вярска - Кулье. Этот путь пересекал современную границу четыре раза (!).

Куда дорога есть - там Свои, куда дороги нет - там Чужие. Представления сету о "своем мире" включали в себя соседнюю русскую деревню: *"...Клубу в Городище теперь вот 50 лет отмечали. У нас все там друзья были, как своя деревня. Работали вместе, гуляли, очень поладились хорошо"* (из интервью, дер. Пырсте).

Деревенское сообщество, "своя деревня" имеют абсолютный приоритет для самоидентификации сельского жителя. По словам А. Мендра, деревенское общество - это "общество всеобщего знакомства", понятие родины для деревенского жителя заключено в его деревне, сообществе и ландшафте, который он может видеть и с которым он находится в непосредственном контакте (Мендра, 1999:171).

Несмотря на то, что источники массовой информации постоянно напоминают деревенскому жителю о том, что он и другие жители деревни являются частью гораздо большей социальной общности - нации, идентификация с национальным государством наименее значима для деревенского жителя. Государство "не видимо", оно слишком далеко и слишком абстрактно, поэтому национальная идентичность становится значимой только в экстремальной ситуации (например, в случае войны). Неожиданное появление в деревне государства в образе границы и ее институтов впервые за долгое время актуализировало вопрос о принадлежности к этнической общности, существующей в границах общности политической. Однако гражданство для сельского жителя не связано с чем-то иным, нежели с практикой преодоления границы. *"Гражданство практически важно, а как там - на это никакого внимания. В паспорте раньше писали - эстонцы, а теперь вот - гражданство. Два теперь! (два гражданства, России и Эстонии - Е.Н.). Сперва боялись эстонский паспорт брать, пугали, что какие-то меры будут применять, что будут выселять. А теперь поспокойнее, оба паспорта на границе показываем. На российской - российский паспорт, на эстонской - эстонский"* (из интервью, дер. Пырсте).

Как показали интервью, у деревенского жителя нет гражданского патриотизма - паспорт воспринимается исключительно как инструмент реализации повседневных практик. Паспорт, гражданство для жителя приграничья не более чем категории, призванные "сшивать" разорванное пространство повседневности. У многих местных жителей три паспорта: российский внутренний, российский заграничный и эстонский. Граница, становясь частью повседневного мира, формирует новые практики и связанные с ними ритуалы. Ритуалы перехода границы включают в себя в том числе и новое повседневное знание - где и какой паспорт продемонстрировать (привычная сцена на границе, когда старушка протягивает пограничнику все три паспорта одновременно: "Какой тебе, милоч?").

В традиционных обществах "ритуалы перехода" (rites de passage) часто приводят к полной смене идентичности. В нашем случае есть основания предполагать, что, напротив, для сету (или русского жителя приграничья) переход границы ни в коей мере не ставит вопроса о собственной идентичности. Обжитая территория на границе не заканчивается, социальное пространство повседневности захватывает близлежащие населенные пункты в Эстонии, многие значимые события биографии происходили на эстонской стороне (учился в Вярска, в Саатсе родители похоронены, сестра живет в Пылва).

После учреждения границы деревенские жители пытались сохранить прежний социальный порядок. Началось "обыденное сопротивление" сельских жителей - скрытая, но упорная борьба с государством (Скотт, 1996:32), что прекрасно иллюстрирует цитата из объяснительной записки нарушителя границы пограничникам: "Здесь мои места, я здесь ходил и ходить буду. Об уголовной ответственности предупрежден". Эта запись была сделана в 1995 году. Активное сопротивление было характерно для периода привыкания к новой границе. Используя представление Бауда и ван Шенделя (Baud, van Schendel, 1997:

223) о “жизненном цикле” границы, российско-эстонская граница находится в “юношеской” стадии развития границы, когда процесс трансформации старых отношений уже начался, но наиболее прочные прежние трансграничные связи все еще сохраняются.

Сейчас социальное пространство постепенно переструктурируется в зависимости от контуров границы. Политическая граница стала частью повседневности. Правила и практики по разные стороны границы все больше различаются, что ведет к усилению символического значения границы. Приобретет ли сконструированная в публичном дискурсе общность сету “надграничность”, появятся ли две различные этнические группы сету по разным сторонам границы, будут ли сету ассимилированы доминирующими культурами, это вопрос дальнейших исследований.

Литература

Бейли, Ф. Дж. (1992) Представления крестьян о плохой жизни. В: Шанин, Т. (сост.), Гордон, А. (ред.) Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Москва: Прогресс, с. 211-228

Мендра, А. (1999) Основы социологии. Москва: Нота Бене

Скотт, Дж. (1996) Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. В: Данилов, В., Шанин, Т. (ред.) Крестьяноведение. Теория, история, современность. Москва: Аспект Пресс, с. 26-59

Тишков, В. (1997) Очерки теории и политики этничности в России. Москва: Русский Мир

Baud, M., van Schendel, W. (1997) Towards a Comparative History of Borderlands. In: Journal of World History, vol. 8, No. 2, pp. 211-242

Jaats, I. (1998) Setu Identity. Tartu

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГРАНИЦ

Создание границ возможно так же, как возможно написание конституций или изменение правовой системы. Но после создания конституции и правовые системы начинают жить самостоятельно. Они переопределяются и приспосабливаются к комплексным социальным условиям, в которых оказываются и, в свою очередь, изменяют их. То же справедливо и в отношении государственных границ. Границы являются решающим фактором в формировании соответствующих обществ; они имеют то значение, которое отражает в них общество, в рамках которого они существуют.

Несмотря на то, что границы могут обозначаться искусственно, они становятся самостоятельным социально-историческим феноменом. Если их отменяют, как это часто случается, они оставляют следы, которые едва ли когда-либо исчезнут. Например, граница между Восточной и Западной Германией просуществовала всего лишь 45 лет, однако сегодня она продолжает существовать в социальном и культурном отношении, и ее эффект будет чувствоваться еще долгое время. Это не означает, что Германия непременно расколется вновь, но она будет и далее внутренне маркирована различиями, которые оставила граница. Эти различия, конечно, со временем изменят свое значение, но, так или иначе, будут существовать подобно следствиям многих давно исчезнувших границ, все еще проявляющихся в различиях менталитетов, массовой культуры, диалектов или электорального поведения.

Если общества формируются границами, и если границы надолго оставляют свой след, исследование границ прошлого и настоящего может стать одной из наиболее важных тем исторического и социального исследования, хотя, конечно, не только их. Существует дополнительная проблема - концепция границы может иметь и имеет различное значение в разные времена в разных местах. И эти различные значения иногда неосторожно смешивают.

Приведу пример “естественных границ”. Как показывает история, высокие горы, обширные болота или непроходимые леса охраняли культуры и языки. Они позволили весьма разнообразным и маленьким культурам остаться в живых. Подобную ситуацию мы наблюдаем в горах Кавказа или даже в куда меньших по масштабу Альпах. И, наоборот, потребовалось некоторое время, пока реки, которые казалось бы самой природой для этого приспособлены, стали рассматриваться как естественные границы. Их легко пересекали, использовали в качестве транспортного пути или для ирригации. Именно поэтому культуры обычно процветали вдоль рек (например, вдоль Инда, Ганга, Янцзы, Хуанхэ, Нила, Евфрата, Волги и т.д.). И Рейн не являлся границей до нового времени. Если бы Римская империя выбрала в качестве границы с варварскими племенами Рейн, это было бы для нее самоубийством. Римляне установили границу своей империи - лимес (пограничный вал) - к востоку от Рейна и в течение некоторого времени процветали, дистанцируясь от варваров.

Проиллюстрирую первое наблюдение. Римская Империя исчезла много лет назад. Население Германии давно забыло бы о существовании лимеса, если бы не изучало историю в современных школах. Однако социальные и культурные последствия до сих пор ощутимы в тех регионах Германии, в зависимости от того, подчинялись ли они римскому праву.

Для того, чтобы реки стали квазиестественными границами, должны были возникнуть современные государства, и, одновременно, должна была развиваться картография. Современное государство стремится к гомогенизации своих жителей, дифференцируя граждан и неграждан, этническое большинство и меньшинство, и к гомогенизации территории в правовом отношении. Теперь реки были особенно удобны в качестве границ, так как о них можно было думать как о ясно обозначенных линиях.

Идея, что каждое государство имеет или должно иметь единый суверенный народ, и что единство народа определяется общей культурой и языком, была довольно успешно реализована во Франции и Британии. Лингвистическая гомогенизация была возможна там, где оставались лишь небольшие меньшинства с низким социальным и культурным престижем. В Центральной и Восточной Европе ситуация была иной. В мультикультурных империях существовала этническая и культурная иерархия, но в строгом смысле империи стремились к культурной и лингвистической гомогенности, и когда они достигали ее, империи имели тенденцию разваливаться. Национальные государства, которые выкристаллизовывались из умирающих империй, наследовали некоторое культурное разнообразие этих империй, но они были вынуждены любыми политическими средствами преодолевать его. Иногда национальные государства могли институционализировать некоторую толерантность. Однако в большинстве случаев меньшинства воспринимались как “проблема”, которая, в конечном счете, должна быть решена ассимиляцией, переселением или более суровым способом.

Попытки ассимилировать культурно разнообразные части населения заканчивались, как правило, сопротивлением или, по крайней мере, социальным напряжением, которое было трудно преодолеть. Под угрозой территориального раскола эти попытки могли усиливаться. Поэтому современные национальные государства были бы внутренне нестабильны, если они были бы составлены из культурно неоднородных популяций, а попытка увеличить однородность, чтобы сломить тенденцию к дестабилизации, могла привести именно к увеличивающейся нестабильности.

Таким образом государственные границы выполняли не только функцию определения национальной идентичности. Они были инструментальны в формировании внутренних конфликтов. В этом отношении современные границы имеют глубоко противоречивое значение, которое воплощается в различных формах социальной напряженности. Однако, на самом деле, их функция еще шире, и это ведет к непреднамеренным, но решающим последствиям.

Если смотреть на границу, то так или иначе известно, что за ней находится другой мир. Иными словами, границы создают различие между “здесь” и “там”, которое считается существенным. Различие одновременно привлекает и отпугивает. С одной стороны, оно помогает создавать коллективную идентичность, но, с другой стороны, оно угрожает существованию этой идентичности.

Возможны две реакции на это непростое различие. Первая - отвернуться от границы. Внешний мир просто не существует в смысле его реальности. Представляется, что такая реакция довольно типична. В Берлине до 1989 года многие люди и на Востоке, и на Западе зачастую игнорировали стену. Они даже не думали о ее другой стороне, хотя знали, что там определенно что-то есть. На стену как на демаркацию различий просто не смотрели, она оставалась неотрефлексированной. Это один из факторов, который помогает вписать границы в общество. Подобное отношение к недавно обозначенным границам способствует постепенному стиранию коллективной памяти. Конечно, некоторые следы истории продолжают существовать и влиять на поведение людей. Однако они не прочтываются населением, живущим вблизи границ, они видимы лишь информированному постороннему.

Такой вид поведения отражается даже в процессе создания карт, в которых одна страна представлена в виде острова, окруженного лишь одним цветом - внешним миром. Например, Богемия была расположена в море. Этот тип карт был особенно распространен в социалистических государствах, которые, как правило, отрицали любые исторические контексты и поощряли переписывание сложных региональных или культурных историй в простые национальные сказки.

С другой стороны, привлекательность границы, отличия другой стороны могут вызывать иной тип поведения. В этом случае граница является соблазном пересечь ее, законно или незаконно, и испытать волнение от отличий. Можно выделить два типа нарушителей

границы. Один из них - исследователи в поисках нового опыта, или те, кто просто хочет расширить свои знания, осваивая новые и поэтому заманчивые территории. Они могут демонстрировать свою храбрость и свой опыт позже, получив дома социальное признание и освоив некоторые из привлекательных качеств, приписываемых чужой стране.

Этот тип нарушителей границы помогает воспроизводить коллективную идентичность более осознанно: с одной стороны, все сильнее утверждать ее новыми аргументами, однако, с другой стороны, подвергать ее опасности. Существуют аналогичные феномены социального восприятия. Например, пересечение сексуальной границы одновременно подтверждает и подрывает традиционные гендерные роли. И это пересечение можно воспринимать как угрозу “нормальной” идентичности. То же мы наблюдаем при пересечении границ научных дисциплин. Упорядоченная кооперация так же бесплодна как, например, туризм официальных делегаций. Ее можно противопоставить ученым, которые игнорируют границы и тем самым угрожают существованию формальных дисциплин и дисциплинарной идентичности.

Второй тип нарушителей - профессиональные контрабандисты, которые нарушают границы по иным мотивам. Они действуют незаконно, тайно переправляя товары через границу. Люди, занимающиеся контрабандой картин, поэзии, идей или чувств воспринимаются как опасные. Так как мотивы их деятельности не обязательно благородны, в ней видят импорт опасных инфекций на территорию, где нормальные люди стараются неукоснительно и культурно мыться для того, чтобы воспроизводить незагрязненную идентичность.

Можно найти иные типы нарушителей границы или дифференцировать их в подтипы. Но понятно, что роль пересекающих границу двойственна и противоречива. С одной стороны, они укрепляют институты, которые призваны поддерживать существование и эффективность границ. Это связано с тем, что нарушитель стремится обходить или подрывать любые механизмы защиты, изобретенные пограничниками, а те, в свою очередь, вынуждены непрерывно совершенствовать собственные методы. Таким образом граница становится все более трудной для пересечения, но она непрерывно воодушевляет нарушителей быть более изобретательными.

Однако сам нарушитель заинтересован в существовании границ. Контрабандист, не имея границ, которые он тайно стремится пересечь, потерял бы средства к существованию. Романтичный нарушитель потерял бы интерес к жизни, если другая сторона не была бы огорожена и поэтому не сильно бы отличалась. Все это могло стать одной из причин, объясняющей, почему объединение Европы, будучи экономически и политически нормальным предприятием, никогда не будет таковым в культурном отношении.

Метафорическая проницаемость концепции границы доказывает, что она имеет важное социальное содержание. Социальные классы и социальные миље (milieus), субкультуры, так же как и страны, могут быть описаны и описываются в терминах пространства. Это дает возможность переосмыслить перспективу границы как социального феномена. Пространственная коннотация социальных и культурных “границ”, культурные и социальные коннотации государственных границ позволяют использовать концепцию “социальной формы” Георга Зиммеля. Таким образом создание границ может вызывать определенные трудности, анализ которых выходит за пределы этой статьи. С другой стороны, границу можно рассматривать как причину интереса, любопытства или познавательного и эмоционального удовольствия. Эротические коннотации могут быть переведены в иные социальные и культурные пространства. То есть границы не должны рассматриваться лишь как амбивалентные или возможные положительные стимулы; цепочки метафор, порождаемые концепцией границы, могут помочь в исследовании границ.

Перевод О.Бредниковой

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕ ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ*

... Понятие "ментальная карта" (*mental map*, *kognitive Landkarte*) было впервые введено Э. С. Толманом в 1948 г. Однако главные работы по этой тематике относятся к 70-м годам и принадлежат авторскому коллективу Р. М. Доунза и Д. Сти [3]. Географ Р. М. Доунз и психолог Д. Сти определяют ментальную картографию как "абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве". Следовательно, ментальная карта - это "созданное человеком изображение части окружающего пространства. [...] Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны" [4]. Субъективный фактор в ментальной картографии ведёт к тому, что "ментальные карты и ментальная картография [...] могут варьироваться в зависимости от того, под каким углом человек смотрит на мир" [5]. Когнитивная психология понимает ментальную карту как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства [6].

Со временем понятие "ментальная карта" получило своё развитие и перешло в обиход других исследовательских дисциплин, среди которых география и историческая наука. Распространение данного понятия основывается на осознании того, что не только индивидуумы создают свою субъективную внутреннюю картину окружающего их пространства, сведения о котором они могут получить непосредственно. Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе. Этот процесс коллективной ментальной картографии в течение ряда лет привлекает к себе внимание разных областей знаний. В этой междисциплинарной сфере исследований встречаются друг с другом географы, историки, этнологи, картографы, социологи и психологи.

Социологи и культурологи направляют свой взгляд не столько на формы репрезентации пространственных знаний в сознании индивидуума, сколько на зафиксированные текстуально и в виде изображений представления всего общества о пространстве. Они изучают воображаемое членение территорий, с которыми лишь малая часть членов данного сообщества знакома по личным наблюдениям, - таких, например, как "Балканы", "Азия", "Центральная Европа" или "Восточная Европа". Так же, как и изучение национального мира образов и символов, анализ коллективных ментальных карт можно отнести к области исследований общественного воображения и коллективной репрезентации. Даже если с точки зрения существования "реалий" (например, географических, культурных, языковых, конфессиональных) границы исследуемых районов и не отрицаются во многих работах, все же предметом исследовательского интереса в этих работах прежде всего, как правило, являются представленные в текстах, на картах и рисунках наброски и планы территорий. По этой причине исследования ментальных карт часто имеют в своей основе анализ дискурса.

В тесном соседстве с историко-культурным изучением специфических представлений о пространстве находятся такие сферы исследования, как изучение границ и геополитика: аналитический обзор научной литературы по этим темам был недавно опубликован Юргеном Остерхаммелем [7]. Ю. Остерхаммель, чьё исследование "дискурса об Азии" в Европе XVIII века внесло важный вклад в современную дискуссию о ментальных картах [8], сожалеет в своём аналитическом обзоре о том, что современные немецкие историки

отказываются рассматривать историю в пространстве. Смущение перед этой темой, которое особенно бросается в глаза при сравнении с открытостью к вопросам пространства в социологии и культурологии, он возводит, во-первых, к традиции историзма с его сосредоточенностью на факторе времени, а во-вторых, к скомпрометировавшим себя геополитическим изысканиям времён Веймарской республики и национал-социализма. Ю. Остерхаммель выступает за то, чтобы опять признать географию и историю родственными дисциплинами и снова сделать географическое пространство предметом обсуждения в исторической науке.

В географии уже ведётся бурная дискуссия о конструировании пространства в сознании. Поскольку географические представления о пространстве традиционно проявляются в картах, именно в картографии в первую очередь и можно обнаружить интересные исследования на тему создания ментальных карт. Большое значение тому утверждению, что карты никоим образом не воспроизводят объективную реальность, придают в особенности работы, которые можно отнести к географии постмодернизма. Историк картографии из США Джон Брайен Харли (1932-1991) жалеет, что до сих пор ни географы, ни историки не занимались исчерпывающим образом географическими картами в качестве структур социального знания. Для него географические карты являются сложными семиотическими построениями, которые, как и тексты, требуют интерпретации и которые следует читать как портрет власти [9]. "Карта никогда не является нейтральной" - вот ключевая мысль Дж. Б. Харли [10].

Вдохновлённый идеями Жака Деррида и Мишеля Фуко, он формулирует три новые точки зрения на картографию, которые ориентированы на новую эпистемологию, прочно занявшую своё место в социальных теориях. Во-первых, Харли интересуется свод правил, по которым составляются карты. Во-вторых, он анализирует текстуальность карт и занимается их деконструкцией. В-третьих, он исследует взаимосвязь между картами и осуществлением власти. "Карты являются языком исключительно власти, а не протеста", - констатирует Дж. Б. Харли [11]. Составление карт критически важно при ведении войны, при управлении страной и при определении имущественных отношений. При этом захват территории на карте часто предшествовал империалистической экспансии. "Владеть картой значило владеть страной" [12]. Искусство картографии находилось в руках немногих специалистов. Картографы никогда не были независимыми художниками или мастерами. На составление карт всегда оказывали влияние политические силы, рынок или бюрократия.

Географические карты как "синоптическое средство" стали предметом исследования также и для семиотики. Дагмар Шмаукс и Винфрид Нёт посвятили этой теме двойной номер журнала по семиотике [13]. В то время как Д. Шмаукс в своей статье, помещённой в этом издании, описывает карты как систему знаков и иллюстрирует свои выводы примерами карт погоды [14], в статье В. Нёта, где автор касается также проблемы ментальных карт, даётся полезный обзор "картосемиотики" (Kartosemiotik) как особой сферы семиотических исследований [15].

Мостик к когнитивной психологии перекидывается в работе Даниэля Р. Монтелло [16]. Однако он занимается не столько репрезентацией пространственной информации, сколько переработкой географических карт в сознании, т. е. пространственными знаниями "второй степени".

В дискуссии по географии и "картосемиотике" даже такая, казалось бы, бесспорная вещь, как стороны света, потеряла привычный ореол объективности [17]. Йонг Цао обращает внимание на то, что стороны света в названиях частей страны или континента редко указывают на географическое положение соответствующей местности относительно говорящего [18]. Напротив, речь идёт о геополитических единицах, которые сложились в процессе политической истории как территории и как ментальные конвенции, - например, это такие регионы США, как "Восточное побережье", "Средний Запад", "Юг". Именно такими конвенциями занимаются социологические и культурологические исследования ментальных карт.

Первой стороной света, которая подверглась деконструктивистскому взгляду, был восток. Одним из ключевых текстов в дискуссиях последнего времени является, разумеется, работа Эдварда Саида "Ориентализм" (1978) [19]. Работа Э. Саида была продолжением дебатов о колониализме и постколониализме. Автор описывает ориентализм - опираясь на Фуко - как западноевропейский дискурс, который, в первую очередь в Великобритании и Франции, в конце XVIII и особенно в XIX веке не только породил множество научных институций и дисциплин, не только способствовал росту интереса к восточным языкам, но и создал Восток как осознаваемую сущность и субъект истории. Этот конструкт, изобретенный западноевропейской мыслью, имел функцию амбивалентной противоположности Западу: такая противоположность, с одной стороны, могла романтически прославляться, а с другой стороны, выражала желание завладеть территорией, определяемой как "восток". Подобно Джону Б. Харли, который пытался читать географические карты как проявление власти, Э. Саид интерпретирует Восток как элемент ментальной карты, которую можно объяснить особым евроцентристским чувством превосходства над странами этой территории. Согласно Э. Саиду, ориентализм не является невинными рассуждениями о своём и чужом. Напротив, он становится отражением агрессивных империалистических интересов. Ориентализм придумал такой Восток, который полностью отличался от Запада, и чья сущность имела неизменные черты - языковые, культурные, а позднее в первую очередь религиозные. Тот факт, что многие западные представления о Востоке опираются только на географическую карту и ни на что другое, неоднократно констатировался многочисленными путешественниками после личного наблюдения. Однако из-за этого идея гомогенного Востока не потеряла своей привлекательности. Восток продолжал жить как тавтологическое понятие, которое можно коротко передать утверждением, что Восток - это дом восточного человека, где "он проводит жизнь в восточном комфорте, в состоянии восточного деспотизма и восточной чувственности, напоенный чувством восточного фатализма" [20].

Книга Э. Саида вызвала оживленные споры и вдохновила многих на исследовательские работы об ориентализме [21], а также пробудила интерес к другим местностям на ментальной карте Европы. Мария Тодорова, например, критически рассматривает идеи Э. Саида во вступительной части своей работы о "балканизме" как особом западном дискурсе [22]. Также под влиянием книги Саида, несомненно, находился и Ларри Вулф, когда он решил изучить, как авторы западноевропейского Просвещения "придумали Восточную Европу" [24]. Л. Вулф анализирует прежде всего французскую и английскую литературу, описания путешествий, историографию, дневники, письма и географические заметки XVIII в. - и обнаруживает в них "изобретение Восточной Европы" [25]. Традиционное, или классическое, разделение Европы на "варварский" север и "цивилизованный" юг сменяется в конце XVIII века, согласно Л. Вулфу, новым членением континента - на запад и восток. Ту или иную конкретную страну причисляют к одному из этих двух регионов, исходя из центрального критерия, которым служит уровень прогресса, место данного общества на определенной шкале исторического развития, постулируемой Западом в качестве стандартной. Тезис Л. Вулфа гласит, что разделение Европы в XX веке на две части по линии железного занавеса было предвосхищено ещё в XVIII веке, в идеях западноевропейского Просвещения.

Восточная Европа, которая, согласно современным представлениям, расположена к востоку от немецко-польской или немецко-чешской языковой границы, в эпоху Просвещения мысленно воспринималась западноевропейскими путешественниками как относительно отсталая (по сравнению с цивилизованным Западом) территория, считает Л. Вулф. Они видели в Восточной Европе переходную территорию между Западом и диким Востоком. Восточная Европа в глазах человека Просвещения находилась на пути к цивилизации, однако представлялось, что достижения в этом направлении лишь поверхностны, в глубине же все еще располагается варварская основа. Соответственно, Восточная Европа рассматривалась как территория, отмеченная противостоянием дикости и цивилизации. В

духе Э. Саида, Л. Вулф интерпретирует идеи о Восточной Европе как проявление западного чувства превосходства. То, как западные просветители представляли Восточную Европу в воображении и изображали на картах, следует понимать даже как западную подготовку к аннексии, к территориальной экспансии в восточном направлении (раздел Польши, поход Наполеона в Россию, захватническая политика III Рейха).

Положения Л. Вулфа в иных пунктах не кажутся бесспорными. Он объединяет страны и регионы в понятие "Восточная Европа", тогда как само это понятие ещё не появилось в изучаемых им источниках. Таким образом, он рискует спроецировать на XVIII век представление о пространстве, которое, возможно, возникло только в XIX веке. Очевидно, что Вулф изучил только такие описания путешествий, в которых речь идёт о странах, сочтенных впоследствии частями Восточной Европы. Было бы интересно сопоставить тексты, исследуемые Вулфом, с современными им сообщениями о провинциях западной, "цивилизованной" Европы. Может быть, тогда оказались бы размыты те границы между Западом и Востоком, которые Л. Вулф считает возможным заметить в сообщениях о странах Восточной Европы. Не исключено, что тогда его наблюдения можно было бы систематизировать скорее по модели "цивилизованный центр (откуда происходит большинство рассматриваемых авторов) против дикой периферии", чем по схеме "Запад - Восток".

Интересная работа Л. Вулфа страдает также от того, что автор лишь в незначительной степени ссылается на немецкоязычную литературу. Это относится как к его первичным источникам - трактатам Лейбница, которые, занимая центральное место в рассуждениях о Восточной Европе, к сожалению, не анализируются Вулфом, - так и к привлекаемой научной литературе. Трудно понять, почему Л. Вулф в своей работе оставляет без внимания крайне важную статью Ханса Лемберга о понятии Восточной Европы [26]. Два основополагающих исследования по истории восприятия России в Западной Европе, написанные Дитером Гро и Львом Копелевым, также не упоминаются Л. Вулфом [27].

В отличие от Вулфа, Лемберг датирует возникновение понятия "Восточная Европа" только XIX веком. При этом он подчеркивает, что вплоть до начала Первой мировой войны понятие "Восточная Европа" большей частью употреблялось как синоним понятия "Россия". Такое словоупотребление отражало факт господства России над обширной территорией Польши. Еще в XVIII веке в немецких, английских и французских источниках Россия причислялась не к Восточной, а к Северной Европе. Здесь сказывалось влияние античной картины мира, которая исходила из разделения земли на "цивилизованный Юг" и "варварский Север". По утверждению Х. Лемберга, в середине XVIII в. понятия "Восточная Европа" еще не существовало. В отличие от Л. Вулфа, Лемберг характеризует относящиеся к XVIII в. замечания о том, что Россия находится "на востоке", как "отдельные объяснимые исключения" [28].

Еще для Гёте Восток (Osten) и Ближний Восток (Orient) были тождественными понятиями. Замена северной локализации на восточную произошла только в 30-е годы XIX века.

Решающими событиями, определившими перемещение России с севера на восток, были Венский конгресс и Крымская война, считает Х. Лемберг. Автор подчеркивает, тем самым повторяя мнение Л. Вулфа, что этот процесс не был "просто поверхностным изменением терминологии, в нем отразилась перемена политико-идеологического мировоззрения обширных частей Европы" [29]. Перекройка ментальной карты Европы включала в себя сужение понятия "Северная Европа" до германского языкового ареала. Название территории "Север" постепенно приобрело положительную коннотацию и стало синонимом названия "Скандинавия". В свою очередь категория "Восток" претерпела расширение. Это было связано с тем, что в XIX веке национально-языковые критерии постепенно пришли на смену таким критериям разделения Европы, как государственная система и классическая образованность. В новое определение "Восточной Европы" внесла существенный вклад славистика, которая признала эту территорию областью своих исследований и описывала ее как культурно-историческую сущность.

В то же время и в ориентализме в первые десятилетия XIX века перед лицом турецкой опасности внезапно появилось представление, что Восток (Orient) является "диким", "нецивилизованным" и несет в себе угрозу. Эти коннотации "восточного" осознавались еще в период до революции 1848 г. в Германии и переносились на Россию, объясняет Х. Лемберг. Были все основания причислять Россию уже не к Европе, а к "Востоку", т. е. к Азии. "Дикость", которая прежде связывалась с Севером, теперь стала ассоциироваться с "восточным / ориентальным". По этой причине Россию также нередко называли "полуазиатской". Этот лексикон сохранялся впоследствии в период антибольшевистской пропаганды Третьего Рейха и перешел в идеологию Запада времен холодной войны.

Как русское "отражение" того, что Россия была помещена Западом на восток, следует рассматривать развернувшуюся в XIX веке дискуссию "Россия и Европа". В этой дискуссии о коллективном российском самосознании термин "Европа" употребляется как синоним термина "Запад". Однако это не значит, что Россию сразу стали определять как восточную страну. Русское слово "восток" до сегодняшнего дня в первую очередь обозначает "Ближний и Средний Восток" (Orient). У России есть собственное место и собственная позиция в этом интенсивно исследуемом споре между Западом, т. е. "Европой", и Востоком, т. е. "Азией" [30]. То, что Россия не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, а на основании своей этнографической структуры, своей истории, своей экономики, характера своего общества составляет отдельную геополитическую единицу, провозглашалось в 1920-х годах эмигрантской евразийской школой, идеи которой сегодня снова пользуются в России растущей популярностью [31].

Идея, что граница между Европой и Азией протекает поперек России, появилась все же раньше XIX века. Вопрос о том, где именно встречаются друг с другом два континента, занимал русских географов еще в XVIII веке, как сообщает в своей содержательной статье Марк Бэссин [32]. Разделение страны на европейскую и азиатскую части также следует понимать как последствие "озападнивания", вестернизации России Петром Великим, считает М. Бэссин. Как только страна в 1721 году превратилась из русского царства в Российскую Империю, возникла мысль, что страну, как и другие европейские империи (например, Великобританию или Португалию), можно разделить на (европейскую) метрополию и (внеевропейскую) периферию. Впервые различие между европейской и азиатской частями России проведено в работах историка и географа Татищева, который первым предложил считать границей между континентами Урал (горный хребет и реку). В конце XVIII века Татищев добился того, что его вариант разграничения страны на Европу и Азию был принят. С тех пор и до настоящего времени границу между Европой и Азией проводят в России по Уралу. В уральских горах, в городе Нижний Тагил и сегодня стоит гранитная стела, на восточной стороне которой выбито "Азия", а на западной - "Европа".

Колебания западного понятия "Восточная Европа" начались в тот момент, когда изменилось расположение государств в Европе, сложившееся после Первой мировой Войны, и между Россией и Германией возник пояс частично новых независимых государств. Перекройка ментальной карты Европы после 1918 г. проявилась в дискуссии о понятии "восточная Европа", которая велась в 30-е годы в немецкоязычных журналах и была связана со спорами о предмете такой области знаний, как история Восточной Европы [33]. Представления о крупных географических областях, собственно, редко оставались чистой игрой идей. Как и в случае с ориентализмом, в ходе конструирования Восточной Европы тоже возникли многочисленные учреждения и научные дисциплины, которые увлеченно занимались, среди прочего, исследованием данного региона [34]. Существование этих организаций оказывалось под вопросом всякий раз, когда заложенные в их основу ментальные карты подвергались перекройке в результате политических переломов.

Когда был разрушен "железный занавес", науки, после 1945 г. занимавшиеся изучением Восточной Европы, снова столкнулись с вопросом о том, каковы основы их дальнейшего существования, а также о том, каковы границы и очертания изучаемого региона. Определение Восточной Европы, доминировавшее во времена холодной войны, в первую

очередь было ориентировано на современные ему политические реалии и ограничивало территорию Запада "железным занавесом". Потом хватило нескольких лет, чтобы оно перестало соответствовать действительности. Эти колебания ментальной карты Европы отразились в дискуссии, которая в последние годы ведется в рамках такой научной дисциплины, как история Восточной Европы [35].

С исторической точки зрения, пространственный концепт Восточной Европы возник, подобно более ранней идее Востока, как романтизирующая (а частично - как негативная) контрпроекция в ответ на укрепляющийся собственный образ Запада. Восток воплощал нечто чужое, иное, иногда угрожающее. История и сущность связанного с этим образом позитивного представления о более или менее гомогенном Западе, между тем, также стали предметом изучения. Однако исследования оксидентализма далеко не достигли того масштаба, что исследования ориентализма. Джеймс Дж. Кэриер включил в свой сборник "Оксидентализм: образы Запада", наряду со статьями о том, как видят себя сами западные общества, также и статьи о роли образа Запада для коллективного самосознания незападных обществ [36]. Задачей автора было показать, "как образы Запада формируют представление людей о самих себе и как в свою очередь сами эти образы формируются людьми западных и незападных обществ" [37]. В качестве одного из ключевых понятий, используемых в "дискурсе о Западе", Сильвия Федеричи выделяет понятие "культура", или "цивилизация", и посвящает целую антологию концептам, связанным с этими словами [38]. То, что подходы к проблемам оксидентализма и, соответственно, оксидентализации, а также приемы, используемые в сфере оксидентализации, могут приводить к совершенно противоречивым результатам, демонстрирует сборник, который был подготовлен учеными Лейпцигского университета и издан Доротеей Мюллер [39]. Статьи, собранные в данной антологии, посвящены не только ментальному конструированию "Запада", но также уделяют внимание и практике оксидентализации, основанной на этом концепте. В результате становится ясно, что образ Запада во многих (незападных) обществах имел и имеет совершенно иную функцию, чем образ Востока на Западе. Хотя Клаус Бохман и Пирман Штекелер-Вайтхофер в своей статье, посвященной вопросам права, указывают на то, что в последние годы, например, в России и в Турции можно наблюдать усиление неприязни по отношению к Западу, все-таки они констатируют, что этот концепт для широких кругов населения все еще воплощает своего рода положительный образец [40].

Идея, что Запад является неким исторически и культурно определенным пространством, смыкается с представлением о том, что Европа - это больше чем просто географическая территория. М. Бэссин, в своей работе о построении границы между Европой и Азией в русской географической литературе XVIII века, указывает на идеологизацию понятия "Европа" в период позднего средневековья. Еще у древних греков "Европа" была чисто географическим термином, не имеющим культурных или политических коннотаций, пишет М. Бэссин. В особенности под влиянием церкви этот термин превратился в обозначение духовного царства христианства. Из этого представления выросло чувство европейского культурного и политического превосходства [41].

Наряду с Востоком и Западом, изучение ментальных карт в последние годы также коснулось Севера как идентификационного конструкта (Б. Хеннингсен) [42]. В картине мира классической античности Север считался родиной нецивилизованных варваров, пристанищем "иного", от которого Юг, как оплот культуры, отграничивался. Правда, у Тацита встречается - и здесь обнаруживается параллель с амбивалентностью ориентализма - также изречение о более высокой культурной значимости германцев, которых он представляет взору испорченных римлян в качестве идеализированной противоположности. Х. Лемберг делает отсюда вывод о том, что идея мира, разделенного по схеме "Север - Юг", не передавалась непрерывно от античности до современности [43]. Скорее это представление о структуре мира возродилось в эпоху гуманизма и Ренессанса и затем сохранялось до XIX века. До 1810 года в общепринятой картине мира к Северной Европе причислялись те страны, которые были расположены севернее Черного моря и Дуная и восточнее

Эльбы и Вислы. Эту территорию обозначали понятия "Septembrio", "полунощные страны" или просто "Северные страны". Эти определения использовались равным образом и в немецкоговорящих, и во франко- и англоговорящих местностях. Территория северных стран противопоставлялась области южных стран. Даже поединок между Россией и Францией при Наполеоне воспринимался современниками еще как конфликт Севера и Юга.

Идея "дикого Севера" изжила себя самое позднее в XIX веке, в эпоху романтизма. Старая картина разрушалась с двух сторон. Одно из двух идейных течений, приведших к переоценке Севера, Бернд Хеннингсен относит к XVII веку. Основу нового осмысления Севера - нового "нордизма" - прежде всего заложил своими сочинениями медик и ученый-энциклопедист Олаф Рюдбек, считает Б. Хеннингсен [44]. В то время, когда Швеция была великой державой, О. Рюдбек создал фундамент нордической идеологии, которая провозглашала превосходство Севера, т. е. Скандинавии под господством Швеции, и, таким образом, обосновывала претензии Швеции на исключительную позицию в иерархии европейских государств. Это идейно-политическое построение продержалось до XIX века, когда оно утратило свою специфически шведскую коннотацию и переродилось в "нордическую" идеологию общего характера. В качестве второго идейного течения, внесшего вклад в переоценку Севера, Б. Хеннингсен называет существовавшее в XIX веке в Германии политико-литературное движение "Скандинавизм", которому соответствовали одноименные литературные направления в северных странах [45]. Основу скандинавизма составило "открытие" древнескандинавской литературы и реинтерпретация саг и мифов в качестве древнегерманского наследия, осуществленная литераторами немецкого романтизма. Стилистическое превращение Севера в культурную прародину германцев и присвоение скандинавской литературы нашли продолжение в расовой идеологии национал-социалистов. Свойственный Северу стереотип собственного морального превосходства, корни которого восходят к XVII веку, времени, когда Швеция была великой державой, сохраняется до сего дня как прочная основа для регионального сотрудничества и для ментального отграничения скандинавских стран от Европы (Европейского союза) [46].

Хотя Юг и окружен с давних пор магической аурой, эта сторона света, очевидно, все-таки еще не служит в европейском контексте обозначением влиятельной территориальной идеи. "Южная Европа", знакомая каждому школьнику по урокам географии лишь как абстрактная категория, не смогла развиваться в олицетворяющий чужую либо свою родную местность образ той притягательной силы, какой обладают отдельные составные части данной территории - например, Италия или Греция. В исторических исследованиях район современного юга Европы осмысливается большей частью как "Средиземноморье" - после имевшего большое влияние труда Фернана Броделя [47]. Это, однако, не означает, что на ментальной карте Европы "Юг" остался нейтральной, не имеющей своего значения стороной света и пространственной категорией. В античности Юг считался приютом цивилизации, противоположностью дикому заальпийскому северу. В течение столетий это представление коренным образом изменилось. Своей низшей точки репутация Юга достигла после второй мировой войны, когда к этой части света был приклеен ярлык экономической отсталости. Эта взятая из экономической географии модель систематизации встречается как в ментальных картах мира ("Конфликт Севера и Юга") [48], так и в ментальных картах отдельных европейских стран (например, внутриитальянское политическое движение "Лига Севера" как местный политический контрпроект по отношению к бедному югу Италии) [49]. Такая драматическая перемена в образе Юга очевидно еще ожидает подробного исследования.

Соединение Юга и Востока - Юго-Восточная Европа, или Балканы - представляет собой особое пространство на ментальной карте Европы, которое в последние столетия опять и опять заново конструируется, мифологизируется и демонизируется. В важнейшем исследовании этих идейных течений - работе Марии Тодоровой "Воображая Балканы" - анализируются как западные, так и местные балканские идеи начиная с конца XVIII века и заканчивая войнами в Югославии в 90-е годы XX века [50]. То, что Тодорова называет

"балканизмом", встречается прежде всего в публицистических текстах, путевых заметках и политических эссе. Научную литературу она сознательно исключает из своего исследования. Свои основные характерные черты понятие "Балканы" приобрело в первые два десятилетия XX века, и вплоть до наших дней этот концепт сохраняет свое содержание практически неизменным. "Дискурс о Балканах", считает М.Тодорова, опирается на оппозицию "цивилизация - варварство" и характеризуется идеями превосходства западной цивилизации, отсталости Балкан, идеей внутренних раздоров и лейтмотивом первобытной родовой культуры. М. Тодорова определяет балканизм - подобно ориентализму - как (западно-) европейский отграничительный дискурс, который - в отличие от ориентализма - разворачивается внутри европейского контекста. Высшие точки клеймящих и очерняющих высказываний о Балканах М. Тодорова фиксирует в начале (Балканские войны) и в конце XX века (войны в бывшей Югославии). Приводящие в замешательство жестокие события этих войн склоняли западного наблюдателя к тому, чтобы видеть в Балканах нечто решительно иное, чем Европа. М. Тодорова же усматривает в этих процессах повторение "гомогенизирующих" событий, которые определили историю также и многих западноевропейских наций. Для нее они, напротив, являются доказательством принадлежности Балкан к европейской истории. М. Тодорова указывает в своей работе на еще одну дискуссию, в рамках которой Балканы, в качестве отграничительной категории - наряду с Россией, вернее Советским Союзом, - играли важную роль: это споры 80-х годов о Центральной Европе [51]**.

Действительно, помимо представленных выше четырех сторон света, понятие "середины", или "центра" Европы также неоднократно служило за последние 200 лет концептуальной опорой для идеологического дискурса. Одно из важнейших исследований по истории "центральноевропейской идеи" принадлежит географу и историку из Берлина Хансу-Дитриху Шульцу [52]. Х.-Д. Шульц, для которого "территории классической географии являются не реальностью, а конструктами, принадлежащими скорее [...] области идеологии, чем эмпирики" [53], посвящает свою статью понятию "Центральная Европа" в дискурсе немецкоязычной географии начиная с XIX века. Х.-Д. Шульц интерпретирует общепринятые представления о географических территориях как выражение потребности людей в ориентации и как результат давления определенной политической обстановки.

Понятие "Центральная Европа" впервые появляется, согласно Х.-Д. Шульцу, в географических текстах рубежа XVIII-XIX веков. Оно возникло в связи с попытками географов разработать дифференцированную систему организации географических знаний, в которой "реальные страны" были бы объединены в постоянные группы. Многие схемы в этой системе соответствовали ясным экономическим или политическим соображениям. Так, схема "центр - периферия" впервые встречается в текстах развернувшейся в Германии в 1840-е - 1850-е гг. дискуссии о таможене и национальной политике. Эти политические проекты сопровождались географическими исследованиями, в которых Центральная Европа отчасти уже наделялась решительно антирусскими признаками [54]. После образования Германской империи рассуждения о Центральной Европе встречаются в немецкоязычной географической литературе реже, отмечает Х.-Д. Шульц. А во время Первой мировой войны понятие "Центральная Европа" (иногда - "Промежуточная Европа", "Zwischeneuropa") снова играет большую роль. Интересна ссылка Х.-Д. Шульца на географа Ганслика, который еще в 1917 году критиковал понятие "Центральная Европа" и утверждал, что "такой природной и культурной реальности, как Центральная Европа, не существует" [55].

Несмотря на подобные критические высказывания географов, словосочетание "Центральная Европа" осталось важным выражением в немецкоязычных дебатах о политике и географии.

Концепцию Центральной Европы, выдвинутую Фридрихом Науманом (1915) исследовал в сопоставительно-аналитической работе Маркус Шуберт [56]. М. Шуберт характеризует концепт Ф. Наумана как идею союза центрально-европейских государств, возник-

шую прежде всего из экономических и военных соображений. С экономической точки зрения Ф. Науман представлял себе Центральную Европу как блок между англо-американской и российско-азиатской экономическими зонами. В военном отношении Центральная Европа - это оборонительный союз против США, Великобритании и России. Ф. Науман считал, что Центральная Европа должна объединять такие страны, как Германия, Австрия, Венгрия, Богемия, Моравия, Словакия, отошедшие к Австрии и Пруссии в результате раздела части Польши, Хорватия, Трансильвания и Румыния, Болгария, Сербия, Греция, Швейцария, Дания, Голландия и Бельгия (возможно, также Италия). Языком делового общения в Центральной Европе должен был служить немецкий, а "хозяйственное пруссачество" Германской империи и немецкое "экономическое вероисповедание" должны были в будущем определять характер Центральной Европы. Одним из главных оппонентов Науман нашел в лице Т. Г. Масарика, провозвестника чехословацкого государства, чей проект национального государства противоречил проекту федеративной Центральной Европы [57].

Исследователи спорят о том, какую связь можно провести между немецкой концепцией Центральной Европы первых двух десятилетий XX века и великодержавными фантазиями Гитлера. М. Шуберт берет Ф. Наумана под защиту от упреков такого рода и пишет, что "абсурдно" представлять его провозвестником немецкого стремления к гегемонии и империализму.

Хорошую возможность ознакомиться с обсуждением центральноевропейской темы в первой половине XX века предоставляет сборник, изданный Рихардом Плашкой в 1995 г. под эгидой Австрийской академии наук [58]. Антология объединяет статьи о немецких концепциях Центральной Европы и планах государственной реформы Австро-Венгрии (1900-1918), а также работы о политических и экономических концепциях Центральной Европы (1918-1938 гг.) Особенно достойными упоминания кажутся исследования Вольфганга Моммзена об идее Центральной Европы и центральноевропейских планах, существовавших в Германской империи до и во время Первой мировой войны, Йорга К. Хенша - о планах национал-социалистов относительно Европы во время Второй мировой войны и Вацлава Курала - о развитии идеи Центральной Европы от "Новой Европы" Т. Г. Масарика до крупных территориальных планов гитлеровской Германии.

"Центральноевропейский дискурс" возрождался после 1945 г. дважды. Первый раз - в конце 50-х гг., когда понятие "Центральная Европа" снова возникло в политических и культурно-исторических дебатах в Германии, а второй раз - в 1980-х гг., когда началась, прежде всего в Венгрии, Польше и Чехословакии, оживленная дискуссия о Центральной Европе [59]. Немецкий дискурс о Центральной Европе проанализировал в своей статье Тимоти Гартон Эш [60]. Он подчеркивает, что эти споры вращались прежде всего вокруг "немецкого вопроса". Этот историк и политолог обнаруживает в немецкой дискуссии о Центральной Европе второй половины XX в. четыре линии. Во-первых, культурно-историческое направление, главным представителем которого был Карл Шлегель [61]. Во-вторых, консервативная геополитическая версия Андреаса Хилльгрубера, Клауса Хильдебранда, Михаэля Штюрмера, для которых было несомненным, что немецкая история определяется центральным расположением Германии. В-третьих, левое геополитическое направление, которое делало ставку на нейтралитет Центральной Европы. В-четвертых, концепция круга политиков СДПГ, приближенных к Вилли Брандту, которые видели в Центральной Европе "term of art" для своего проекта "второй фазы восточной политики" и дальнейшей политики разрядки. Т. Г. Эш подчеркивает, что последний из упомянутых немецких проектов Центральной Европы в той же степени предполагает отход от Запада, в какой аналогичные дебаты в восточной части Центральной Европы (Ostmitteleuropa) предполагали отдаление от Востока.

Дискуссии о Центральной Европе в Венгрии, Польше и Чехословакии вызвала, в числе прочего, статья Милана Кундеры "Трагедия Центральной Европы". В то время как различные направления дискуссии о Центральной Европе в Германии вращались вокруг

"немецкого вопроса", аналогичные дебаты в государствах восточной части Центральной Европы велись по поводу отграничения от России и процесса советизации. Наряду с М. Кундерой в данных спорах принимали участие Дьердь Конрад, Вацлав Гавел, Чеслав Милош, Данило Киш, Михай Вайда, Милан Шимечка и др. Между тем, эта дискуссия тщательно зафиксирована в многочисленных сборниках [62] и проанализирована большим количеством авторов. Помимо уже упоминавшихся работ М. Шуберта, Х.-Д. Шульца и Т. Г. Эша, которые посвятили некоторые части своих статей спорам о Центральной Европе, здесь следует назвать, в частности, исследования Тони Джадта, Ивера Б. Ноймана, Эрика Хобсбаума и Алексея Миллера [63].

Как пишет Х.-Д. Шульц, в конце 80-х гг. о Центральной Европе в восточной части этого региона говорили как о "ментальном пространстве, [...] существующем в воображении и представляющем собой объект желания" [64]. Он цитирует Э. Хобсбаума, предупреждавшего о дискриминационном потенциале (*Ausgrenzungspotential*), которым обладают пространственные понятия вообще и понятие "Центральной Европы" в особенности (в первую очередь, относительно России и Балкан): "Быть центральноевропейцем в то же время значит не быть восточным европейцем или жителем Балкан. [...] Чем настойчивее Центральная Европа клянется в верности гуманному образу жизни [...], тем дальше отодвигается Россия к краю Европы и попадает под старое подозрение в том, что она представляет совершенно другой, чужой, может быть, даже "азиатский" мир" [65].

Такому решительно антирусскому настроению в дискуссии о Центральной Европе посвящает свое исследование И. Б. Нойман [66]. Под влиянием теоретических положений Фуко он также понимает Центральную Европу не столько как исторически сложившуюся реальную территорию, сколько как продукт рассуждений о Своем и Чужом, как ключевое слово в спорах о собственной наднациональной идентификации.

А. И. Миллер в своей интерпретации идет даже еще дальше. Он считает, что спорами о Центральной Европе страны, расположенные в центре Восточной Европы, компенсируют собственную отсталость [67]***. Й. Б. Нойман полагает, что, как всякие рассуждения об идентификации, дискуссия о Центральной Европе состоит из попыток отграничить себя от "Чужого" или "Иного". Роль этого "Чужого" в данном случае принимает на себя, во-первых, "Запад", к которому и обращены эти рассуждения, но в еще большей степени СССР, или Россия, как существующая в течение долгого времени "иная цивилизация" на Востоке. Доказательством того, что "Центральная Европа" существует в первую очередь как категория политического самоопределения (*Identitaetspolitik*), а не как что-то иное, является для Й. Б. Ноймана слабость международного сотрудничества внутри данной территории после 1989-90 гг. Тем не менее, идея Центральной Европы могла бы продолжать свое существование в качестве подтверждения принадлежности этого региона к Европе (Т. Г. Эш). Для Й. Б. Ноймана круг замыкается спорами о включении стран востока Центральной Европы (*Ostmitteleuropa*) в западный экономический и оборонительный союз против "варварской", "азиатской", "авторитарной" и "нецивилизованной" России [68].

Статья Т. Джадта посвящена западному миру (прежде всего США, Великобритании, Франции, Италии) как "адресату" рассуждений о Центральной Европе и ставит вопрос о причинах того, что Центральная Европа была принята, "заново открыта" Западом [69]. Т. Джадт считает, что идея Центральной Европы вызвала широкий резонанс на Западе не благодаря содержанию статей М. Кундеры и других авторов, а благодаря политическим изменениям внутри сообщества западных государств в 80-е годы. Особенно он выделяет ослабление коммунистических партий и постепенную дискредитацию марксизма в Италии и Франции. Наряду с этим споры о правах человека, правах женщин и гражданских правах на Западе сделали возможным сближение с интеллигенцией на Востоке. Также антиамериканизм (в особенности в ФРГ) и активные дебаты об интеграции Европы в Европейское сообщество способствовали открытости западной интеллигенции. После выдвижения Михаила Горбачева в 1985 г. интерес Запада к Центральной Европе, однако, постепенно ослабевает, констатирует Т. Джадт. Одновременно в западных спорах наблюдается

идеализация Центральной Европы: "Существует центрально-европейская фантазия о призрачной Европе, где есть терпимость, свобода и плюрализм культур [...] Центральная Европа всегда подвергается риску стать плодом чьего-то воображения [...]. [Она] стала идеализированной Европой, воплощающей нашу культурную ностальгию" [70].

Исторические и социологические исследования ментальных карт показали, что большинство общеупотребительных названий обширных территорий в нашем словаре являются не столько нейтральными понятиями, сколько терминами, имеющими ясную политическую историю. Поскольку в будущем не исчезнут ни потребность людей ориентироваться в пространстве, ни влияние геополитических споров на человеческие представления о пространственном мире, ментальные карты и в дальнейшем будут оставаться факторами исторического процесса [71]. В исторической науке географические регионы, вероятно, и дальше будут не в последнюю очередь служить для ограничения областей исследования, а также для определения сравниваемых единиц [72]. Если в будущем это будет осуществляться с большим сознанием историчности и политического характера используемых географических понятий, а также конструктивного характера связанных с ними пространственных представлений, значит исследования ментальных карт, развернувшиеся в последние десятилетия, принесли свои плоды.

Перевод с немецкого А. Жоровой

Примечания

1) W. Singer. Wahrnehmen, Erinnern, Vergessen. Über Nutzen und Vorteil der Hirnforschung für die Geschichtswissenschaft: Eröffnungsvortrag des 43. Deutschen Historikertages, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.9.2000 (Nr. 226), S. 10.

2) J. R. Anderson. Kognitive Psychologie. Eine Einführung. Heidelberg, 1988.

3) E. C. Tolman. Cognitive Maps in Rats and Men, in: Psychological Review 55.1948, S. 189-208; R. M. Downs, D. Stea. Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. N. Y., 1977; R. M. Downs, D. Stea. Kognitive Karten. Die Welt in unseren Köpfen. N. Y., 1982.

4) Downs, Stea. Kognitive Karten, S. 23f.

5) Там же, S. 41.

6) Обзор теории ментальных карт ("Mental Maps") в психологии познания посвящена статья Клаудии Редтенбахер: Claudia Redtenbacher. Kognitive Karten im Spielfilm, in: Peter Vitouch, Hans-Jürg Tinchon (Hg.). Cognitive Maps und Medien. Formen mentaler Representation bei der Medienwahrnehmung. Frankfurt/M., 1996, S. 15-72, в особенности S. 27-47. Те же задачи ставит себе Антон Хартль: Anton Hartl. Kognitive Karten und kognitives Kartieren, in: C. Freksa, u. a. (Hg.). Representation und Verarbeitung räumlichen Wissens. Berlin, 1990, S. 34-46. Один из новейших сборников по исследованиям ментальных карт в психологии познания, который объединяет статьи географов и психологов, издан Ювалом Португали: Juval Portugali (ed.). The Construction of Cognitive Maps. Dordrecht, 1996. Полезное введение в теорию ментальных моделей, к которым следует причислять также и ментальные карты, представляет собой работа Стефана Дутке: Stephan Dutke. Mentale Modelle: Konstrukte des Wissens und des Verstehens. Kognitionspsychologische Grundlagen für die Software-Ergonomie. Gettingen, 1994, в особенности S. 1-78. Указатель текущей литературы по теме ментальных карт со списком исследований по психологии восприятия и географии, посвященных восприятию пространства и ориентации в пространстве, теории и методике анализа ориентирующих воображаемых образов и ментальных карт можно получить в информационном центре Informationszentrum Raum und Bau (IRB) общества Fraunhofer-Gesellschaft в Штуттгарте: .

7) Jürgen Osterhammel. Die Wiederkehr des Raumes: Geopolitik, Geohistoire und historische Geographie, in: Neue Politische Literatur 43.1998, S. 374-397.

8) Jürgen Osterhammel. Die Entzauberung Asiens. Europa und die asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert. München, 1998.

- 9) John Brian Harley. Maps, Knowledge and Power, in: Denis Cosgrove, Stephen Daniels (Hg.). The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge, 1988, S. 277-312; John Brian Harley. Deconstructing the Map, in: Cartographica 26.1989, S. 1-20; John Brian Harley. Cartography, Ethics and Social Theory, in: Cartographica 27.1990, S. 1-24; John Brian Harley. Maps and the Invention of America, in: Map Collector 58.1992, S. 8-12; John Brian Harley, David Woodward (Hg.). The History of Cartography, in 6 vol. Chicago, 1987ff.
- 10) Harley. Deconstructing the Map, S. 14.
- 11) Harley. Maps, Knowledge and Power, S. 301.
- 12) Harley. Maps, Knowledge and Power, S. 298.
- 13) Dagmar Schmauks, Winfried Neth (Hg.). Landkarten als synoptisches Medium (Zeitschrift für Semiotik 20.1998, Heft 1-2).
- 14) Dagmar Schmauks. Landkarten als synoptisches Medium, in: Op. cit., S. 7-24.
- 15) Winfried Neth, Kartosemiotik und das kartographische Zeichen, in: Op. cit., S. 25-39.
- 16) Daniel R. Montello. Kartenverstehen: Die Sicht der Kognitionspsychologie, in: Zeitschrift für Semiotik 20.1998, S. 91-103.
- 17) См. об этом: Reinhard Lettau. Zur Frage der Himmelsrichtungen. München, 1988.
- 18) Yong Cao. Untersuchung zu depiktionalen Darstellungen der Himmelsrichtungen, in: C. Freksa, u. a. (Hg.). Representation und Verarbeitung räumlichen Wissens. Berlin, 1990, S. 113-128.
- 19) Edward W. Said. Orientalism. N. Y., 1979
- 20) Said. Orientalismus, цит. по: Edward W. Said. Krise des Orientalismus, in: Christoph Conrad, Martina Kessel (Hg.). Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung. Stuttgart, 1998, S. 72-96, здесь: S. 86f.
- 21) См. также: Ronald Inden. Imagining India. Cambridge - Oxford, 1990 Проблема "Ориентализм и Россия" находится в центре внимания дискуссии, которая представлена в журнале "Kritika": Extempore: Orientalism and Russia, in: Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History 1.2000, S. 691-728.
- 22) Maria Todorova. Imagining the Balkans. New York, 1997
- 23) См. Milica Bakic-Hayden, Robert Hayden. Orientalist Variations on the Theme "Balkans": Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural Politics, in: Slavic Review 51. 1992, S. 1-15; Milica Bakic-Hayden, Robert Hayden. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia, in: Slavic Review 54. 1995, S. 917-931.
- 24) Larry Wolff. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994; Larry Wolff. Voltaire's Public and the Idea of Eastern Europe: Toward a Literary Sociology of Continental Division, in: Slavic Review 54. 1995, S. 932-942.
- 25) Немецкое понятие Osteuropa и английское Eastern Europe не полностью эквивалентны. Eastern Europe подразумевает, с одной стороны, территорию между Западной и Центральной Европой, а с другой стороны, Россию (вернее, восточно-славянский языковой ареал). Osteuropa, как правило, включает Россию. Несмотря на это, Л. Вулф рассматривает в своей книге также источники, представляющие западно-европейское, прежде всего французское, восприятие России.
- 26) Hans Lemberg. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom "Norden" zum "Osten" Europas, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, NF, 33. 1985, S. 48-91.
- 27) Dieter Groh. Rußland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt, 1988; Lev Kopelev (Hg.). West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Russen und Rußland aus deutscher Sicht, Band 2, 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1987.
- 28) Lemberg. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs, S. 60.
- 29) Там же, S. 90.
- 32) Mark Bassin. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space, in: Slavic Review 50. 1991, S. 1-17.

33)CM. Hans-Joachim Torke. Was ist Osteuropa? Zu einer Historiker-Debatte zwischen den Weltkriegen und danach, in: Holm Sundhaussen (Hg.). Was ist Osteuropa? 1. Colloquium des Osteuropa-Instituts. Berlin, 1998, S. 23-28; Hans Lemberg. Mitteleuropa und Osteuropa. Politische Konzeptionen im Spiegel der Historikerdiskussion der Zwischenkriegszeit, in: Richard G. Plaschka u.a. (Hg.), Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten HKlfte des 20. Jahrhunderts. Wien, 1995, S. 213-220.

36)James G. Carrier. Occidentalism: Images of the West. New York, 1995.

38)Silvia Federici (Hg.). Enduring Western Civilization: The Construction of the Concept of Western Civilization and ist "Others". Westport (Conn.), 1995.

1998.

41)CM. Bassin. Russia between Europe and Asia, S., Gerard Delanty. Inventing Europe. Idea, Identity, Reality. New York, 1995; Jan van der Dussen, Kevin Wilson (Hg.). The History of the Idea of Europe. N.Y, 1995.

42)Bernd Henningsen. Der Norden: Eine Erfindung. Das europKische Projekt einer regionalen IdentitKt. Antrittsvorlesung an der Humboldt-Universitat zu Berlin. Berlin, 1995; Bernd Henningsen. Der Norden: Eine Erfindung, in: Fritz Dressler u.a. (Hg.). Der Norden. Norwegen, Schweden, Danemark, Finnland. Munchen, 1993, S. 13-110.

43)CM. Lemberg. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs, S. 51ff.

44)Bernd Henningsen. Die schwedische Konstruktion einer nordischen Identitet durch Olof Rudbeck. Berlin, 1999, (= Arbeitspapiere "Gemeinschaften", Bd. 9).

45)Klaus von See. Deutsche Germanen-Ideologie. Vom Humanismus bis zur Gegenwart. Frankfurt/M., 1970; Barbara Gentikow. Skandinavien als prKkapitalistische Idylle. Rezeption gesellschaftskritischer Literatur in deutschen Zeitschriften 1870-1914. NeumЯnster, 1974.

46)CM. Henningsen. Die schwedische Konstruktion, S. 9, 36.

47)Fernand Braudel. La MOditerranOe et le monde mOditerranOen II l'Opoque de Philippe II, 2 Bde. Paris, 1966 (нем. Das Mittelmeer und die mediterrane Welt in der Epoche Philipps II. Frankfurt/M., 1992); Fernand Braudel, Georges Duby, Maurice Aymard. Die Welt des Mittelmeeres. Zur Geschichte und Geographie kultureller Lebensformen. Frankfurt/M., 1990; Fernand Braudel. Modell Italien 1450-1650. Stuttgart, 1999.

КРАЯ ПРОСТРАНСТВА

Граница — это не только линия на географической карте, край, рубеж некоего географического пространства, территории. Это — некий край *пространства власти*, т. е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий[1], зона соприкосновения, пересечения, наложения различных, часто разнотипных пространств и структур власти.

В зависимости от генезиса пространства власти и от характера взаимодействия властных структур можно выделить несколько типов границы как специфического сегмента пространства власти.

Знаменитый историк В. О. Ключевский утверждал, что колонизация есть «основной факт» русской истории: «История России есть история страны, которая колонизируется»[2]. Действительно, не поняв специфики центростремительной российской колонизации, выстраивающей пространство в виде «звезды», трудно всерьез рассчитывать на понимание российской истории, не говоря уже о природе и истоках власти в России.

1. Феномен технологической недостаточности/избыточности

В свое время известный историк и методолог М. А. Барг заметил, что функционирование системы следует рассматривать как единство моментов «износа» и *восстановления* структуры[3]. В России, как представляется, проблема восстановления технологической (властной) структуры была связана не только и не столько с «износом» властной технотрутуры, сколько с ее хронической *недостаточностью*. Неоднородность технологической структуры, предопределенная спецификой российской колонизации, предполагает и определенную неравновесность этой структуры. В разных точках российского пространства власть действует с различной интенсивностью, различной скоростью и обладает различными возможностями самовоспроизводства, регенерации и самообновления.

Однако *технологическая недостаточность* не может пониматься примитивно, лишь как слабость власти, хотя она, конечно, подразумевает и слабость, и неэффективность властного механизма. Но эта слабость может иметь различные следствия: от невозможности власти стратифицировать естественное географическое пространство или перестратифицировать пространство власти до безграничного прямого насилия, компенсирующего технологическую недостаточность, т. е. до утверждения предельно жестких макротехнологий.

В то же время отдельные сектора, узлы, географические локусы и «коридоры» российского пространства власти были предельно насыщены технологически. Технологическое перенасыщение, *технологическая избыточность*, по сути, вело к тому же гипертрофированному насилию, что и технологическая недостаточность, присущая огромным пространствам на Востоке, правда, скорее, не к вспышкам, сполохам насилия, а к его своеобразной кристаллизации.

Такой подход, однако, порождает целый ряд новых вопросов. Как действует власть и как востребуется насилие там, где власть технологически несостоятельна, недостаточна? Не уравнивается ли особое качество власти, связанное с «бесконечностью» ее пространственного ареала, неким новым качеством насилия? Не связано ли в той или иной степени преобладание *активного насилия* в России/СССР после 1917 года с *технологической недостаточностью* власти (т.е. медленностью воздействия и неэффективностью технологической структуры, неспособностью последней к регенерации и трансформации)?

2. Дон как тип границы: власть и образование независимых социальных пространств

Начнем с *Дона* как с границы, сформировавшейся в значительной степени под влиянием стихийной, народной колонизации. Все прочие типы границы и приграничного пространства выстроены, напротив, властью и властной колонизацией.

Донское казачество обеспечивало относительную безопасность рубежей *государства*, но вместе с тем *тип* организации границы, приграничного пространства власти представлял серьезную угрозу для ядра этого огосударственного властного пространства. В связи с чем зона границы была насильственно переструктурирована[4]. Восстание Булавина (1707–1708), в сущности, стало реакцией на попытки насильственного переструктурирования пространства, в котором стихийная казачья колонизация столкнулась с целенаправленной правительственной.

Отмечу, что в известный момент для восставших сохранение спецификаций пространства, складывавшегося в ходе стихийной, «народной» колонизации, вопреки желанию центральной власти, было важнее, нежели ценности государства; поэтому вполне серьезно обсуждался план *перехода под покровительство турецкого султана*[5].

После подавления булавинского восстания *иначе организованная* периферия властного пространства сужается — а ядро этого пространства, устроенное технологически единообразно, расширяется. Пространство власти как бы пожирает свою периферию.

Но восстание Булавина имело и важные *технологические* последствия. Власть стала ясна *недостаточность* и примитивность технологических механизмов, при помощи которых районы южной периферии включались в глобальную техноструктуру. Технологическую составляющую необходимо было усилить, причем не просто некую абстрактную технологическую составляющую, а технологическую составляющую, адекватную колонизации-переселению как виду стратификации территории. И это делалось на протяжении всего XVIII века.

Основой любого локализирующего механизма является установление связи индивида с землей, чаще всего с землей как сельскохозяйственным ресурсом, т.е. с физической, материальной формой существования пространства. Эта связь материализуется в установлении того или иного способа владения землей, ее обработки или прикрепления к ней. Неукорененность на земле, отсутствие прочной связи с ней делает возможным свободное, стихийное перемещение значительных масс людей (вспомним в этой связи зазвучавшие во время булавинского бунта угрозы восставших царю: «Все очистим, с Дону реки сойдем»). Кроме того, как показало время, властные структуры в землях, населенных не только и исключительно казаками, а как казаками, так и крестьянами, технологически более устойчивы, несмотря на трения между представителями двух этих сословий (а отчасти и благодаря этим межсословным трениям). Одной из причин булавинского восстания было запрещение казакам заниматься земледелием, совмещать это с выполнением воинских обязанностей и, после формального разрешения землепашества, жесткое воспрепятствование стихийной, неуправляемой колонизации, предельное ужесточение методов сыска оседающих на новоколонизируемых землях беглых крестьян. Тем не менее впоследствии, после включения в жесткую технологическую структуру власти, казаки получили возможность обрабатывать землю, т.е. были определенным образом *локализованы* в пространстве власти, хотя это и не была доминировавшая в России локализация посредством закрепощения.

Более того, с течением времени и изменением политических и геополитических реалий приграничное пространство перестает быть таковым. Происходит перерождение приграничной властной ткани.

Это связано не только с расширением технологически единообразно устроенного ядра пространства власти, но и со своего рода «поглощением» границы, смещением

геополитических рубежей, ликвидацией приграничной буферной зоны разросшимся властным ядром. В частности, историки зафиксировали исчезновение многих возникших в XVII веке военных крепостей, т. е. выполняющих защитные функции городов. Городские укрепления разрушаются, военная служба населения уходит в прошлое, торгово-ремесленная деятельность жителей сокращается. Власть, в свою очередь, наделяет гарнизоны городов-крепостей землей вместо денежного жалования, облагает горожан, как и сельских жителей, натуральным хлебным налогом, т. е. фактически заставляет население городов-крепостей заниматься земледелием. В итоге к концу XVII — началу XVIII века население многих малых городов «окрестьянивается», а сами города превращаются в села.^[6]

В подобных случаях демилитаризация пространства власти влечет за собой его трансформацию и развитие чисто «гражданских», хозяйственных компонентов.

В иных случаях девальвация военно-технической, оборонной составляющей и связанное с этим снижение интереса власти и государства к приграничным пространственным ареалам вызывала нечто противоположное, а именно дегенерацию и омертвление ранее стратифицированного властью пространства.

3. Север: гулаговая колонизация

Пространство Русского Севера сформировано своеобразным сочетанием медленной многовековой стихийной колонизации, осуществляемой сравнительно малочисленными людскими ресурсами, и стремительной гулаговой колонизации XX века, означавшей насильственное перемещение, переброску огромных человеческих масс и насильственное, формированное освоение ресурсов Севера.

Север удерживался структурой, созданной властной колонизацией, уязвимой в той мере, в какой уязвима сама власть.

Нынешняя деградация Севера — следствие обнаружившейся слабости центральной власти, слабости, немедленно выявившей недостаточность технологических механизмов. В какой-то мере процесс колонизации, стратификации территории пошел вспять: мы наблюдаем дестратификацию обширных пространств на севере и северо-востоке.

Единственная альтернатива, которая нам сегодня предлагается, — это замена правительственной по типу, а по форме гулаговой колонизации Севера монополистической, даже, если хотите, олигархической (или, если учесть, что постсоветские олигополии не могут возникать и существовать без поддержки государства, — государственно-олигархической) колонизацией. Суть такого рода колонизации — захват принадлежащих государству естественных ресурсов и производственных мощностей, созданных для их освоения, крупнейшими сырьевыми монополиями.

На этой основе, однако, может быть выстроен только весьма специфический и уродливый тип социального пространства и гражданского общества. Общества, зависимого от факторов и сил, расположенных как бы *вне его* и ему неподконтрольных.

На самом деле ответственность за трансформацию пространственных структур, созданных властью в процессе принудительной колонизации, должна быть возложена на государство, как это и происходит у большинства наших северных соседей. Еще раз подчеркну — не на власть, отстаивающую прежде всего свои эгоистические интересы и смотрящую на проблемы страны через призму собственного выживания, а на *государство*.

4. Дальний Восток и «Русская Америка»

Феномен технологической недостаточности в наибольшей степени проявился и проявляется на восточных окраинах России. Речь идет как о регионах, входящих ныне в состав России (Курильские острова, Камчатка), так и территориях, некогда колонизованных русскими, но не удержанных в составе Российской империи («Русская Америка»).

Специфическое ощущение геополитических реальностей, повышенная осмотрительность и прагматизм досоветских правителей России, особенно в XIX веке, заставляли их думать прежде всего об обеспечении стабильности и безопасности близких границ и подступов, не останавливаясь при этом перед потерей тех территорий, которые не могли быть эффективно стратифицированы властью (речь идет прежде всего об Аляске). Но даже эта сверхосторожная линия, как показали дальнейшие события, и, в частности, русско-японская война 1904–1905 годов, не смогла обеспечить тогдашней Российской империи сохранение в полном объеме своих территорий на Дальнем Востоке.

Создание мощного флота, т. е. решение задачи организационно-технической, как оказалось, не могло решить проблему властно-технологическую — создания талассократической, говоря языком традиционной геополитики (т. е. лишенной территориальной непрерывности) технотектуры, для которой в российской истории не было прообраза, традиции.

Существенно иной по сравнению с «Русской Америкой» была ситуация Курильских островов. Курилы и прилегающая к ним зона были проблемным с точки зрения геополитики и «естественных границ» пространством. Геополитически Курильская гряда, во всяком случае южная ее часть, находится в зоне геополитической радиации Японии. В то же время территориальные размежевания, относящие Курильскую гряду к России, также не были, с точки зрения «естественных границ», искусственными и надуманными. Исторически сложилось так, что в то время, как Россия осуществляла колонизационную экспансию на Восток и, двигаясь от Камчатки на юг, достигла Курильской гряды, Япония (после 1638–1639 годов), напротив, стала на путь изоляционизма, выезд из страны был запрещен и сурово карался. В силу этого России удалось максимально расширить сферу действия своих технологических, властных структур (и соответственно политического и экономического влияния), не выходя при этом за рубежи естественных геополитических границ (ситуация, противоположная Аляске).

Причем, как и в случае с Аляской, отказ от прав на Курильские острова, частичный — в 1855-м и полный — в 1875 году (прав, как известно, возвращенных, или, если точно следовать терминологии соответствующих дипломатических документов, *переданных* СССР только по итогам Второй мировой войны), и признание юрисдикции Японии над ними российское (царское) правительство не рассматривало как отказ от исконно русских земель или как нарушение целостности империи. Курилы во второй половине XIX века рассматривались правительством России как территория, лежащая на пределе геополитических возможностей России и к тому же малоценная в хозяйственном, экономическом отношении.

Ситуация, создававшаяся с Алеутскими островами, Камчаткой и Курилами, — это именно та ситуация, когда недостаточность технологического поля заставляет власть идти не по пути создания достаточно сложно организованных дисциплинарных пространств, умножения и наложения друг на друга различных и многообразных механизмов социального контроля, а по пути уничтожения технологического фона, омертвления пространства и *депопуляции* (уничтожение алеутов, по некоторым данным, на 9/10).

Трудно сказать, как сложились бы исторические судьбы русского Дальнего Востока, если бы этот регион продолжал оставаться объектом исключительно (или по преимуществу) морской колонизации (мало чем в этом отношении отличаясь от той же британской Индии или Америки) и если бы основными пунктами, откуда перемещались на Дальний Восток люди и грузы, продолжали оставаться Кронштадт и Одесса. Но на протяжении второй половины XIX века в России расширяется сеть железных дорог, а на рубеже веков у страны хватает ресурсов и воли для сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали. И хотя по сей день большая часть грузов доставляется из Европейской России на Дальний Восток морем, Транссибирская магистраль позволила определенным образом «сомкнуть» пространство власти и в какой-то степени смягчить

катастрофические последствия хронической для этих регионов технологической недостаточности.

В свете сказанного понятно отношение автора к рекомендациям о смещении «центра тяжести» российского пространства с Запада на Восток, переориентации российского общества с атлантической цивилизационной модели на тихоокеанскую и соответствующих стратегических трансформациях — «новому наведению мостов», уже не с Западом, не с Атлантикой, а со странами Тихоокеанского бассейна (вплоть до переноса на Восток столицы государства[7]). С точки зрения *технологической* российский Восток в значительной степени находится в зоне хронической технологической недостаточности — в пространстве, организованном через центр, импульсы власти достигают этой глубокой периферии весьма ослабленными. Изменить это положение волевым путем (например, перенести столицу за Урал) невозможно, ибо центристская структура российского пространства формировалась столетиями, причем в контексте определенного типа колонизации.

5. Азиатская граница

Что касается азиатской границы, то мне представляется заслуживающим всяческого внимания подход к этой проблеме специалиста по исторической географии Д.Н.Замятина. Под азиатской границей, пишет он, понимается «сравнительно большая барьерная территория, полоса между различными государствами или полугосударственными образованиями, политический режим существования которой хотя и может быть оформлен де-юре соответствующими политическими соглашениями, однако де-факто представляет собой переплетение разнородных, осколочных местных и региональных властных структур; буферность такой территории несомненна...».[8]

С течением времени, однако, на азиатской границе происходит «уплотнение геополитической среды», и это «оплотнение, уплотнение политико-географической границы ведет к постепенному исчезновению ее азиатских составляющих».[9]

Сегодня азиатской границы в том виде, в каком она существовала в зоне продвижения России в Среднюю Азию в XIX веке, нет, хотя пространство власти на южных рубежах России явным образом «разрыхляется» и деградирует, если хотите — «обазиятчивается».

Отчасти это связано со своеобразным *раздвоением* российской границы в Центрально-Азиатском регионе. Наряду с укрепленной государственной границей, оставшейся на рубежах бывшего СССР (переставшей формально быть границей России, но, тем не менее, охраняемой российскими пограничниками), появились весьма условные и проницаемые границы России со странами СНГ. Граница в военно-техническом смысле выступает здесь не как ограничитель пространства власти, а как своеобразный анклав власти, поскольку севернее этих пограничных рубежей находится не российская территория, а иначе организованное и конкурирующее с российским властное пространство, контролируемое возникшими после распада СССР авторитарными режимами (Таджикистан, Казахстан, Киргизия и т. д.).

Близка сегодня к азиатскому типу границы (и в то же время весьма специфична) и протяженная граница России с Китаем. Здесь приграничные районы стали, по сути, сферой жесткого экономического и демографического давления на Россию, более того, — зоной скрытой колонизации, несомненно поощряемой и дирижируемой властью (разумеется, речь идет о структурах власти нашего великого южного соседа). И это, конечно, нечто иное, чем российско-казахстанская граница.

Только новая «азиатская граница» формируется не направлениями набегов кочевников, как прежняя, традиционная, а в первую очередь направлениями легальной, полуполюгальной и нелегальной миграции и векторами транзита наркотиков.

Так что тенденция сегодняшнего дня — не «оплотнение» границы, а скорее своеобразное разрыхление пространства власти, трансляция «азиатских», деструктивных (или аструктурных) параметров приграничной зоны в направлении властного ядра.

6. Европейская граница

Что же касается ситуации с западными границами России, то здесь мы имеем дело не с безмерным растяжением пространства власти, которое при значительной его протяженности и редком населении чрезвычайно сложно освоить технологически, а, напротив, с *уплотнением*, а порой и со *сжатием* этого пространства, потенциально взрывоопасной ситуацией, овладеть которой, как свидетельствует история, власть в состоянии лишь при помощи избыточного насилия и предельно жестких технологий.

На Западе у России не было естественной геополитической границы, естественных географических рубежей — и не было безграничного свободного пространства, провоцировавшего властную и стихийную, «народную колонизацию». Соответственно пространство к западу от Смоленска никогда не было зоной иницируемой властью, зачастую принудительной колонизации. И структура пространства на западе формировалась, очевидно, не столько в процессе колонизации, сколько в процессе многовекового противостояния сильным западным соседям.

Д. Н. Замятин, вероятно, вполне справедливо говорит о *типе* европейской границы — жестко структурированной и в известной степени абстрагированной от конкретной территории.^[10] Замечу, однако, что к вопросу о связи границы с конфигурацией конкретной территории и, в конечном счете, о *естественности рубежей* следует подходить исторически. Французский историк Фернан Бродель проницательно замечает, что всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться (т. е. иными словами, — до известной степени становится естественной).^[11]

Солдат

Состояние воинское, только уважаемое во времена наши и почитаемое главнейшею подпорою общей безопасности, без сомнения произошло от необходимости, как и другие общества. Это можно себе представить следующим образом. Некоторые глупые и злонамеренные общества вздумали для своих выгод грабить другие лучшие, которые будучи этим обеспокоены, вынуждены были помышлять о зашитии себя; но иногда не могли сопротивляться своим неприятелям, а иногда и не знали, что предпринять. Наконец вознамерились часть членов своих употребить для зашития целого общества, чтобы они денно и ночно имели бдение об общей безопасности так, чтоб и в то самое время, когда нет причины опасаться неприятеля, были они на все готовы.

И в новейшей истории перемещение границы между государствами — это чаще не какой-то непредсказуемый и тем более произвольный сдвиг государственной границы, а маятникообразное колебание между двумя-тремя уже избранными и маркированными историей рубежами, зависящее в основном от соотношения сил между акторами, борющимися на геополитической сцене.

Вместе с тем на Западе существовали отчетливые этнические и *цивилизационные* границы. Если, как писал еще В. О. Ключевский, «русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории»^[12], то на Западе все было по-иному: продвижение России на Запад постоянно наталкивалось на сопротивление достаточно *плотное*. Запад не мог быть колонизован, как Восток, *от центра до океана*; Атлантический океан находится вне пределов досягаемости, и *тип* пространства «к западу от Смоленска», а затем к западу от Буга был иным, нежели бескрайние пространства на востоке, юге и тем более на севере.

Поскольку естественная граница отсутствует и разграничение может осуществляться лишь по приблизительным контурам расселения этносов, то власть заинтересована в осуществлении своего рода этнической трансформации, реальной или фиктивной; русификация Польши и Прибалтики в этих условиях была почти неизбежным методом воспроизводства и самосохранения власти. Не забудем назвать в числе методик, используемых властью на обширном сегменте пространства между центром и западной границей, и создание так называемой «черты оседлости».

Перемещение столицы — Петербурга — в пространство буферной геополитической зоны также вынудило власть ужесточить способы технологического контроля. Проведение границы на Западе было осуществлено после войн и потрясений петровской

эпохи по тому же принципу, что на юге: границей стала линия побережья международного моря (в одном случае — Черного, в другом — Балтийского).

Что касается Прибалтики, правобережной Украины и Белоруссии, Бессарабии, то после Брестского мира власть рассматривала эти утраченные ею в годы постреволюционного кризиса государственности территории как объект потенциальной реконкисты и восстановления разорванного и утраченного властного пространства. Последнее и произошло в конце 30-х годов, после включения Латвии, Эстонии и Литвы, а также правобережной Украины и правобережной Белоруссии в состав СССР: эти территории были поглощены советской тоталитарной техноструктурой и стали пространством, в полной мере подверженным действию типичных для подобной техноструктуры макротехнологий, предполагающих террор, депортации, ГУЛАГ, практику исключения не в фукианских, а в специфических советских формах, и т. д.

Иными словами, пространство между исторически сложившимся центром России и западной границей, т. е. зона, где Россия соприкасалась с Европой, пространство не колонизации, а геополитического противоборства, страдало скорее от *технологической избыточности*. И любое обострение геополитического противоборства, любая вспышка политических и тем более военных конфликтов была чревата конвертацией этой избыточности в прямое насилие.

7. Жесткость или взаимодействие? Граница как стена

Неизбежный вопрос: дегенерация пространства власти начинается из центра, с кризиса структуры, и этот *кризис центра* иррадирует на окраины, делая рыхлой и беззащитной созданную усилием центра и структурированную им периферию? И деградация, отмирание, омертвление краев пространства власти является проявлением общего кризиса организации пространства? Или он, этот кризис, начинается с краев пространства и, подобно эпидемии, движется в направлении властного ядра? Или следует говорить не о кризисе организации пространства, а более широко — о кризисе власти, государственной структуры? Или источник всех зол — в разрушительном влиянии заграничных, иначе организованных структур власти?

Но если источник зла — влияния извне, то их следует максимально ограничить. И прибегнуть к созданию границы *типа стены*.

Стена — это предельное проявление жесткой, непроходимой, исключаящей взаимовлияние двух соседних техноструктур границы, попытка тотального и категоричного пресечения взаимодействия пограничных пространств власти. Из этой жесткости и категоричности — утопичность подобных геотехнологических проектов.

В основе утопий этого рода (назовем их утопиями изоляции) лежит ощущение технологической недостаточности, своего рода комплекс власти, идея фикс — ограничить (или отграничить), зримо, вещественно проявить предмет гордости власти, выстроенный ею технологический механизм, и тем самым обрести уверенность и ощущение незыблемости статус-кво.

Когда речь идет о границе типа стены, прежде всего вспоминаются, конечно, прообраз и историческая предшественница всех подобных границ — Великая Китайская стена и ее самый знаменитый современный аналог — стена Берлинская.

Возведению Великой Китайской стены посвящена известная притча Франца Кафки. Смысл ее неоднозначен; одна из наиболее впечатляющих ее интерпретаций, данная философом В. А. Подорогой, сводится к тому, что власть создавала не стену — она создавала *бреши* в ней, позволяющие сохранить ощущение внешней угрозы и тем самым обеспечить самовоспроизводство власти и консолидацию империи.^[13] Это оригинальная версия, но, очевидно, никак не единственно возможная (в пределах данной статьи, к сожалению, нет возможности останавливаться на иных, также небезынтересных интерпретациях «феномена Стены»).

Акцентируем лишь один аспект ситуации: *двойное назначение* приграничных конструкторов власти типа стены. Приведем примечательное высказывание О. Латтимора о

причинах сооружения Великой Китайской стены, на которое ссылается и с которым, в сущности, солидаризируется в своей книге «Постижение истории» А. Тойнби: «...Граница империи... фактически имеет двойное назначение. Она служит не только для того, чтобы преграждать путь соседям, но и для того, чтобы не выпускать своих жителей за пределы страны... Считалось необходимым ограничить деятельность китайцев по ту сторону Великой стены, чтобы не утрачивалась их связь с государством. Сельское хозяйство или торговля, которыми они занимались за пределами Великой стены, шли более на пользу варварам, чем китайскому обществу. Они как бы соскальзывали с китайской орбиты... Китайцы, покинувшие китайскую орбиту и приспособившиеся к некитайскому экономическому и социальному порядку, либо подчинялись варварским правителям, либо сами начинали практиковать варварские формы правления, ослабляя тем самым Китай».^[14]

Таким образом, граница-стена не только и, может быть, не столько ограждает территорию от вторжения извне, сколько ограничивает и придает форму коллективному этническому, политическому и социальному телу, служит гарантией непрерывности и неразрывности связи подданных с государством, с властью. Это своего рода механизм стратификации. Граница-стена не столько фиксирует геополитическое пространство и предотвращает попытки сузить это пространство извне, сколько служит оболочкой, скорлупой властной технотруктуры.

Более того, граница-стена не может не влиять на ограниченное ею пространство власти, которое, в свою очередь, трансформируется и становится все более и более «пристенным», в предельном случае превращаясь в дополнение к собственной границе.

Конструкты типа стены своеобразно «проявляют» определенные технотруктуры и определенный менталитет. Это менталитет закрытого пространства, пространства, которое не *простирается*, а натывается на искусственные пределы, установленные властью в соответствии с ее представлениями о собственной природе и присущим ей гипертрофированным самомнением. Это особенно хорошо осознается при сравнении Китая с Россией. Россия, в отличие от Китая, была страной колонизирующей, т. е. развивающейся вовне. Спасение от набегов «варваров», во всяком случае в послемонгольский период, виделось прежде всего в усилении военной мощи; ограждение и прикрепление населения в пространстве власти достигалось посредством жестких локализирующих технологий, не связанных с формализацией и фиксацией ареала потенциальной экспансии власти. В конкретной геополитической ситуации России в недрах власти не могла зародиться склонность к пространственному самоограничению: власть осмысливала пространство своего воспроизводства как лишенное пределов, *бесконечное*.

Это различие, кстати, имеет далеко идущие последствия, и, в частности, должно быть учитываемо теми, кто призывает и призывает Россию и российских реформаторов ориентироваться на так называемую «китайскую модель».

Россия, во всяком случае с XVI–XVII веков, не была заинтересована в какого-либо рода конструктивной фиксации пространства власти и ограничении ареала колонизации. Поэтому она шла не по пути фиксации пространства власти при помощи статических конструктов, а путем маркировки завоеванного пространства при помощи динамичной системы кордонов и крепостей, и при опоре на эти системы обеспечивала постоянное расширение своей территории.

Некоторые идеи, отдаленно напоминающие мышление китайских императоров, появляются в последнее время в России, правда, в формах, лишенных китайской амбивалентности и изощренности. Так, с середины 1990-х годов некоторые наши политики державно-патриотической ориентации и, более того, с некоторых пор — ориентации достаточно либеральной, осознавшие (кто раньше, кто позже) несостоятельность ставки на военную победу в чеченском конфликте, призывают обнести

Чечню «забором» или, если смотреть реально, отделить Чечню (либо горную часть ее) и создать непроходимую государственную границу между ней и Россией. Что заставляет вспомнить не только Великую Китайскую, но и Берлинскую стену, это железобетонное порождение «холодной войны».

У А. Тойнби есть очень важное понятие — «напряжение границы». Он отмечает, что варвары, которые смели границы, отделяющие их от цивилизованного мира, оказываются перед новым, совершенно неведомым им кругом проблем и испытывают замешательство. «Причина деморализации варвара-победителя,— замечает Тойнби, — кроется во внезапном освобождении его от напряжения границы, к чему победитель оказывается психически и морально неготовым».[15] Но *напряжение границы* — это фактор существования не только «варварского» пространства власти по *ту* сторону границы-стены, но и пространства власти, структурированного империей по *эту* сторону. Наличие внешней угрозы, фиксируемое стеной, обеспечивает поддержание необходимого напряжения и жизнеспособности пространства власти как такового.

При такой интерпретации становится очевидным не формальное, а сущностное сходство Великой Китайской стены и Берлинской стены. Берлинская стена — такое же средство создать *напряжение границы* внутри пространства власти, как и три тысячи лет назад. То же самое, наверное, можно сказать и о жесткой, непроходимой корейско-корейской границе по 38-й параллели.

На этих разделенных в истории тысячелетиями примерах видно, как некий жестко маркирующий границу конструкт, на первый, поверхностный, взгляд кажущийся чисто фортификационным, военно-техническим сооружением, обретает свой подлинный смысл лишь в контексте технологических, т. е. властных, отношений, оказываясь одним из *обнаружений власти*, и как он, созданный властным пространством, в свою очередь влияет на породившее его властное пространство.

Между тем отсутствие приграничного взаимодействия приводит к накоплению кинетической энергии (или к избыточному напряжению), которая прорывается лавинообразно (объединение Германии). Взаимодействие же в известном смысле нейтрализует эти энергии, уравнивая разность потенциалов.

Сегодня граница-стена — признак изгойства того, кто выступает инициатором ее возведения или сторонником ее сохранения. Уже не великие империи отгораживаются от варваров, а слабые от сильных или от еще более слабых (настолько слабых, что им нечего терять, что, как это ни парадоксально, и делает их в каком-то смысле сильными). Наконец, граница-стена задает жесткий вектор трансформации пространства власти — а именно, по образу и подобию *страны-границы*, т. е. государства, вся внутренняя структура которого организована по типу пограничного, технологически перенасыщенного и «беременного» насилием пространства. Думаю, Северная Корея и Куба в обозримом будущем проявят неэффективность и историческую обреченность этого типа организации пространства власти и границы.

Если же, паче чаяния, будет возведен конструкт типа стены между Россией и Чечней или между равнинной и горной частью Чечни (сейчас обнаружено несколько подобного рода проектов), то это будет фактор создания *напряжения границы* и направленного воздействия на структуру власти внутри России, способ консолидации периферии и властного ядра в рамках значительно более жесткой, нежели сейчас, технологической структуры.

* * *

Таким образом, на рубеже веков Россия столкнулась с феноменом тотальной уязвимости своих границ и, возможно, необратимой трансформацией (часто — дегенерацией) приграничного буферного пространства.

Генетически, исторически нынешняя уязвимость границ и приграничных буферных зон — следствие многовековой гипертрофии властных технологий и слабости, вторичности гражданской, стихийной, «народной» колонизации. Последствия такого

положения вещей «накапливались» на протяжении столетий, и это «колониционное наследие» серьезно затормозило процесс формирования гражданского общества в России.

Сегодня мы констатируем ряд негативных процессов: во—первых, своего рода «обязиатчивание» границ и пространства в целом, даже в весьма отдаленных от Средней Азии сегментах (скажем, на Дальнем Востоке); во-вторых, деколонизацию Севера и своеобразное провисание, неподкрепленность примыкающим пространством власти северной границы; в-третьих, очевидную бессмысленность сохранения в прежнем виде сверхжесткой западной, русско-европейской границы и в то же время полную неопределенность путей ее трансформации.

Таким образом, дегенерация границы — это следствие и одновременно стимулятор разрыхления сверхцентрализованного пространства власти. Это разрыхление означает ослабление и разрушение системы технологий, созданной властной колонизацией, проявление потенциальной и реальной технологической недостаточности, с одной стороны, и эрозии зон технологической избыточности, с другой. И все это — при отсутствии новых технологий, адекватных демократическому гражданскому обществу.

Очевидно, рецепты ужесточения техноструктуры приграничных зон в исторической перспективе неэффективны, хотя, разумеется, подобная констатация не отрицает необходимости наведения порядка в приграничных зонах, т. е. прежде всего борьбы с незаконной миграцией, криминалитетом и коррупцией.

Реальным противовесом деградации границ, опоясывающих пространство, сформированное властной, правительственной колонизацией, может быть только становление гражданского общества, развитие и укрепление присущих ему «гражданских» технологических и дисциплинарных структур.

---

[1] Основные концептуальные позиции автора кратко изложены в кн.: *Королев С. А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

[2] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 31.

[3] Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 286.

[4] См.: *Королев С. А.* Восстание Булавина: конфликт колонизаций? // Независимая газета. 10.12.2000; *Королев С. А.* Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. М., 2001.

[5] «А если царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснение чинить, и мы Войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турецкого царя, чтоб турецкий царь насот себя не отринул» (Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 464).

[6] История крестьянства России до 1917 г. М., 1993. Т. 3. С. 135.

[7] Подробнее об этом см.: *Королев С. А.* Нужна ли России новая столица? Глобальный эксперимент как панацея от всех зол // *Философские науки.* 2000. № 4.

[8] *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. М., 1999. С. 157.

[9] Там же. С. 168, 160.

[10] См.: *Замятин Д. Н.* Указ. соч. С. 161.

[11] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. С. 274.

[12] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1958. Т. V. С. 194.

[13] См.: *Подорога В.* Знаки власти // *Киносценарии.* 1991. № 3. С. 185–186.

[14] Цит. по: *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 543–544.

[15] *Тойнби А. Дж.* Указ. соч. С. 552